КІЕВСКАЯ СТАРИНА.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ПЯТЫЙ.

ТОМЪ XV.

АВГУСТЪ.

1886 г.

КІЕВЪ.

Тип. А. Давиденко, аренд. Л. Штамомъ, Мало-Житом. ул., д. № 4.

СОДЕРЖАНІЕ.

Августъ, 1886 г.

Дозволено цензурою. Кiевъ, 29-го iюля 1886 года.

НЕИЗДАННЫЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ Т. Г. ШЕВЧЕНКА.

III.

НАЙМИЧКА.

Между городомъ Кременчугомъ и городомъ Ромнами лежитъ большая транспортная или чумацкая дорога, называемая Ромадоновымъ шляхомъ. Откуда она взяла такое названіе,—это покрыто туманомъ неизвѣстности; чумаки же разсказываютъ вотъ какую былицу.

Жилъ въ городѣ Крюковѣ, что за Днѣпромъ, противъ Кременчуга, такъ въ этомъ городѣ Крюковѣ жилъ богатый, неисчислимо богатый чумакъ Романъ. Каждое Божіе лѣто отправлялъ онъ двѣ *валки*, по крайней мѣрѣ, возовъ въ двадцать каждая, одну на Донъ за рыбою, а другую въ Крымъ за солью. Къ первой Пречистой чумаки, его наймиты, возвращалися въ городъ Крюковъ. Часть добра сваливалась въ его коморахъ, а съ другою половиною добра онъ уже самъ отправлялся въ городъ Роменъ, съ своею «валкою», а шелъ онъ вотъ какою дорогою: сначала на Хоролъ, такъ что ему Золотоноша оставалася вправо, а Веселый Подолъ влѣво, потомъ изъ Хорола на Миргородъ, изъ Миргорода на Лохвицу, а изъ Лохвицы уже въ Роменъ; такъ, посудите сами, какой онъ кругъ всегда давалъ! И для почтаря это чего нибудь да стоитъ, а про чумака и говорить нечего. Вотъ онъ однажды, продавши на роздробь и частку гуртомъ свое добро въ городѣ Ромнахъ, думалъ было возвращаться домой, да пріостановился не на долго около корчмы, около той самой корчмы, что и теперь стоитъ за городомъ Ромнами, подъ вербами, на лохвицкой и зиньковской дорогѣ и на Ромодано-

вомъ шляху. А тутъ уже подъ вербами, около корчмы, стояло десятокъ, другой чумацкихъ возовъ распряженныхъ, а кой-гдѣ подъ возами сидятъ себѣ люди добрые да горилку кружаютъ.

Вотъ онъ остановился съ своею худобою, снялъ шапку, помолился Богу и, обратившись къ чумакамъ, сказалъ:

— Благословите, панове молодци, волы попасать!

Чумаки ему отвѣтили такъ:

— Боже благослови, велике поле! и принялись за свое дѣло; а онъ, оставя волы въ ярмахъ, пошелъ въ корчму, говоря: «я только чвертку выпью».

Заходитъ въ корчму, а тамъ шинкарочка точно на картинѣ намалевана, будто шляхтянка какая. Чумакъ Романъ былъ уже хотя и не молодой чумакъ, одначе въ немъ сердце заиграло, глядя на такую кралю. Краля это смекнула, да усмѣхнувшись и спрашиваетъ его:

— А чего вамъ хорошаго надобится, господа чумаче?

Она таки умѣла и по московски слово закинуть.

— А вотъ чего мнѣ надо, моя добродѣйко: кварту горилки, да двѣ кварты меду, да сама сядь коло мене.

— Добре, сказала шинкарка и, наливши ему кварту водки, пошла въ лёхъ съ поставцемъ и принесла меду.

Сидитъ чумакъ Романъ въ концѣ стола, закуривши свою чумацкую люльку, а около его сидитъ молодая шинкарочка да смотритъ на его сѣдые усы своими голубиными глазками; пьетъ чумакъ Романъ, кружаетъ онъ серебряною чарою горилку горькую, а шинкарочка молодая золотымъ кубкомъ медъ сладкій. Долго они вдвоемъ себѣ сидѣли, пили, разныя пѣсни пѣли; на дворѣ уже стемнѣло, а они сидятъ себѣ, пьютъ и поютъ; уже и темная ночь на дворѣ, уже бы чумаку и въ дорогу пора, а онъ сидитъ себѣ да пьетъ. Уже и полночь на дворѣ, а онъ все таки сидитъ и пьетъ, а шинкарочка знай наливаетъ, а волы бѣдные въ ярмахъ стоятъ. Вотъ уже и «чипига» и «волосожаръ» за гору спрятались, и зорница взошла; чумакъ Романъ какъ бы опомнился, взялъ шапку и люльку и вышелъ изъ корчмы, легъ въ возъ, накрылся свитою и едва проговорилъ: «собъ, мои половые!»

Волы двинулись, взяли *собъ* и пошли чистымъ полемъ, а не лохвицкою дорогою. Неизвѣстно, долго-ли они такъ шли и долго-ли

чумакъ Романъ спалъ, только онъ проснулся уже въ городѣ Кременчугѣ. По его слѣду поѣхали другіе чумаки и пробили широкую дорогу и назвали ее Романовымъ шляхомъ, а почему его зовутъ Ромоданомъ, этого чумаки не знаютъ.

Таково слово въ слово сказаніе народа о Ромодановской дорогѣ.—Не улыбайтесь добродушно, мой благосклонный читатель; я и самъ плохо вѣрю этому сказанію, но, по долгу списателя народнаго быта, долженъ былъ упомянуть о семъ досужемъ вымыслѣ народа.

Ближе къ истинѣ полагать можно вотъ что о происхожденіи Ромодановскаго шляху. Не былъ ли его пролагателемъ князь Григорій Ромадановскій, который въ 1686 году водилъ московскую рать подъ Брусяную гору, чигиринскую резиденцію неукротимаго гетмана Петра Дорошенка. Я думаю, это будетъ правдоподобнѣе. Но кто-бы не проложилъ эту дорогу, намъ, правду сказать, до этого дѣла нѣту, а заговорили мы о ней потому, что описываемое мною происшествіе совершается по сторонамъ ея.

Но чтобы вы полное имѣли понятіе о Ромодановской дорогѣ, то я прибавлю вотъ что.

Примѣчательна эта дорога тѣмъ, что, начиная отъ Ромна и до Кременчуга, не касается она, на разстояніи 300 верстъ, ни одного города, ни мѣстечка, ни села, ни даже хутора, а лежитъ себѣ чистымъ, ровнымъ, злачнымъ полемъ. Только кой-гдѣ стоятъ корчмы съ огромными стодолами и глубокими колодезями, построенными собственно для русскихъ извощиковъ,—наши чумаки никогда не останавливаются въ корчмахъ, а по сторонамъ ея часто встрѣчаются земляныя укрѣпленія разной величины и формы, поросшія «періемъ». Нерѣдко виднѣются и курганы, совершенно круглые, сажень 50 въ діаметрѣ; есть и больше и меньше, всегда съ выходами двумя, тремя и четырьмя, смотря по величинѣ кургана. Ихъ простой народъ называетъ просто *могилами*; есть и такія насыпи (и это самыя большія), которыхъ и форму опредѣлить нельзя; это валы разной величины и въ разныхъ направленіяхъ. Думать надо, что форма этихъ шанцевъ впослѣдствіи испорчена корыстолюбивымъ и любопытнымъ потомствомъ. Не помню, кто именно пробовалъ добывать селитру изъ Орельскихъ земляныхъ укрѣпленій, или такъ называемой линіи, построенной Петромъ первымъ, между Днѣпромъ и Дономъ, на берегу рѣки Орели; но ре-

зультаты оказались совсѣмъ неудовлетворительны. Можетъ быть, что и описываемые мною курганы были пробованы какимъ нибудь любителемъ селитры—Ходаковскимъ въ нѣкоторомъ родѣ; не знаю, пускай про то вѣдаетъ антикварій. Нужно еще прибавить, что всѣ эти такъ называемыя могилы имѣютъ свои названія, какъ-то: *Няньки*, *Мордачевы*, *Королевы* и т. д.; послѣднія, быть можетъ, окопы Карла XII, потому что онъ въ этихъ мѣстахъ когда-то шлялся съ своими синекафтанными шведами.

Я одначе во зло употребляю терпѣніе моихъ благосклонныхъ слушателей: разносился съ своимъ Ромоданомъ, какъ дурень съ писаною торбою, наговорилъ, что твоя «перекупка» съ бубликами, а о самомъ-то дѣлѣ не сказалъ еще ни слова.

Недалеко отъ Ромодановскаго шляху, по правую сторону (ѣдучи изъ Роменъ) лежитъ широкая прекрасная долина, окруженная невысокими холмами, уставленными, какъ будто сторожами, столѣтними дубами, липами и ясенями; вдоль широкой долины извилисто вьется бѣлою блестящею полосою Сула. По берегамъ ея стоятъ, распустя свои зеленыя косы, старыя вербы и бересты. Вдоль берега Сулы растянулось большое село, закрытое темными зелеными садами; только кой-гдѣ изъ густой зелени прорѣзывается бѣлое пятнышко—это бѣлая хата съ соломяною крышею. Таковъ видъ всѣхъ почти селъ въ Малороссіи, съ большимъ или меньшимъ количествомъ вѣтряныхъ мельницъ. И какъ привѣтливо машутъ они своими крылами утомленному путнику, предлагая гостю пріятный отдыхъ въ своихъ зеленыхъ благоухающихъ садахъ.

Солнце близилося къ горизонту и золотило своимъ желто-багровымъ свѣтомъ и безъ того золотыя, уставленныя копнами, поля благодатнаго села. Широкая долина покрылася прозрачнымъ свѣтло-фіолетовымъ туманомъ и спрятала прекрасную линію своего горизонта въ туманъ. Сула зардѣлася матовымъ румянцемъ, какъ загорѣвшая на солнцѣ молодая жница при встрѣчѣ съ милымъ косаремъ своимъ. По желтому пурпуровому мату извилистой Сулы кой-гдѣ тянулися за рыбачьимъ челнокомъ свѣтлыя блестящія струйки,—тянутся и пропадаютъ въ темно зеленомъ очеретѣ. Вербы и вязы еще ниже наклонилися къ водѣ, какъ-бы оплакивая умирающій день. Въ такую-то вечернюю пору возвращалися въ село съ поля молодыя прекрасныя жницы. И какъ въ этотъ день жнива

были окончены, то онѣ, каждая для себя и для освященія въ церкви, сплели вѣнокъ изъ колосьевъ пшеницы, жита и васильковъ и, увѣнчавшись вѣнкомъ, возвращались съ пѣснями къ вечеру въ село, выбравъ сначала изъ среды себя царицу, чтобъ было кому пѣсни припѣвать. Впереди всѣхъ ихъ, тихо выступая, шла прекрасная царица «свята», стыдливо, какъ бы отъ тяжести вѣнка, опустила на грудь свою прекрасную смуглую голову, укрытую золотистымъ вѣнкомъ и распущенною черною косою; въ рукахъ у нея былъ серпъ и небольшой снопъ жита, перевитый зеленою березкою,—настоящая Церера. За нею шли дѣвушки и пѣли въ честь ея свои заунывныя пѣсни; за дѣвушками шли молодые косари съ косами (они косили отаву на Сулѣ) и скромно вторили имъ. И вся эта картина была освѣщена заходящимъ раскаленнымъ солнцемъ. Прекрасная, умилительная картина! А подойдите вы къ этой картинѣ поближе, всмотритесь въ нее повнимательнѣе, и вы увидите на ея свѣтломъ розовомъ фонѣ такія пятна, что невольно отворотитесь, и на унылыя мелодическія пѣсни этихъ прекрасныхъ жницъ вы горько улыбнетесь и закроете уши.

Живуча и дѣятельна натура человѣка! Съ утра до вечера на солнцѣ, безъ малѣйшей тѣни, съ утра до вечера, согнувшись, жнетъ бѣдная жница, и что же? Насталъ вечеръ, идетъ домой, поетъ, а дома не успѣла повечерять, опять на улицѣ или въ саду, и опять поетъ и поетъ, не умолкая, до разсвѣта; съ разсвѣтомъ опять за серпъ и на ниву, и снова цѣлый день на солнцѣ, согнувшись цѣлый день, какъ ни въ чемъ не бывало.

О агрономы—филантропы! выдумайте вы, вмѣсто серпа, какую нибудь другую машину: вы этимъ окажете величайшую услугу обреченному на тяжкій трудъ человѣчеству.

Группы косарей и жницъ съ своею прекрасною царицей, отраженныя въ свѣтлыхъ струяхъ Сулы, медленно приближались къ селу. На встрѣчу имъ выбѣжали дѣти и вышли съ грудными младенцами матери, встрѣчая и поздравляя взрослыхъ дѣтей своихъ съ благополучнымъ окончаніемъ озимыхъ жнивъ, мать же прекрасной царицы со слезами благодарила дѣвушекъ за оказанную честь ея дочери и просила всѣхъ до своей хаты на вечерю. Дѣвушки, войдя въ село, значительно переглянулись между собою, а молодые косари нахмурили свои черныя брови. Чтобы это значило?

А вотъ что! и тѣ и другіе замѣтили около нѣкоторыхъ воротъ вѣхи.

Какое же имъ дѣло до вѣхъ? вы скажете.—О, имъ великое дѣло до этихъ зловѣщихъ маяковъ!

Когда вы въѣзжаете въ малороссійское село и видите у воротъ на высокомъ шестѣ нѣсколько соломяныхъ кисточекъ, это значитъ, что въ селѣ не пѣхота, а кавалерія квартируетъ. Вѣхи означаютъ конюшню, а число соломяныхъ кисточекъ—число лошадей на конюшнѣ. Въ описываемое мною село пришли еще только квартирьеры, назначили квартиры и разставили вѣхи для конюшенъ.

Вздрогнуло сердце не одного чернобровагo косаря при видѣ этихъ зловѣщихъ вѣхъ. Не одинъ изъ нихъ припомнилъ страшные, трагическіе разсказы про безталанныхъ покрытокъ. А жницы! О мои родныя жницы, никакія кровавыя драмы васъ не научатъ! Новина—вашъ проклятый идолъ, передъ которымъ вы кладете все, часто честь, а за нею и жизнь свою безталанную!

Съ поклономъ и честію встрѣтилъ жницъ сѣдоусый Власъ, отецъ прекрасной Лукіи и просилъ ихъ милостиво зайти къ нему въ оселю и повечерять, что Богъ далъ.

Жницы съ пѣснями вошли на дворъ, а на дворѣ уже на зеленомъ споришѣ была разостлана большая бѣлая скатерть. Дѣвушки, по приглашенію хозяина и хозяйки, сѣли вокругъ скатерти, а царица «свята», снявши золотой тяжелый вѣнокъ свой и завернувъ вкругъ головы кое-какъ свою роскошную черную косу и засучивъ широкіе рукава своей рубахи, приняла отъ матери графинъ съ водкою и начала потчивать своихъ подругъ.

Впродолженіи ужина отецъ и мать Лукіи сидѣли на призбѣ и любовалися своей единственной прекрасной дочерью. Черезъ край полною щастія жизнію билось ихъ сердце, глядя на свою Лукію. А она, какъ привѣтливая хозяйка и услужливая работница, угощала подругъ своихъ со всею прелестію наивной простоты.

Послѣ вечери дѣвушки, помолясь Богу и поблагодаривъ хозяина и хозяйку и свою молодую подругу за вечерю и взявши вѣнки, чинно вышли на улицу. А на улицѣ подъ частоколомъ и подъ вербами дожидали ихъ ихъ чернобровые косари.

— Иди и ты, моя доненько, на улицю, поспивай съ дивчатами.

— Не хочеться мени, моя мамо!

— Чому жъ тоби не хочеться, мое серденько? може ты утомилась, то ляжъ, засни.

— Я ляжу спать, мамо.

— Постривай же, я тоби постѐлю постелю.

И мать послала постель своей утомленной дочери и перекрестя уложила ее спать. Лукія, утомленная дневнымъ трудомъ и вечернимъ щастіемъ, немного повертѣвшись на постелѣ, заснула.

А усталыя подруги ея всю ночь простояли съ своими чернобровыми косарями подъ вербами и подъ калинами, припѣвая·

Выйди Грицю на улицю
И ты Коваленку,
Постоимо пидъ вербою
Въ купочци тихенько.

Если-бы на завтрашній день не вступили драгуны въ село, то вся-бы эта исторія могла и кончиться одной идилліей; а драгуны только что вступили, сейчасъ завязали драму. Вслѣдствіе чего и прошу моихъ слушателей пропустить мимо ушей по крайней мѣрѣ годъ и обратить снисходительное вниманіе на картину слѣдующаго содержанія.

Верстахъ въ пяти, а можетъ быть и больше, по лѣвую сторону Ромодановскаго шляху (изъ Роменъ же ѣдучи), какъ разъ противъ описаннаго мною села, лежитъ пологая широкая равнина, такая широкая и длинная, что горизонтъ ея въ туманѣ теряется, а въ лѣтніе жаркіе и тихіе дни то бываютъ и миражи, какъ будто бы въ необитаемыхъ безплодныхъ и безводныхъ степяхъ киргизскихъ. Вся эта долина испещрена разноцвѣтными нивами и уставлена темными могилами, формою и величиною похожими на тѣ могилы, что между Кіевомъ и Васильковымъ на Бѣлокняжемъ полѣ. Я это говорю потому, что изъ Кіева въ Одессу болѣе проѣхало людей интересующихся отечественными древностями, нежели изъ Роменъ въ Кременчугъ. Ромодановскимъ шляхомъ, какъ извѣстно, ходятъ только одни чумаки, а чумакъ простой человѣкъ, какое ему дѣло до какихъ бы то ни было могилъ? Онъ можетъ только задать себѣ вопросъ: «чіимъ то трупомъ васъ начинено?» или, задумчиво глядя на темныя могилы, запоетъ однозвучно, монотонно. Такъ вотъ на этой-то равнинѣ, между угрюмыми могилами и пестрыми

нивами зеленѣетъ небольшой гай (роща), какъ бы оазисъ въ пустынѣ аравійской; это хуторъ богатого козака Якима Гирла.

Подойдемъ же мы ближе къ хутору и посмотримъ на красоту его безъискусственную и на жизнь его хозяина. Для насъ это путешествіе тѣмъ болѣе необходимо, что на этомъ уединенномъ хуторѣ будетъ продолжаться предлагаемая драма.

Весь хуторъ съ фруктовымъ садомъ и гаемъ занимаетъ не болѣе пяти квадратныхъ верстъ и окопанъ глубокимъ и широкимъ рвомъ, а ровъ усаженъ вовругъ всего хутора крижовникомъ. Ворота не досчатыя, какъ это бываетъ у постоялыхъ русскихъ дворовъ, а обыкновенныя простыя, по сторонамъ ихъ дубовые массивные столбы и по нѣсколько частоколинъ, да у глухого конца воротъ старая, широко-вѣтвистая верба, какъ-бы заслоняющая отъ недобраго глаза благодатный хуторъ. Войдя на дворъ хутора, вы увидите съ правой стороны большую клуню, обставленную полускирдами разнаго хлѣба, по лѣвую сторону воротъ загороды съ сараями для разной скотины, а за клунею невдалекѣ, подъ старыми берестами, двѣ дубовыя коморы и возовня; напротивъ коморъ лёхъ съ желѣзными дверями, и въ самомъ концѣ двора подъ липами бѣлѣетъ хата, снопками крытая на польскій ладъ. За хатою идетъ уже садъ съ разными породами яблонь, грушъ, сливъ, вишень, черешень и даже три старыхъ дерева грецкихъ орѣховъ, вывезенныхъ изъ Крыму еще дѣдомъ Якима Гирла; по серединѣ сада колодезь съ колесомъ и навѣсомъ, а за садомъ, въ гаю, на небольшой полянѣ, пасѣка съ куренемъ и погребомъ для пчелъ, а тамъ уже дубы, липы, березы и всякое дерево до самаго рва. А за рвомъ уже былъ небольшой ставочекъ, и около него огородъ, окруженный небольшимъ рвомъ и усаженный кукурузою и подсолнечниками, а баштанъ былъ немного подальше въ полѣ.

Такъ такой-то благодатный хуторъ у стараго козака Якима Гирла.

А какимъ добромъ наполнены его дубовыя коморы и лёхъ, и разсказать нельзя!

А чумаки его, гдѣ они на свѣтѣ не ходятъ! и въ Крыму, и на Дону, и въ Одессѣ, а про Кіевъ и говорить нечего.

Разъ было взялся онъ поставить песокъ сахарный въ самую Москву, только Москва шутить не любитъ съ нашимъ братомъ

хохломъ, такъ что онъ едва съ парой воловъ домой пришелъ, и съ тѣхъ поръ, если ему ненарокомъ кто скажетъ слово про Москву, то просто изъ хаты выгонитъ, а если въ гостяхъ услышитъ такое слово, то надѣнетъ шапку и, не прощаясь съ хозяиномъ, уѣдетъ на свой хуторъ. Якимъ Гирло, какъ видно, былъ человѣкъ не такъ себѣ, не всякому давалъ себѣ ступать на пяты.

Это было въ августѣ мѣсяцѣ: въ воскресенье, такъ около полудня, Якимъ Гирло вышелъ изъ хаты и сѣлъ на призбѣ; онъ былъ человѣкъ уже не молодой, но свѣжій и здоровый, усы и чубъ были не то что сѣдые, а сѣрые; рубаха на немъ чистая, бѣлая; шаровары тоже бѣлые; онъ не любилъ разныхъ московскихъ китаекъ и носилъ все бѣлое; сапоги на немъ добрые юфтовые; взглянувши на него разъ, то можно сказать, что это человѣкъ достаточный: въ лицѣ что-то есть такое.

Вскорѣ за нимъ вышла и жена его Марта, женщина лѣтъ сорока, а можетъ и больше, чисто и хорошо одѣтая, въ желтыхъ юфтовыхъ сапогахъ, въ плахтѣ и шелковой красной юпкѣ, хоть-бы и на старухѣ, такъ было-бы къ лицу.

Вынесла Марта сначала скамейку, покрытую килимкомъ, и поставила ее передъ мужемъ, а потомъ ужъ вынесла миску съ варениками и тарелку со сметаной, и все это поставила на временномъ столѣ передъ мужемъ, и сама сѣла около него.

— Нумо полудновать, Якиме!—сказала она мужу.

Якимъ, перекрестясь, сказалъ:

— А полудновать, такъ и полудновать! Господи благослови!

И съ этимъ словомъ расправилъ свои сѣрые усы и взялъ вареникъ.

Послѣ вареников Марта вынесла миску сливъ и желтую душистую дыню; покушали и сливъ и дыни немного. Послѣ полдника Марта убрала всё и сѣла опять на призбѣ около своего мужа; долго они сидѣли молча, наконецъ Марта заговорила.

— Что-то долго не видать чумаковъ нашихъ съ рыбою!

— Да что-то долго не видать!

И Якимъ замолчалъ: ему какъ-бы не хотѣлося продолжать разговора; впрочемъ онъ вообще былъ не говорливъ.

Немного погодя Марта опять заговорила:

— Я все думаю, Якиме, кому-то мы послѣ себя добро свое оставимъ? Не даровалъ намъ съ тобою Господь ни дочери, ни сына, такъ и помремо одиноки.

— Такъ что-же что помремо? Люди добрые похоронятъ, а добро поживутъ!

— Конечно, поживутъ; никуды оно не дѣнется, а все-таки лучше, еслибъ было свое родное дитя.

— Такъ гдѣ же его взять, коли Господь прогнѣвался на насъ за грѣхи наши.

— Да, прогнѣвали мы милосерднаго Господа, не утѣшилъ онъ ледачую старость нашу! Такъ и гробовой доской покроемся, и некому будетъ отъ души заплакать, и некому будетъ помянуть наши души грѣшныя!

— Знаешь что, Якиме! поѣду я завтра въ Бурта да отвезу отцу Нилу на сорокоустъ и за твою, и за свою душу; пускай отслужатъ, когда помремо.

— Ты заговоришь всегда такое, что просто не слушалъ бы тебя. Ну, скажи таки, умная ты голова, кто живой человѣкъ по своей душѣ сорокоусты правитъ?

— Нѣту, Якиме, не по живой душѣ, а по усопшей, а это я думаю сдѣлать для того, чтобы послѣ не остаться безъ поминовенія.

— Богъ милостивъ, не останешься! а я вотъ что думаю: что-то наша челядь изъ села долго не возвращается.

— Цыть, цыть, Якиме! чуешъ! о, ще разъ!

— Что тамъ еще разъ.

— Чуешъ!... дитина плаче....

— Такъ и есть, за воротами.

— Пойдемъ, посмотримъ, Якиме.

— Ходимо.

И не по лѣтамъ бодро встали съ призбы и пошли къ воротамъ.

Кто же раскажетъ радость старой Марты и Якима, когда они увидѣли подъ перелазомъ дитя, окутанное старой сѣрой свиткой и головка прикрытая зеленымъ широкимъ лопухомъ!

— Якиме! только могла проговорить старая Марта, всплеснувъ руками.

А старый Якимъ, снявши бриль, молился Богу.

— Якиме! сказала Марта, взявши ребенка на руки, посмотри, какое здоровое да хорошое!

Якимъ взялъ ребенка на руки и сказалъ:

— Пойдемъ въ хату! оно бѣдное голодное.

И они пошли въ хату съ своею дорогою ношею.

Пришедши въ хату, Якимъ бережно положилъ младенца на столъ, досталъ съ полки псалтирь (онъ былъ грамотный) и, перекрестясь трижды, прочиталъ псаломъ: *Живый въ помощи Вышняго*. Потомъ взялъ младенца въ руки и, передавая его Мартѣ, сказалъ: «паче ока береги его»!

Марта, перекрестясь, приняла его и положила на подушку.

— Посмотри за нимъ, Якиме, пока я молока принесу.

Принесши молока, Марта принялась кормить младенца, а Якимъ вышелъ на дворъ, нашелъ въ сараѣ ночвы и сталъ прилаживать къ нимъ веревки. Черезъ полчаса принесъ онъ въ хату, къ немалому удивленію Марты, готовую колыску. Остатокъ дня прошелъ для нихъ незамѣтно. Къ вечеру, когда ребенокъ заснулъ въ своей скоросиѣлкѣ-колыскѣ, Марта, позабывъ, что было воскресенье, достала тонкаго полотна изъ *бодни* и принялася кроить маленькія рубашки.

Возвратившаяся изъ села челядь разсказывала, что они видѣли на могилѣ какую то молодыцю; сначала она пѣла какую то пѣсню и заплакала, «а когда мы перекрестилися, то она исчезла; должно быть, нечистая сила и въ могилу провалилася», такъ закончила свой разсказъ Марина, дѣвка не робкаго десятка.

На другой день до восхода солнца Якимъ заложилъ въ бричку пару добрыхъ коней, помостилъ въ бричкѣ сѣна и покрылъ его килимомъ, сѣлъ въ бричку и поѣхалъ въ село Бурта за отцомъ Ниломъ.

Проѣзжая мимо могилы, онъ увидѣлъ въ утреннемъ туманѣ на могилѣ женщину; она была лицомъ обращена къ его хутору. Онъ посмотрѣлъ на нее, остановилъ коня и громко сказалъ:

— День добрый, молодыце!

— Спасыби! отвѣчала женщина

— Что ты тутъ дѣлаешь, молодыце?

— Вчора корову загубила, такъ смотрю сегодня, не пасется-ли гдѣ?

— Ну добре, оставайся здорова!

— Спасыби.

Якимъ дернулъ возжами, и добрые кони понесли его шляшкомъ черезъ поле.

Къ обѣду Якимъ возвратился на хуторъ съ отцемъ Ниломъ и съ отцемъ діакономъ. Отдохнувши немного подъ хатою и освѣжившись «закрепленымъ» березовымъ сокомъ, отецъ Нилъ вошелъ въ хату, сначала прочиталъ младенцу молитву и нарекъ его Маркомъ, потомъ съ отцемъ діакономъ совершилъ обрядъ святого крещенія. Воспріемниками были Якимъ и счастливая Марта. До самой субботы гостилъ отецъ Нилъ и діаконъ у Якима на хуторѣ, да и не они одни, а много таки добрыхъ людей набралося на Марковы крестины.

Прошелъ мѣсяцъ послѣ крещенія Марочка (такъ называла его Марта), и на хуторѣ Якима Гирла ничего особеннаго не случилось, развѣ только что вскорѣ послѣ крестинъ чумаки пришли изъ Дону; но это происшествіе весьма обыкновенное, хотя, правду сказать, наблюдательный умъ и въ этомъ обыкновенномъ случаѣ наберетъ много пищи, какъ на ничтожномъ цвѣткѣ трудолюбивая пчела. Особенно въ первые дни послушать досужаго чумака, какъ онъ примется разсказывать за чаркою горилки, какія онъ безконечныя степи проходилъ, изъ какихъ бездонныхъ крыницъ волы поилъ, по сколько сутокъ самъ безъ воды и хлѣба пропадалъ, какіе города видѣлъ, какія на какой рѣкѣ переправы имѣлъ, какіе гдѣ народы видѣлъ,—просто волосы дыбомъ станутъ, когда послушаешь. Но у Якима Гирла не было такого досужаго чумака, слѣдовательно не было и повѣствованія о мудреныхъ чумацкихъ приключеніяхъ.

Сентябрь мѣсяцъ проходилъ и, проходя черезъ хуторъ, красилъ своимъ дуновеніемъ зеленый гай разными золотыми и красными красками. Такъ издали ежели посмотрѣть на гай, то кажется какъ будто онъ покрытъ дорогимъ разноцвѣтнымъ ковромъ, особенно при закатѣ или при восходѣ солнца. На могилѣ близъ хутора почти каждое утро и вечеръ челядь видѣла таинственную молодыцю и начали поговаривать, что это что нибудь не просто. А оно было очень просто: бѣдная эта молодыця была никто иная, какъ покрытка и мать маленькаго Марочка. Она сердечная не могла оторваться отъ того мѣста, гдѣ выростало ея бѣдное, ея прекрасное

дитя. Сколько разъ она приходила по ночамъ къ самому хутору, обходила кругомъ его, проводила ночи безсонныя во рву, или по воскресеньямъ, когда челядь уходила въ село, она невидимкою подкрадывалася къ самимъ воротамъ, чтобы услышать хотя одинъ звукъ своего милаго дитяти. Сколько разъ она покушалася войти на дворъ и выпросить назадъ, или наконецъ украсть свое дитя, потому что ей безъ него не можно было жить на свѣтѣ, безъ него хлѣбъ не ѣлся, вода не пилася, солнце Божіе не свѣтило и не грѣло. Послѣ измѣны своего улана обольстителя, вся любовь ея, всѣ нѣжнѣйшія чувства уничиженной матери были сосредоточены на немъ одномъ, на своемъ сиротѣ дитяти. А оно бѣдное въ чужихъ людяхъ, на чужихъ рукахъ засыпаетъ, чужой грудью питается, безъ любви, безъ сердечнаго материнскаго поцѣлуя. Любовь матери превозмогла и страхъ и стыдъ: она рѣшилась во что бы то ни стало войти на хуторъ, рѣшилась и дожидала толкко воскресенья, когда людей меньше будетъ на хуторѣ.

Въ воскресенье, пообѣдавши и, разумѣется, отдохнувши, Якимъ Гирло сидѣлъ за столомъ въ своей свѣтлицѣ и читалъ изъ псалтыря: «Не ревнуй лукавнующимъ, ниже завидуй творящимъ беззаконіе», а Марта, убаюкавши Марочка въ новой колыскѣ, стояла надъ нимъ долго, задумавшись, и вздохнувши сказала:

— А что я думаю, Якиме?

— А Богъ тебя знаетъ, что ты тамъ думаешь!

— Я думаю, прости меня Господи, что если нашъ Марочко, Боже насъ сохрани, умретъ, что мы тогда дѣлать будемъ?

— Я такъ и думалъ! ну не грѣхъ ли тебѣ такое все скверное въ голову забирать?

— Нѣту, Якиме, когда я на него смотрю соннаго, то мнѣ всегда такое въ голову лѣзетъ!

— Молися Богу, Марто: Богъ милосердный не попуститъ такого великого несчастія.

— Еще я думаю, Якиме, коли дастъ Богъ, доживемъ до Покровы, то поѣдемъ въ церковь, запричастимъ нашего Марочка; ему тогда будетъ какъ разъ шесть недѣль.

— Поѣдемъ, это дѣло христіанское!

— А тамъ, я думаю, за одно уже разспросить, не найдется ли

хорошая наймичка, потому что теперь, самъ видишь, намъ одной наймички мало.

— Что-жъ! что нужно, то нужно; я отъ этого не прочь.

— Да если-бы Богъ далъ, что-бы и хозяйство таки знала, тогда я бы себѣ няньчилася съ Марочкомъ, а она бы по хозяйству поралась.

Марта вздохнувши замолчала, а Якимъ перекрестясь началъ снова: *Не ревнуй лукавнующимъ...*

Черезъ нѣсколько минутъ дверь осторожно отворилась и въ хату вошла бѣдно, но опрятно одѣтая молодая женщина; она робко остановилася на порогѣ и поклонясь едва проговорила:

— Боже, помогай!

— Спасыби, небого! сказалъ Якимъ.—Садиться просимо!

Она молча сѣла на лаву у порога и молча пристально глядѣла на колыску и на Марту. Много было нужно ей душевной силы перенести эту минуту и не подать виду, что она самое близкое существо спящему Марочку.

— Что же ты скажешь хорошее, небого? спросилъ ее Якимъ.

— Я зайшла у васъ спросить, не нужно ли вамъ буде наймички?

— Нужно, голубочко, и страхъ нужно! У насъ теперь, далъ Богъ, малая дитина, такъ я все съ нею няньчуся, а хозяйство совсѣмъ заброшено.

— Такъ я бы у васъ нанялася.

— Наймись, наймись, голубочко, у насъ тебѣ худа не будетъ.

— А изъ далека-ли ты, небого?

— Изъ подъ Роменъ, дядюшка.

— Добре! а что-же ты возьмешь платы за годъ?

— А что вы платите другимъ, то и мнѣ дайте!

— Добре! мы платимо Мартоси: пятнадцать на асигнаціи, новую бѣлую свиту и шкаповые чоботы.

— Добре, и я такъ наймуся.

— Добре!—Дай вже намъ, Марто, чого небудь пополудновать.

Марта уходя сказала Якиму:

— Посмотри на Марочка; ежели оно проснется, то поколиши его.

Якимъ придвинулся на другой конецъ стола поближе къ колыбели. Марта прибавила изъ-за дверей:

— Та не бери его на свои желѣзныя руки, я сама сейчасъ вернуся.

— Разносилась съ своими панскими руками! проворчалъ Якимъ ласково прибавилъ:

— Садись, небого, на ослонъ, поближе къ столу.

— Спасыби вамъ!

И наймичка подошла къ столу и посмотрѣла на колыбель, перемѣнилася въ лицѣ и двѣ крупныя слезы скатилися съ ея исхудалыхъ щекъ. Якимъ замѣтилъ это и спросилъ:

— Что, небого, може и у тебе дитина е?

— Было, да Господь взялъ.

— Такъ, такъ, значитъ ты, небого, вдова?

— Ни, московка!... проговорила сквозь слезы наймичка.

— Такъ, такъ... а какъ тебя зовутъ, небого?

— Лукія.

Въ это время проснулся ребенокъ и заплакалъ. Старый Якимъ принялся колыхать, припѣвая:

Э... э, лю-ли
Чужимъ дитямъ дули;
А нашому калачи,
Щобъ спало въ день и въ ночи.

Бѣдная Лукія, потому что это была она, та самая счастливая, прекрасная царица непорочнаго сельскаго праздника. Бѣдная! чѣмъ отдалися въ твоемъ сердцѣ звуки твоего милаго единаго дитяти? Бѣдная! ты сама чуть не зарыдала и не запѣла вмѣстѣ съ Якимомъ; но ты силою любви твоей удержала порывъ восторга и только тихими слезами утѣшила его.

Марта возвратилась съ полдникомъ, поставила его кое-какъ на столѣ и бросилась къ колыбели.

— Цыть, цыть, мое серденько!—Ну тебе съ своимъ волчьимъ голосомъ, только моего Марочка перепугалъ.—Цыть, моя пташечко! я тоби мозючокъ дамъ!

И она сунула ребенку рожокъ съ теплымъ молочкомъ и обратилась къ Якиму:

— Чому-же ты не просишь полудновать? А коли хочешь яблокъ или дуль, то самъ сходи въ лёхъ; та за одно наточи и грушеваго

квасу, а я отъ дитины не отойду, поки воно не засне сердешнее! Ишь какъ напугалъ: и до сихъ поръ еще слезки у бѣднаго на щочкахъ. Годуйся, годуйся, мое серденько!

Якимъ, помолясь Богу, сѣлъ за столъ, пригласилъ и Лукію съ собою садиться. Послѣ нѣсколькихъ вареникoвъ, онъ заговорилъ какъ-бы самъ съ собою:

— Видишь, какая на свѣтѣ правда: отдать бѣднаго одинокого человѣка въ москали, а жену сироту убогую пустить по міру; не хорошо межъ людьми дѣлается! Добро, что она еще богобоязненная, ищетъ себѣ кусокъ хлѣба трудами честными, а другая-бы на ея мѣстѣ и при ея красотѣ и молодости пропала! съ душою и тѣломъ пропала на вѣки!

— Развѣ Лукія московка? спросила Марта, вслушавшись въ слова Якима.

— Московка! отвѣтилъ Якимъ, не подымая головы.

— Безталанная! а можетъ мужъ твой, Лукіе, пьяниця, ледащо було?

— Ледащо! отвѣтила Лукія.

Якимъ поднялъ голову, посмотрѣлъ на Лукію и сказалъ:

— Такъ туда-жъ ему и дорога!

— И я такъ думаю, Лукіе! сказала Марта.—Боже сохрани и заступи пресвятая Дѣво нашу бѣдную сестру, отъ лихого да ледащаго мужа! Мы вотъ съ Якимомъ, благодаря Бога, часточку прожили таки на свѣтѣ, правда... ну да съ молоду чего иногда не случается...

— Ну, завела теперь свои гусли... сказалъ Якимъ полу-шутя, полу-сурово. Да вашу сестру если не попомять хорошенько, то и добра не видать.

— Ну, да вы хороши,—негдѣ правды спрятать!.. Оттакъ всегда заговорюся съ нимъ и не вижу, что мой Марочко давно заснулъ.

Она бережно закрыла его чистою простынькою и присѣла, перекрестясь, къ столу около Лукіи, сказавши:

— Годуйся, Лукіе, ты не смотри на него! онъ у меня всегда что нибудь ворчитъ; такой ужъ зародился, никчемный.

И она взглянула ласково и усмѣхаясь на мужа. Якимъ и виду не показалъ, что замѣтилъ ея улыбку, только погладилъ усы рукою.

Полдникъ кончился, всѣ встали изъ-за стола, помолились Богу, и Марта, собирая со стола посуду, сказала Лукіи:

— Ты-бы, Лукіе, пошла въ другую хату, та отдохнула съ дороги; теперь тамъ никого нѣту, всѣ ушли въ село на музыки.

— Спасыби вамъ! я не очень устала, отвѣчала Лукія, а ей бѣдной весьма нуженъ былъ покой или по крайней мѣрѣ уединеніе.

— Ну гдѣ-же таки не устала: вѣдь, шутка сказать, отъ Липоваго до насъ будетъ, я думаю, верстъ сорокъ; какъ ты думаешь, Якиме?

— Сорокъ будетъ, отвѣтилъ Якимъ.

— Я въ Ромнѣ переночевала.

— Ну та хоть и переночевала, а спочить тебѣ все таки не пошкодитъ, сказала Марта, какъ-бы инстинктомъ угадывая душевную усталость Лукіи.

— То я пойду и отпочину немного, сказала Лукія, отступая къ порогу.

— Постой-же, я тоби покажу хату, сказала Марта и вышла въ темныя сѣни; потомъ отворила противоположную дверь свѣтлицы и ввела Лукію въ просторную чистую хату.

— Ляжъ тутъ на полу или на лавѣ, та отдохни немного, Лукіе.

— Спасыби вамъ! сказала Лукія, и Марта вышла изъ хаты, притворивши за собою дверь.

Лукія, оставшись одна, кругомъ оглянулась, какъ-бы желая увѣриться, что она одна въ хатѣ; потомъ упала на лаву и закрывъ лице руками, тихо и горько зарыдала. Она плакала не отъ горя и невѣдѣнья, ее прежде пожиравшаго, но отъ полноты душевной радости; она увѣрилась, что дитя ея здорово и что люди, принявшіе его—люди добрые.

— Господи! проговорила она: благодарю тебя, святая Заступница! благодарю тебя, моя единая Утѣшительнице!

И она снова залилась слезами, а приходя въ себя, ходила по хатѣ и тихо плакала, ломая свои исхудалыя, загорѣлыя руки.

— А какъ ты думаешь, Марто? сказалъ Якимъ своей женѣ, когда они остались одни въ свѣтлицѣ. Я думаю, что наша новобранка честнаго, хорошаго роду дочка.

— И я думаю, Якиме, сказала Марта, вытирая миску, что она честнаго роду; худого человѣка сразу угадаешь. Та видишь, она такая сумная, а може это такъ, съ дороги.

— Ни, не съ дороги, я думаю, а она безталанная, и сама знаетъ свое безталанье. Когда ты выходила за полуднемъ, то она взглянула

на Марочка и заплакала. Я спрашиваю, чего ты плачешь? а она мнѣ и говоритъ: «и у меня было дитя, та Богъ прибралъ»; такъ вотъ оно что! Бѣдная, ей только и радости, что дитя оставалося на свѣтѣ, и того Богъ лишилъ!

— А не говорила: хлопчикъ, чи дивчина?

— Хлопчикъ, сказалъ Якимъ и задумался.

Марта, поставивши миску въ мисникъ, сѣла на лавѣ и тоже пригорюнилась. Черезъ минуты двѣ молчанія, вздохнувши, Марта спросила у Якима:

— А какъ ты думаешь, Якиме: отдавать-ли намъ Марочка въ школу или нѣтъ?

— Разумная голова! подумала-ли ты, что говоришь? Теля еще, Богъ знае, гдѣ, а ты уже и довбню готовишь! сказалъ Якимъ почти сердито.

— Ну вотъ и разсердился, я такъ только сказала.

— То то вы все такъ говорите, цокотухи, а того не подумаешь, что еще Богъ пошлетъ завтра. Школа, школа возня, коли ты хочешь знать, не малая. Вотъ напримѣръ у Таранухи учили, учили сына, а вышло что? пьяниця и любостяжатель!

— Ну, ты уже когда разсердишься, то съ тобой и рады нѣту, сказала Марта, вставая со скамьи: у тебя и спросить ничего нельзя! Ну, коли не хочешь отдавать въ школу, то самъ учи.

— Я то буду учить его письма, сколько самъ, грѣшный, разумѣю, а вотъ что-бы ты его сначала научила.

— А я его чему научу? нехай соби здоровъ росте, та щаслывый буде! Мое дѣло женское, чему я его научу?

— Чему? тому, чего ты и сама не знаешь, всему доброму! Вотъ что, ты теперь у него мать, такъ учи его, когда онъ, дастъ Богъ, заговоритъ, молиться Богу, а я, посмотрѣвши, какъ онъ будетъ молиться, и письма святого выучу, и псалтирь ему свою святую, умираючи, передамъ.

— На силу договорилъ до краю! Цыть! цыть, мое серденько!

— Въ это время проснулся Марко. Марта побѣжала къ колыскѣ и, убаюкивая Марка, безсознательно запѣла:

Ой жила вдова
Та на край села;

Выгодувала сына,
Сына Ивана;
Выгодувавши до школы дала,
А зъ школы взяла...

И, взявши на руки малютку, ходила, приговаривая:

— Вотъ если-бы лѣто, то въ садокъ бы пошли, зашли бы въ пасѣку, а тамъ сидитъ старый дѣдъ—у! какой страшный! Вотъ онъ! вонъ онъ! Посмотри, какой страшный!

И она показала на Якима, сидящаго за столомъ. Якимъ молча улыбнулся.

Знаешь ли ты, видишь ли ты, безталанница, свое родное, счастливое дитя!

Видитъ и знаетъ. Она, не прислушиваясь ,слышала каждый звукъ, произнесенный старою Мартою и старымъ Якимомъ. Она въ глубинѣ души своей прозрѣвала будущее своего дитяти и отъ полноты сердечной радости благодарила всемилосерднаго Бога за ниспосланное ей счастіе!

Слѣдующіе и послѣдующіе дни текли на хуторѣ обыкновеннымъ чередомъ. Новая наймичка вскорѣ освоилась со всею челядью и всѣмъ полюбилась. Она ко всѣмъ равно была внимательна и ласкова равно со всѣми; хозяйка и хозяинъ были ею особенно довольны, особенно за любовь ея къ маленькому Марку. И дѣйствительно, онъ ни засыпалъ, ни просыпался безъ нея; она всегда находила предлогъ присутствовать при его колыбели, приносила ему пеленки теплыя, чистыя такія, что хоть бы паничу какому, такъ не въ стыдъ. Она какъ бы чуяла его пробужденіе и къ этому времени всегда у ней было готово подогрѣтое свѣжее молоко. Старая Марта не могла надивиться усердію и заботливости своей новой наймички. Еще прошелъ мѣсяцъ, и Лукія, къ не малой обидѣ старшей наймички, овладѣла всѣмъ домомъ. Сама хозяйка уступила ей всѣ хлопоты и распоряженія по хозяйству, а наконецъ и ключи отъ коморъ и лёху отдала ей, себѣ только оставила ключъ отъ скрыни, и то потому, что ей казалося неприлично хозяйкѣ не имѣть ключа. Самъ старый Якимъ, на что уже человѣкъ серьезный и несловохотливый на похвалу кому-бы то ни было, и тотъ бывало наединѣ съ Мартой иной разъ не утерпитъ и скажетъ:

— Что за благодать намъ Господь послалъ въ этой Лукіи!

— Я и сама, встаючи и ложась, молюся Богу за благодать Его святую! Ты посмотри только, Якиме: гдѣ она не поворотится, что не сдѣлаетъ, только смотри та любуйся, а ужъ до Марочка какая щирая, такъ я и не надивлюся! хоть бы и прошедшую ночь Марочко проснулся, и заплакало, бѣдное, я сплю себѣ, какъ убитая, а она, и Богъ ее знаетъ, какъ она услышала изъ другой хаты! Когда я проснулася, то она ему уже рожокъ съ молокомъ подавала, да еще и мнѣ же говоритъ; «не турбуйтеся: я и сама его присплю». Спасибо ей! такая добрая да щирая, и вотъ уже который мѣсяцъ она у насъ, а хоть бы разъ тебѣ въ село сходила. Я какъ то ей разъ въ воскресенье говорю: «да ты бы, Лукіе, хоть до церкви въ село сходила!»—«И дома, говоритъ, можно помолиться Богу, лишь-бы усердіе было!» Такая право щирая, та усердная, дай ей Богъ здоровье! Я просто пануую за ея плечами.

— Да, и такое добро Богъ посылаетъ какому нибудь ледачему человѣку!

— И не говори, Якиме! Я иногда смотрю на нее, та ажъ заплачу. Чему бы тебѣ, милосердный Боже, не послать ей талану, та радости въ жизни! Хоть бы когда нибудь тебѣ усмѣхнулась или пожартовала, развѣ только съ Марочкомъ, а то всегда такая смутная та невеселая.

Подобные разговоры часто повторялись между хозяевами. Дивилися ея постоянной задумчивости, но имъ простодушнымъ и въ голову не приходила настоящая причина ея; онѝ видѣли достаточную причину быть ласковою, что-бы быть безталанною. О родѣ и племни ея они какъ-бы боялися съ нею рѣчь заводить, инстинктивно понимая, что у несчастнаго не должно спрашивать о его прежнемъ счастіи.

Поклонъ вамъ, грубые, простые люди! Вы бы своими разспросами заставляли ее врать и, значитъ, вдвойнѣ страдать, потому что она не рождена была выдумывать небывалыя исповѣди своего сердца. Она была простое натуральное, умное и прекрасное дитя природы. Она полюбила всей чистотою своего сердца уланскаго офицера за красоту его и ласковыя рѣчи. И когда онъ, наигравшись ею, бросилъ, какъ ребенокъ игрушку, то она, неразумная, только заплакала и долго, до сихъ поръ не можетъ себѣ растолковать, какъ можетъ человѣкъ божиться и послѣ соврать. Для ея

простой дѣвственной души это было не удобоуразумимо, а между людьми болѣе или менѣе цивилизованными это вещь самая простая,—это все равно, что взять и не отдать.

На Рождественскихъ святкахъ хозяева поѣхали въ село навѣстить своихъ знакомыхъ, въ томъ числѣ и отца Нила, и отца діакона и весь причетъ церковный. Она осталася одна въ домѣ; челядь тоже отправилась въ село на музыки, кромѣ стараго наймита Савы, который и дневалъ и ночевалъ въ загородѣ съ волами. Ея счастіе было полное: она была одна съ своимъ счастливымъ сыномъ! Первое, что она сдѣлала, проводивши хозяевъ и затворивши за ними ворота, осмотрѣла внимательно весь дворъ, вошла въ хату и засунула засовомъ дверь. Марко въ это время спалъ; она подошла къ его колыбели, открыла простыньку и смотрѣла на него, пока онъ проснулся. Потомъ взяла ребенка на руки и нѣжно, глубоко нѣжно поцѣловала: ребенокъ, какъ бы чувствуя поцѣлуй родной матери, обвилъ ея сухую шею своими пухлыми рученками. Потомъ она одной рукой сняла со скрыни килимъ и разостлала его на полу, посадила на килимъ Марка и, отойдя шага на два отъ него, плакала и улыбалася на свое прекрасное дитя, потомъ сѣла на килимъ и взяла на руки Марка, нѣжно прижимая къ груди своей. О, какъ она въ этотъ мигъ была прекрасна, какъ счастлива! Какая чудная торжественная радость была разлита во всемъ существѣ ея! Что если бы могъ въ это мгновеніе взглянуть на нее ея обольститель,—онъ бы палъ передъ нею на колѣни и помолился, какъ передъ святою. Нѣтъ, его очерствѣлой, грязной душѣ недоступно подобное чувство. Долго она играла съ нимъ, подымала его выше головы своей, ставила на полъ, опять подымала и опять ставила, разговаривала съ нимъ, смѣялася, цѣловала его, плакала и опять смѣялася, словомъ она играла съ нимъ какъ семилѣтняя дѣвочка, пѣла ему пѣсни, сказывала сказки, называла его всѣми уменьшительными сердечными именами, и дитя, какъ-бы симпатизируя радости своей счастливой матери, впродолженіи дня ни разу не заплакало. И какое оно прекрасное было! Карія большіе глазенки блестѣли, какъ алмазы, и въ нихъ много было сходства съ глазами его прекрасной матери; ихъ оттѣняли черныя длинныя рѣсницы, что и придавало имъ какое-то не дѣтское выраженіе.

Лукія и не замѣтила, какъ наступилъ вечеръ. Что ей дѣлать? Нужно вечерять варить, а Марко и не думаетъ о колыскѣ, разыгрался такъ, что его и до ночи не уложишь. Хоть бы скорѣе кто изъ села пришелъ; а то пріѣдутъ хозяева, что они скажутъ? Подумаютъ, что они проспала весь день и весь вечеръ. Ворота заскрипѣли и на дворъ въѣхали хозяева.

Она отворила имъ дверь, жалуясь на Марка, что онъ не дает ей печи затопить.

— Что же онъ дѣлаетъ? все плачетъ? спросила Марта.

— Какое плачетъ! Цѣлый день хоть бы скривился, все пуетуе.

— Ахъ ты волоцюго, волоцюго! сказала она, подходя къ Марку. Да ты ему еще и килимъ постлала?

— Не лежитъ въ колыскѣ, все просится на руки.

— Ахъ ты, непосидящій! постой, вотъ я тебѣ дамъ!

И снявши кожухъ и свиту, она взяла его на руки и сунула ему въ рученку позолоченный медяникъ, гостинецъ отца Нила.

Лукія принялась затоплять печь, а черезъ нѣсколько минутъ вошелъ и Якимъ въ хату, обивая арапникомъ снѣжную пыль съ смушевой новой шапки.

— Добрывечиръ! сказалъ онъ, входя въ хату.

— Добрывечиръ! отвѣтила Лукія.

— Отъ мы, благодарить Бога, и до дому вернулись, сказалъ онъ крестяся. А что нашъ хозяинъ дома подѣлываетъ? Плачетъ, я думаю, для праздника?

— Гдѣ тамъ тебѣ плачетъ! Цѣлый день покою не даетъ бѣдной Лукіи: пустуе и цѣлый день пустуе.

— Ахъ ты, гайдамака! смотри, какъ онъ обѣими ручками медяникъ загарбавъ!

И положивши на столъ узелъ, снимая свиту и кожухъ, Якимъ заговорилъ какъ бы самъ съ собою:

— Горе мнѣ съ этой матушкою Лукеріей! на дорогу таки, та й на дорогу! Вотъ тебѣ и надорожился, а тутъ еще и діаконша и тытарка со своею сливянкою. Ну, что ты съ ними будешь дѣлать? Сбили съ панталыку, окаянные, та й годи! Лукіе! покинь ты свою печь къ недоброму! иди-ка сюда!

— А что-жъ вы будете вечерять, когда я печь покину? обратясь къ нему съ рогачемъ въ рукахъ и усмѣхаясь, сказала Лукія.

— Не хочу я вечерять сегодня, та и завтра не хочу вечерять, и послѣ завтра; та и стара моя тоже вечерять не хоче; правда Марто?

— Вотъ видишь, какой разумный! Хорошо, что самъ сытый, то думаетъ, что и всѣ сыты, а Лукія, можетъ быть, бѣдная цѣлый день ничего не ѣла.

— Ну, ну, и пошла уже! Съ тобой и пожартувать нельзя.

— Хорошіе жарты выдумалъ!

— Та ну васъ, варить хоть три вечери разомъ, а я добре знаю, что не буду вечерять!

— Ото завгорить! намъ больше останется!

— Пускай вамъ остается, сказалъ Якимъ, садясь за столъ.—А засвѣти, Лукіе, свѣчку.

Лукія засвѣтила свѣчу и поставила на столъ. Якимъ, развязывая узелъ, запѣлъ тихонько:

Та вырисъ я въ наймитахъ въ неволи,
Та не було доли николи,
Та гей!...
Ой вырисъ я въ наймитахъ въ дорози,
При чужому вози въ дорози,
Та гей!...
Та чужіи возы мажучи,
Та чужіи волы пасучи,
Та гей!...

— Лукіе! брось ты тамъ свою печь, сказалъ онъ, развертывая большой красный платокъ.—Возьми соби, дочко, моя безталаннице; возьми та носи на здоровье! А вотъ и на очипокъ, а вотъ на юпку и на спидныцю; возьми, дочко моя, та носи на здоровье. Ходи ты у насъ не такъ, якъ сирота, а ходи ты у насъ такъ, якъ роменская мѣщанка, какъ нашего головы дочка. Это поносишь, другого накуплю, потому что ты у насъ не наймичка, а хозяйка: мы съ старою за твоими плечами, якъ у Бога за дверями живемо.

— Возьми, возьми, Лукіе! прибавила Марта, возьми! это мы для тебя у московскихъ крамарей купили.

— Да на что же вы покупали такое добро? сказалъ Лукія: вамъ было напрасно только деньги тратить!

— Не твои, дочко, гроши, Божи: Богъ далъ, Богъ и возьметъ, отвѣтилъ Якимъ и передалъ ей гостинцы. Лукія, принимая подарки, кланялась и сквозь слезы говорила:

— Благодарю, благодарю васъ, мои родные, мои благодѣтели!

— Вотъ такъ лучше! говорилъ весело Якимъ.—Ты намъ уже, Лукіе, послужи на старости, а мы, дастъ Богъ, по немногу съ тобою разсчитаемся. Ты видишь, мы уже люди старые; Богъ знаетъ, что завтра будетъ, а у насъ, ты видишь, дитина малая, одинокая. Ну, Боже сохрани, моей старой не станетъ, куда оно дѣнется?

— Перекрестися! что ты тамъ, какъ сычъ на комори, вѣщуешь?

— А что-жъ? все въ руцѣ Божіей!

Марта, укладывая Марка въ колыбель, тихо проговорила:

— Не слушай его, Марку! это-жъ такъ онъ отъ тытаревой сливянки.

— Что? сказалъ протяжно Якимъ.—Какъ дамъ я тебѣ сливянку, такъ ты меня будешь знать!

— Вотъ ужъ нельзя и слова сказать.

— Нельзя!

И въ хатѣ воцарилась тишина; только Марта шопотомъ напѣвала колюбельную пѣсенку, изрѣдка поглядывая на сердитаго Якима.

Вскорѣ собралися всѣ домочадцы; вечеря была готова; усѣлися всѣ за столъ въ противуположной хатѣ, кромѣ Якима, повечеряли и положилися спать. Черезъ минуту на хуторѣ все спало. Не спалъ только старый Якимъ; онъ сидѣлъ въ свѣтлицѣ за столомъ, склонивъ свою сѣрую голову на мощныя, жилистыя руки.

Долго онъ сидѣлъ молча, потомъ запѣлъ едва внятно:

Ой, волы мои та половыи,
Та чому вы не орете.

Окончивши пѣсню, онъ заговорилъ самъ съ собою:

— Пойду, непремѣнно пойду чумаковать! Да и въ самомъ дѣлѣ, что я дома высижу съ этими бабами. Кромѣ грѣха, ничего! То-ли дѣло въ дорози! товариство, степь, могилы, города, а въ городахъ храмы Божіи, базары, купечество! Подходитъ къ тебѣ бородачъ пузатый: «по чомъ, говоритъ, чумаче, рыба или соль»?—«По тому и по тому, господа купець»!—«А меньше не можно, братецъ чумакъ?» —«Ни, говоримъ, господа купець!»—«Ну, когда нельзя, такъ и быть по сему». И гребешь соби червончики въ гаманъ.

Эхъ чумачество! чумачество! когда-то я тебя забуду? Нѣтъ, кончено; иду чумаковать, только дай Богъ дождать лѣта, а то я оттутъ съ бабами совсѣмъ прокисну!

И вставши изъ за стола, онъ долго еще ходилъ по хатѣ, потомъ остановился передъ образами, помолился Богу, досталъ псалтирь и прочиталъ псаломъ: *Господь просвѣщеніе мое: кого убоюся*, потомъ началъ сапоги снимать, приговаривая:

— Отъ безталанье: некому и сапоги снять!

Снявши сапоги, онъ погасилъ свѣчу и легъ спать, читая наизустъ молитву: *Да воскреснетъ Богъ.*

Однообразно прошла зима на хуторѣ, насталъ великій постъ; отговѣлися и постъ проводили, и Великодня святого дождали. На праздникахъ, когда хозяева уѣхали къ отцу Нилу въ гости, Лукія съ своимъ сыномъ наединѣ повторила ту же самую сцену, что и на Рождественскомъ праздникѣ, съ тою разницею, что она теперь надѣла въ первый разъ новую юпку, сподницу и на голову повязала шелковый платокъ; все это подарки, какъ извѣстно, стараго Якима.

Да еще послѣ полудня на хуторъ зашелъ венгерецъ съ разными «краплями» и постучалъ въ окошко, чѣмъ не мало напугалъ увлеченную разговоромъ съ сыномъ Лукію. Она вскорѣ оправилась, отворила засовъ и впустила венгерца въ хату.

Венгерецъ, какъ извѣстно, былъ въ шляпѣ съ широкими полями и сферической тульей, въ широкомъ синемъ плащѣ, съ коробкою за плечами, съ палкою длинною въ рукахъ и съ длинными усами

Лукія пригласила его сѣсть на лаву, что онъ и исполнилъ нецеремонно, сначала снявши коробку съ плечей, а Лукія тѣмъ временемъ уложила своего Марушечка въ колыбель и прикрыла простынею, боясь недобраго глаза, потомъ обратилась къ венгерцу и спросила:

— Какія же у васъ лекарства есть?

— Лекарства? О, у меня всякія, разныя есть крапли: и на зубы и на голова, и на рука, и на нога—всякія, всякія крапли есть, только хорошъ фрау деньга будетъ не жалѣть! сказалъ венгерецъ, довольно нахально улыбаясь.

— Ну. хорошо; а есть ли у тебя такое лекарство, чтобы отъ всякихъ болѣзней ребенку помогло?

— О какъ же! отъ разной болѣзни есть разное, всякія крапли есть.

И онъ раскрылъ свою коробочку, показывая ей пузырекъ за пузырькомъ съ разноцвѣтною жидкостію.

— Вотъ эта отъ зуба, эта—голова, эта—лихорадка, эта—рука эта—нога, эта—брушко немножко.

— А нѣтъ ли у тебя семибратней крови? Она одна ото всѣхъ болѣзней помогаетъ?

— Есть, есть! заразъ съищу.

И онъ вскорѣ досталъ изъ коробки завернутую въ бумажкѣ семибратнюю кровь. Это небольшіе кусочки чего-то окаменѣлаго, въ родѣ мелкаго ракушника темно-розоваго цвѣта; а почему оно называется семибратней кровью, то этого и сами венгерцы не знаютъ.

— Что-же будетъ стоить этотъ кусочекъ?

— Этотъ—два рубля и одна полтина.

— А. Боже-жъ мой! что-же мнѣ дѣлать, у меня только три копы.

— Только одинъ рубля и одна полтинъ? Нельзя: немножко мало, развѣ еще, хорошай фрау, румочка шнапсъ, понимаешь—водка и немножко кушать.

— Хорошо и водки дамъ, и кушать дамъ, только уступите мнѣ, ради Бога, за три копы

— Хорошо, хорошо отдаю! и онъ подалъ ей кусочекъ волшебнаго медикамента.

Она взяла его съ благоговѣніемъ, завернула въ тряпочку и спрятала за образа, достала мѣдныя деньги изъ сундука, расплатилась съ венгерцемъ и посадила его за столъ, достала изъ мисника восьмиугольную размалеванную пляшку съ водкой и поставила передъ нимъ, поставила пасху, холодное порося и пирожки съ сыромъ и со сметаной. Уставивши все это порядкомъ, положила ему на колѣни рушникъ бѣлый, вышитый по концамъ красной заполочью, и отошла къ колыбели.

Венгерецъ, хотя просилъ немножко шнапсу. однако выпилъ двѣ рюмки залпомъ, а третью послѣ перваго куска поросенка. Окончивши все, что было на столѣ поставлено, онъ вѣжливо рас-

кланялся Лукіи, потомъ попросилъ огня, закурилъ свою фарфоровую трубку съ кривымъ чубукомъ и началъ собираться въ дорогу. Взваливши коробку на спину, плащъ на плечи, палку въ руки, шляпу на голову, онъ еще разъ раскланялся съ Лукіей и вышелъ изъ хаты.

Лукія, проводивши венгра за ворота, возвратилась въ хату, подошла къ колыбели, оттулила простыню и увидѣвши, что Марко спитъ, перекрестила его и едва коснулася губами его разгорѣвшейся щечки, боясь поцѣлуемъ разбудить его.

— Теперь я, слава Богу, спокойна, говорила она про себя: теперь я хорошо знаю, что мой Марочко будетъ живъ и здоровъ, теперь у меня есть лекарство отъ всякихъ немочей, а про счастье его я не сомнѣваюсь: я вымолю у Бога ему и вѣкъ долгій, и долю добрую. Сказать ли ему когда нибудь, что я его родная мать? или никогда не говорить?

И она задумалась.

— Нѣтъ, не скажу, никогда не скажу! развѣ передъ смертію на исповѣди покаюся, а то никому въ свѣтѣ не скажу!

И, говоря это, она убрала со стола, послѣ трапезы венгра, подошла къ колыбели, посмотрѣла на сына, стала на колѣни передъ образами и молилася со слезами о жизни и счастіи возлюбленнаго сына..

Солнце уже закатилося, домочадцы съ пѣснями возвратилися домой. Наконецъ ворота растворилися и сами хозяева возвратилися домой.

— А мы, Лукіе, на дорогѣ венгра встрѣтили, говорила Марта, входя въ хату, и я у него купила семибратней крови для нашего Марочка: Богъ его знаетъ, а може что и случится, такъ вотъ у насъ и лекарство есть.

— Что онъ спитъ? сказала она, понизивъ голосъ.

— Спитъ, отвѣчала тихо Лукія.

И здѣсь венгеръ былъ, и я тоже купила семибратней крови.

Ой гопъ по вечери,
Затуляйте диты двери,

А ты, стара, не журись
Та до мене прихились.

Такъ припѣвалъ веселый Якимъ, входя въ хату.

— Цыть!... пьяный лобуре! проговорила шопотомъ Марта, показывая на колыбель.

Якимъ замолчалъ и, какъ-бы испугавшись, снялъ шапку и началъ креститься передъ образами, потомъ молча раздѣлся и легъ на постель.

— Ай да отецъ Савелій, а бодай же его!...

— Цыть!... прошипѣла Марта.

Якимъ замолчалъ, опустя голову на подушку, и вскорѣ заснулъ. Не замедлило и все живущее на хуторѣ послѣдовать примѣру Якима.

Весна быстро развивала зеленыя вѣтви въ Якимовомъ гаю; черешни, вишни и всѣ фруктовыя деревья сверхъ зелени покрылися молочнымъ бѣлымъ цвѣтомъ, а земля разноцвѣтнымъ рястомъ. Началися полевыя работы. Якимъ выпроводилъ съ пшеницею чумаковъ своихъ въ дорогу, но самъ не пошелъ чумаковать, боялся положить гдѣ нибудь свои старыя кости на чужинѣ, въ степи, при дорогѣ, какъ это нерѣдко случается съ записными чумаками.

Проводивши чумаковъ, онъ усердно и смиренно принялся за свою пасѣку, говоря:

— Гдѣ мнѣ уже теперь по дорогамъ шляться, та съ купцами торговаться! Вотъ мое дѣло—вертоградъ та пчелки Божіи!... Нехай молодые чумакують.

И онъ почти поселился въ пасѣкѣ. Разъ въ день заходилъ онъ въ хату и то только пообѣдать. Когда въ пасѣкѣ все было уставлено и убрано, какъ слѣдуетъ, а пчелы еще не роилися, то онъ раскроетъ себѣ псалтирь и читаетъ вслухъ, съ утра до ночи, отъ доски до доски, а когда языкъ устанетъ, то онъ додѣлываетъ новый улей, еще прошедшее лѣто начатый, или починяетъ старую сѣрую свиту. Иногда приходила къ нему въ пасѣку старая Марта съ Маркомъ, и это было для него торжественный праздникъ; вынималася часть меду изъ лучшаго улья и со всѣми ласками угощался дорогой гость, т. е. Марко.

Съ наступленіемъ весны Лукія съ другою работницею неутомимо приготовляла гряды на огородъ за гаемъ, и когда гряды были

готовы и огородныя овощи посѣяны и посажены, она выкопала двѣ грядки въ гаю между деревьями, посадила цвѣтовъ и каждый вечеръ поливала.

Настало лѣто, настали жнива, насталъ наконецъ и день рожденія Марка, ей одной извѣстный.

Въ тотъ памятный день она до разсвѣта пошла въ свой цвѣтникъ, нарвала самыхъ лучшихъ цвѣтовъ, свила изъ нихъ вѣнокъ и, тихо вошедши въ хату, такъ что и Марта не слыхала, положила вѣнокъ на голову спящему Марку. Дитя отъ прикосновенія свѣжихъ и влажныхъ цвѣтовъ проснулося и заплакало. Марта проснулася и увидѣла надъ колыбелью испуганную Лукію.

— На что ты его разбудила? спросила Марта.

— Я его не будила, оно само проснулося, я только вѣнокъ ему принесла, потому что оно сегодня...

И она чуть чуть не проговорилась.

— На что ему твой вѣнокъ? только ребенка перепугала, возьми его, повѣсь передъ Варварою великомученицею.

Лукія молча взяла вѣнокъ и повѣсила передъ образомъ.

Въ тотъ день былъ какой-то большой церковный праздникъ; она позычила рубль денегъ у другой наймички и отпросилась у Марты въ первый разъ въ село сходить; одѣлася въ свою юпку, спидныцю, повязала на голову шелковый платокъ, посмотрѣла въ зеркальце, въ стѣнѣ вмазанное и покраснѣла отъ удовольствія. И правду сказать: не смотря на пролитыя ею слезы и претерпѣнное горе, сердечное и физическое, она все еще была красавица; она все еще живо напоминала собою ту увѣнчанную пшеничнымъ вѣнкомъ, ту счастливую царицу праздника, Лукію.

Простяся съ Маркомъ и Мартою, она пошла въ село.

Еще и во всѣ звоны не звонили, когда она вошла въ церковь; въ церкви народа было довольно, и всѣ до единаго замѣтили незнакомую молодицу. Дѣвушки и женщины шопотомъ спрашивали одна у другой: «чья это такая хорошая молодыця?» Она же, не обращая ни на кого вниманія, поставила передъ мѣстными образами по свѣчкѣ и подала на часточку о здравіи младенца Марка.

Послѣ обѣдни она заказала молебенъ о здравіи рабовъ Божихъ: Якима, Марты и младенца Марка. Послѣ обѣдни отецъ Нилъ вручилъ ей просфирку и просилъ зайти къ нему пообѣдать.

Она зашла. Матушка Якилина привитала ее, какъ свою родственницу, много распрашивала о хуторянахъ, въ особенности о Маркѣ: вырѣзались ли у него зубки, здоровъ ли онъ, большой ли онъ выросъ? и т. д.

Послѣ обѣда Лукія простилася съ отцемъ Ниломъ и матушкою Якилиною и пошла на хуторъ.

Въ селѣ долго объ ней молва ходила между парубками и молодыми дѣвушками, но никто не довѣдался, откуда она и кто такая.

Возвратяся на хуторъ, Лукія отдала поклонъ отъ батюшки и отъ матушки старой Мартѣ и Якиму, положила просфирку за образъ до завтришняго дня, полюбовалася на спящаго Марка, сняла съ себя праздничную одежду, затопила печь въ другой хатѣ и принялась варить вечерю.

Такъ прошелъ первый годъ пребыванія Лукіи на хуторѣ, такъ или почти такъ прошелъ и второй годъ безъ особенныхъ приключеній, развѣ только, что Марко началъ произносить довольно явственно слово: *мама*. И, Боже мой, сколько общей радости было! Его бѣднаго, какъ попугая, поперемѣнно заставляли повторять магическое слово. По прошествіи недѣли или двухъ старый Якимъ добился до того, что Марко началъ выговаривать слово: *тато*. Старый Якимъ былъ въ дѣтскомъ восторгѣ; онъ уже хотѣлъ его начать грамотѣ учить, только къ великому его горю оказалось, что Марко не могъ выговорить ни одной буквы, а Марта каждый день ему мыла сѣрую голову за то, что онъ понапрасну мучитъ бѣдную дитину.

Еще въ концѣ того же года, какъ то въ воскресенье; послѣ обѣда, сидѣли они всѣ трое подъ хатою и пробовали краснобокія спасовскія яблоки, а Марко передъ ними ползалъ на шпоришѣ; только они себѣ, пробуя яблоки, заслушалися Якима, а онъ имъ разсказывалъ уже въ сотый разъ, какъ онъ, идучи разъ съ Дону, у задняго воза колесо и лушню потерялъ. Они заслушались и не видятъ, что Марочко, вставши на ножки, дыбаетъ къ нимъ и, протянувши ручки и улыбаясь, произноситъ слова: *мамо*, *тату*. Какая же радость ихъ была, когда они увидѣли идущаго къ нимъ Марка! Лукія затрепетала отъ восторга и бросилась къ своему Марочку, взяла его за ручонку и подвела къ внезапно осчастливленнымъ старикамъ. Тутъ они принялися поочередно водить его около хаты

и доводили до того, что Марко заплакалъ и сквозь слезы проговорилъ: «мамо, к...». Старый Якимъ въ восторгѣ пришелъ отъ Марковаго изреченія.

— Такъ ихъ, такъ, сыну! говорилъ онъ, ишъ старыя бабы замучили бѣдную дитину! хотя онъ первый неугомимо мучилъ его первымъ урокомъ хожденія.

Въ этомъ же году, осенью, по первой порошѣ, охотники, гоняся за зайцемъ, подскакали къ самому хутору, и такъ какъ бѣдный заяцъ спрятался отъ собакъ на хуторѣ въ гаи, то неистовые псари рѣшилися не оставлять бѣднаго звѣрька и въ гостепріимномъ хуторѣ. На томъ основаніи они, подъѣхавши къ воротамъ, стали громко требовать, чтобы имъ отворили ворота.

Накинувши тулупъ, вышелъ къ нимъ самъ Якимъ и спросилъ, снявши шапку, что имъ нужно.

— Отворяй ворота, тебѣ говорятъ, старый хохолъ!

Якимъ надѣлъ шапку и, не говоря ни слова, пошелъ обратно въ хату.

— Что тамъ такое за воротами? спросила его Марта.

— Татары наступили! отвѣчалъ онъ спокойно.

Ворота, кромѣ засова, были замкнуты еще тяжелымъ шведскимъ замкомъ. Охотники, полагать надо, что были немного «намоча морду» (терминъ изъ ихъ же словаря), спѣшились и начали ломать ворота; но трудъ былъ не по силамъ и только привелъ ихъ въ пущее бѣшенство. Якимъ вышелъ во второй разъ, а за нимъ не не утерпѣли, вышли Марта и Лукія.

Одинъ изъ охотниковъ вскочилъ на дворъ черезъ перелазъ и бѣжалъ съ поднятымъ арапникомъ къ Якиму; но вдругъ остановился, какъ вкопаный, и арапникъ опустилъ. Это былъ красивый, стройный юноша съ едва пробивающимися усами. Это былъ бездушный обольститель бѣдной Лукіи. Онъ увидѣлъ ее и руки опустилъ въ изумленіи. Когда же пришелъ въ себя, то вѣжливо сказалъ Якиму:

— Ну, добрый старичекъ, когда не хочешь насъ пустить на свой хуторъ поохотиться, то пусти пожалуйста въ свою избу немного обогрѣться.

— Милости просимо! сказалъ Якимъ привѣтливо.

— Пожалуйте на дворъ, господа! крикнулъ онъ своимъ товарищамъ.

Лукія узнала его по голосу, быстро воротилась въ свѣтлицу, взяла спящаго Марка изъ колыски и вынесла въ другую хату.

— Что ты дѣлаешь? спросила ее Марта.

— Они пьяные войдутъ въ свѣтлицу и разбудятъ его бѣднаго.

Лукія не ошиблась: охотники вошли съ шумомъ и огромной оплетенной бутылкою въ хату, спросили довольно нахально закуски, усѣлись за столомъ и принялись «мочить морды».

Молодой корнетъ выпилъ только два стакана и больше не хотѣлъ пить. Онъ вопросительно осматривалъ хату и наконецъ спросилъ у Марты:

— Почтенная старушка! я съ тобой на дворѣ видѣлъ еще одну женщину, кто она у васъ такая?

— Это Лукія, наша наймичка.

— Такъ это колыбель, должно быть, ея ребенка?

— Нѣтъ, это наша дитина.

— Куда же спряталась твоя работница? Вѣдь мы не звѣри, чего она испугалась?

Такъ спрашивалъ чернобровый, со вздернутымъ фіолетовымъ носомъ и длинными усами охотникъ.—Это былъ эскадронный командиръ уланскаго полка.

— Она въ другой хатѣ, порается.

— Нельзя-ли, голубушка, взглянуть на твою работницу? Она, кажется, недурна собою?—сказалъ тотъ-же ротмистръ, покручивая усы.

— Такая же, какъ и другіе люди. Да ей теперь и некогда, отвѣчала Марта.

— Закурите трубки, господа, да маршъ! Я думаю, кони порядочно продрогли. Старушка, одолжи-ка намъ огонька.

Марта зажгла имъ свѣчу; охотники закурили разнокалиберныя трубки и вышли изъ хаты; за ворота проводилъ ихъ Якимъ и, пожелавъ имъ счастливаго полёванья, возвратился въ хату.

Лукія, по уходѣ непрошеныхъ гостей, тоже вошла съ плачущимъ Маркомъ, уложила его въ люльку, окутала и стала качать, тихонько напѣвая какую-то пѣсню. Марко замолчалъ и вскорѣ заснулъ.

Якимъ долго молча сидѣлъ за столомъ, облокотясь на руки, и наконецъ едва внятно заговорилъ:

— Богъ его святой знаетъ, когда эти уланы отъ насъ уйдутъ. Прогнѣвали мы милостиваго Господа! Вотъ уже четвертый годъ стоятъ да и стоятъ, какъ будто на вѣки тутъ поселились. И что тотъ дурень турокъ думаетъ? Хоть бы войну скорѣе началъ, а тамъ можетъ, Богъ даль-бы и уланъ отъ насъ вывели на войну, а то даромъ только хлѣбъ ѣдятъ, благо дешевый. Ну, да хлѣбъ еще ничего: у насъ его, слава Богу, не мало, а то грѣхъ да и только съ ними! Теперь хоть-бы и наши Бурта,—велико ли село? а люди добрые говорятъ, что уже третью покрытку покрыли.

Лукія вздрогнула.

— Да, третью покрытку! шутка ли? Каково же отцу и матери безталанной? А имъ горемычнымъ? Пропацція, пропащія на вѣки!

Лукія тихо заплакала.

— Плачь, моя доню, плачь! Ты еще, слава Богу, хоть московка, все таки не покрытка; у тебя еще осталася хоть добрая слава, а у нихъ бѣдныхъ что осталося? Позоръ и до гроба позоръ!

Въ продолженіи всего этого монолога Марта сидѣла на скрынѣ, подперши старую голову руками, потомъ и она заговорила:

— Такъ, Якиме, такъ! Вѣчная наруга, вѣчное проклятіе на земли! А на томъ свѣтѣ что? Огонь неугасаемый! сказано—блудница.

— О, то-то и есть, что ты глупая баба: стоишь въ церкви, а не слышишь, что отецъ діаконъ въ евангеліи читае?

— А что-же онъ тамъ читае?

— А то, что Господь прощаетъ всѣхъ раскаявшихся грѣшниковъ, даже и блудницу!

— Правда!... правда, Якиме! А вотъ и Марія египетская.... какъ ты читаешь въ житіи...

— Вотъ то-то и есть, а приподобилась же?

— Не плачь, дочко Лукіе! Тебѣ нечего плакать: ты мужнина жена; пускай плачутъ да молятся вотъ безталанницы, а ты и безъ мужа найдешь кусокъ честнаго хлѣба.... А и въ самомъ дѣлѣ, давайте пообѣдаемъ, а то за тыми уланами и пообѣдать не удастся.

Лукія молча накрыла столъ чистой скатертью, поставила солонку и положила хлѣбъ и ножъ на столъ; Якимъ, перекрестяся, началъ рѣзать хлѣбъ на тонкіе куски, сначала сдѣлавъ ножемъ

крестъ на хлѣбѣ. Богу помоляся, сѣла за столъ Марта, а Лукія стала наливать борщъ въ миску.

Заяцъ на бѣду свою выскочилъ изъ хутора въ поле, въ то самое время, какъ Якимъ затворялъ калитку и желалъ охотникамъ добраго полеванья. Охотники, увидя косого врага своего, закричали: «ату его!» и помчалися въ слѣдъ за борзыми, только снѣжная пыль поднялася.

Одинъ охотникъ, проскакавъ немного, отсталъ отъ товарищей, остановилъ коня, постоялъ недолго, какъ бы раздумывая о чемъ-то, потомъ махнулъ нагайкою и поворотилъ коня по направленію къ Ромодановскому шляху.

Охотникъ этотъ былъ молодой корнетъ, котораго мы видѣли въ хатѣ пьющаго водку стаканомъ. Но это въ сторону: можно и водку пить и честнымъ быть, одно другому не мѣшаетъ. Но молодому корнету, какъ кажется, вино, а можетъ быть и воспитаніе, помѣшало быть честнымъ, потому что онъ породы былъ благородной.

Долго онъ ѣхалъ молча, какъ бы погрузясь въ думу. О чемъ же онъ думалъ, сей благородный юноша? Вѣрно онъ вспомнилъ прошлое, былое; вѣрно онъ вспомнилъ свой проступокъ передъ простою крестьянкою, и совѣсть мучитъ молодую и уже испорченную душу. Ничего не бывало! Онъ по временамъ говорилъ самъ съ собою вотъ что:

— Фу ты, чортъ ее побери, какъ она послѣ родовъ похорошѣла, просто бель-фамъ! *(молчаніе)*. Жаль, не видалъ мальчугана, а должно быть, прехорошенькій; я помню его глазенки, совершенно какъ у нея *(опять молчаніе)*. А что если на досугѣ начать снова? Далеко, чортъ возьми, ѣздить—верстъ 30 по крайней мѣрѣ! А чертовски похорошѣла! и за чѣмъ она, дура, бѣжала изъ своего села? Смѣются.... эка важность! Посмѣются, да и перестанутъ (*опять молчаніе*). Ба, превосходная идея! Эскадронъ одинъ въ этихъ двухъ селахъ! Рѣшено! Жертвую Мурзою ротмистру, пускай меня переведетъ въ третій взводъ, а онъ квартируетъ въ этомъ селѣ, какъ бишь его—Гурта, Бурта, что-ли? Браво! превосходная мысль! Я тогда могу бывать каждый день на хуторѣ. Превосходно! Ну, моя чернобровая Лукѣюшка, закутимъ! вспомнимъ прежнее-былое! Маршъ, нечего долго раздумывать!

И онъ пустился въ галопъ.

Проскакавъ версты двѣ, онъ далъ лошади перевести духъ и опять заговорилъ:

— Хорошо! а какъ же я разстанусь съ братьями разбойниками? Вѣдь день, другой, пожалуй недѣлю можно поѣсть рябчиковъ, а тамъ захочется и куропатки! Впрочемъ я могу каждую недѣлю по крайней мѣрѣ навѣщать свою удалую братію одинъ разъ; оно будетъ и разнообразнѣе и слѣдовательно интереснѣе. Рѣшено! Вѣдь въ этихъ случаяхъ жертва необходима! Неси меня, мой борзый конь!

И онъ сильно ударилъ нагайкой по ребрамъ своего борзаго коня. Конь полетѣлъ быстрѣе и быстрѣе, почуя близость знакомаго села. И въ широкой покрытой снѣгомъ долинѣ показалася синяя полоса,—это было село, родное село Лукіи. Онъ проѣхалъ шагомъ «царину» и легкой рысью въѣхалъ въ село. Первый живой предметъ, попавшійся ему на глаза, это былъ пьяный мужикъ, едва державшійся на ногахъ. Корнетъ узналъ въ немъ отца Лукіи.

— Здравствуй, почтеннѣйшій! сказалъ корнетъ, пріостанавливая коня.

— Здраствуйте, ваше благородіе! едва проговорилъ мужикъ, снимая шапку.

— А я вѣдь отыскалъ твою Лукѣюшку!

— Она теперь не моя, а ваша, ваше благородіе!

И сказавши это, мужикъ нахлобучилъ свою порыжѣлую шапку на глаза и побрелъ шатаясь къ своей, давно уже небѣленной, хатѣ. Корнетъ посмотрѣлъ вслѣдъ ему и проговорилъ:

— Глупый мужикъ, а туда же разсуждаетъ!

И подбоченясь поѣхалъ шагомъ вдоль села.

А глупый мужикъ не разсуждая пришелъ въ свою нетопленную хату, посмотрѣлъ на голыя стѣны и, какъ бы отрезвясь, снялъ шапку, перекрестился три раза и легъ на дубовой, давно уже немытой лавѣ, говоря, какъ бы сквозь сонъ:

— Вотъ тебѣ и постеля, старый дурню! Не умѣлъ спать на перинѣ, теперь—на лавѣ, подъ лавою, въ помыйныци, на смитныку, въ калюжи съ свиньями спи, старый пьяныця! О Господи, Господи, твоя воля! А кажется, такая тихая, такая смирная была! А вотъ же одурила мою сѣдую голову!

И онъ, не подымая головы, на взрыдъ заплакалъ.

Въ хатѣ было пусто, холодно; подъ лавами валялися разбитые горшки и растрепанный вѣникъ. Отъ стола и ослона только остатки валялися по хатѣ, а отъ другой лавы и остатковъ не видно. Кочерги, макогона и рогача тоже не видно около печи, а въ печи зола инеемъ покрылася. Пустка! совершенная пустка! а недавно была веселая, бѣлая, свѣтлая хата!

Куда же дѣвалась скромная прелесть простой мужицкой хаты?

Посрамленіе своего единаго дитяти, своей Лукіи не пережила престарѣлая мать; она плакала, плакала, потомъ захворала и вскорѣ умерла. Старикъ, похоронивши свою бѣдную подругу, не устоялъ противъ великаго горя, началъ пить и въ два года пропилъ все свое добро, уже добирался до самой хаты. Такія то бываютъ иногда послѣдствія минутнаго увлеченія!

Старикъ долго еще бормоталъ полусонный и наконецъ замолкъ. Немного погодя, мышь изъ норки выбѣжала на середину хаты, повертѣла головкой и вѣроятно замѣтивъ спящаго на лавѣ хозяина, повернулась назадъ, еще разъ осмотрѣлась и скрылась въ норку.

(Окончаніе слѣдуетъ).

КІЕВО-ПЕЧЕРСКАЯ ЛАВРА

ВЪ ЕЯ ПРОШЕДШЕМЪ И НЫНѢШНЕМЪ СОСТОЯНІИ.

(Продолженіе) [1].

Въ 20-ти саженяхъ отъ великой церкви къ юго-западу возвышается великолѣпная каменная *колокольня,* которая имѣетъ 43 сажени, 2 арш. и 2 вершка высоты до креста, 125 аршинъ въ окружности и 40 аршинъ поперечника въ своемъ основаніи. Она состоитъ изъ 4-хъ этажей или ярусовъ; 1-й этажъ въ рустикахъ, на фундаментѣ изъ тесаныхъ каменныхъ плитъ. Каждый слѣдующій ярусъ обставленъ колоннами различныхъ орденовъ, именно: второй этажъ окруженъ 32-ю колоннами дорическаго ордена, третій 16 колоннами іоническаго ордена, четвертый 8-ю тройными полу-колоннами коринѳскаго ордена; на капителяхъ, подъ завитками, прикрѣплены двуглавые орлы. Куполъ и глава колокольни покрыты мѣдью и вызолочены—куполъ сусальнымъ золотомъ, а глава сквозь огонь. Постройка колокольни начата въ 1731 году при архимандритѣ Романѣ Копѣ, окончена въ 1745 г. при архимандритѣ Тимофеѣ Щербацкомъ, по плану архитектора Іогана Шейдена, который имѣлъ надзоръ и за самою постройкой. Вся постройка обошлась въ 58,584 рубля 96 коп. Въ 1825 году на обновленіе колокольни употреблено 60,584 руб. 75 копѣекъ асс.

Каждый изъ десяти колоколовъ, находящихся на лаврской колокольнѣ, имѣетъ свое особое названіе; таковы: *орелъ, зоси-*

---

[1]) См. „Кіев. Стар.“ 1886 г., іюльск. кн., стр. 385—409.

минъ, *полѵелейный*, *благовѣстъ*, *балыкъ*, *успенскій*, *ранній*, *буденный*, *скликунъ* и *часовой*. Въ самомъ большемъ изъ колоколовъ, успенскомъ, вѣсу 1,000 пудовъ, общій-же вѣсъ всѣхъ колоколовъ 4,007 пуд. 4 фунта, а стоимость ихъ, считая матеріалъ и работу, 30,415 руб. 45 коп. Колокола повѣшены въ 3-мъ, а часы въ 4-мъ этажѣ, съ котораго открывается великолѣпный видъ на окрестности Кіева, почти на 50 верстъ при ясной погодѣ. На колокольню ведетъ лѣстница въ 374 ступени. По прочности матеріала, расположенію частей и изящному вкусу постройки и украшеній, а также по своей высотѣ, колокольня кіево-печерской лавры превосходитъ всѣ болѣе извѣстныя колокольни въ Россіи. Съ крестомъ она имѣетъ 46 саж. высоты, тогда какъ колокольня Троицко-Сергіевой лавры 41 с., колокольня Ивана Великаго въ Москвѣ $38^1/_2$ с., а Новоспасская въ Москвѣ лишь $33^2/_7$ с. [1]).

Въ наружныя стѣны перваго этажа лаврской колокольни вдѣланы три *барельефа*. Первый барельефъ, 11 вершковъ высоты и $8^1/_2$ ширины, представляетъ инока въ короткой мантіи, съ непокрытой головой, окруженною вѣнцемъ, и съ свиткомъ въ лѣвой рукѣ, на которомъ начертано: се ѡ-бещаю-ся вамъ-ѡци, б-ратіе, аще и-теломъ ѡ. Надъ головой надпись Агіωс Ѳеωдосій. Рамка въ видѣ витой веревочки. Второй барельефъ, $12^1/_2$ вер. длины и 9 вер. ширины, представляетъ Божію Матерь съ воздѣтыми руками, стоящую на продолговатомъ камнѣ. Вокругъ ея главы вѣнецъ, а по сторонамъ надпись: МР. ѲУ. Края барельефа украшены акандовыми листьями. Третій барельефъ представляетъ инока въ короткой мантіи и въ кругломъ клобукѣ, съ вѣнцемъ вокругъ главы и съ свиткомъ въ лѣвой рукѣ, на кото-

[1]) Не смотря на то, что колокольня кіево-печерской лавры сооружена въ половинѣ прошлаго столѣтія, въ народѣ давно уже успѣла образоваться легенда о ея чудесномъ построеніи, переходящая изъ устъ въ уста: строителями ея народъ считаетъ 12 братьевъ, почивающихъ въ пещерахъ, очевидно относя постройку великой церкви и колокольни къ одному и тому-же времени, и затрудняясь понять возможность столь высокой постройки обыкновеннымъ способомъ, вѣритъ, что колокольня по мѣрѣ постройки входила постепенно въ землю, а по окончаніи постройки въ одну ночь чудесно вышла вся изъ земли.

ромъ начертано: ѩко пол-ожены-здєво-ѩсъ по-ы. до-ръ. Б.—Подлѣ главы надпись; Агіѡ Антонє. Подъ барельефомъ подписано: *основана бысть церковь пресвятыя Богородица печерская на старомъ основаніи при великомъ короли Казимирѣ благовѣрнымъ княземъ Семеномъ Александровичемъ, отчичомъ кіевскимъ, при архимандритѣ Іоаннѣ.* По характеру буквъ эта надпись принадлежитъ XV вѣку. Вѣроятно эти три барельефа помѣщены были первоначально на одной изъ наружныхъ стѣнъ великой церкви вмѣстѣ, такъ что въ срединѣ находилось изображеніе Божіей Матери, а по обѣ ея стороны изображенія преподобныхъ Антонія и Θеодосія. При возобновленіи церкви послѣ пожара 1718 года, барельефы сняты, но чтобы сохранить древность, вдѣланы въ стѣны новой колокольни при ея постройкѣ.

Отъ великой церкви на юго-западъ дорожка между трапезой и колокольней ведетъ въ *настоятельскій* или *архимандричій* двухъэтажный каменный домъ, построенный въ 1727 году. Въ верхнемъ этажѣ, въ который всходятъ по лѣстницѣ, устроенной въ новой пристройкѣ около 1867 года, девять комнатъ, изъ коихъ находящаяся въ сѣверо-восточномъ углу занята домовою церковью во имя святителя *Митрофана Воронежскаго*, устроенною въ 1838 году при митрополитѣ Филаретѣ. Съ западной стороны дома, около 1861 года сдѣлана къ кабинету пристройка для помѣщенія библіотеки митрополита Арсенія и тогда-же придѣланъ большой балконъ съ южной стороны, съ лѣстницей для выхода въ садъ. Въ этомъ домѣ жительствовали первоначально лаврскіе архимандриты: *Романъ* Копа, *Иларіонъ* Негребецкій, *Тимофей* Щербацкій, *Іосифъ* Оранскій, *Лука* Бѣлоусовичъ и *Зосима* Валкевичъ до 1786 года, т. е. до подчиненія лавры кіевскимъ митрополитамъ съ званіемъ ея священно-архимандритовъ или начальниковъ; съ 1838 года жили здѣсь митрополиты кіевскіе *Филаретъ*, *Исидоръ*, *Арсеній* и *Филофей*, по высочайше предоставленному имъ праву имѣть помѣщеніе въ лаврѣ, или при кіево-софійскомъ соборѣ; здѣсь-же иногда проживаетъ и высокопреосвященный митрополитъ *Платонъ*. Помѣщеніе не обширное, но изъ оконъ его откры-

вается превосходный видъ на р. Днѣпръ и все Заднѣпрье. Въ этомъ же домѣ имѣла пребываніе императрица *Елисавета Петровна* въ 1744 г., памятникомъ чего сохранился золотой двуглавый орелъ на кровлѣ входнаго крыльца, а въ 1787 году три мѣсяца проживалъ здѣсь князь Гр. Ал. *Потемкинъ* во время пребыванія императрицы Екатерины II въ Кіевѣ, которая жила въ отстроенномъ уже тогда дворцѣ.

Къ нижнему этажу настоятельскаго дома примыкаетъ одноярусное зданіе, представляющее большую длинную залу съ плоскимъ потолкомъ и окнами съ двухъ сторонъ. Съ 1840 г. въ ней устроена церковь во имя св. Михаила, 1-го митрополита кіевскаго, а до того времени это былъ залъ, украшенный архіерейскими и царскими портретами, который служилъ парадной столовой въ великіе лаврскіе праздники 3 мая, 10 іюля и 15 августа, куда къ обѣду приглашались почетныя лица духовнаго, военнаго и гражданскаго вѣдомствъ. Избравъ лавру для постояннаго своего пребыванія, митрополитъ Филаретъ обратилъ этотъ залъ въ теплую церковь для своихъ архіерейскихъ службъ въ зимнее время. Въ этой церкви ежедневно отправляется *ранняя* литургія, а при митрополитѣ Филаретѣ въ большіе праздники совершалась имъ поздняя литургія. Въ углу, образуемомъ этою церковью и братской трапезой, находится древній глубокій колодезь, котораго холодной водой богомольцы въ лѣтнее время утоляютъ жажду. На площадкѣ предъ настоятельскимъ домомъ, засаженной каштанами, на каменномъ столбѣ устроены солнечные часы съ циферблятами на 4 сторонахъ.

Между колокольней и настоятельскимъ домомъ находится отдѣльный 2-хъ этажный домъ, составляющій помѣщеніе *намѣстника кіево-печерской лавры*, въ которомъ квартируютъ и преосвященные, пріѣзжающіе въ лавру для богомолья и по другимъ случаямъ. Домъ этотъ, составлявшій до 1824 года келліи ключниковъ, въ этомъ году обращенъ въ квартиру намѣстника, а въ 1882 г. передѣланъ вновь съ надстройкой 2-го этажа.

Вблизи св. воротъ лавры, съ лѣвой ихъ стороны, за книжной лавкой, входъ въ *больничный св. троицкій монастырь.*

Онъ основанъ еще въ началѣ XII вѣка преподобнымъ Николою Святошей, черніговскимъ княземъ, и въ началѣ имѣлъ особаго игумена, состоявшаго впрочемъ въ вѣдѣніи лавры; нынѣ старшее въ немъ духовное лице называется начальникомъ больничнаго монастыря. Церковь сего монастыря находится противъ воротъ; она каменная, небольшой высоты, съ длиннымъ сводомъ вмѣсто потолка, надъ алтарной частію глухой куполъ, котораго глава вызолочена. Больничный двухъ-этажный домъ на 32 кровати, съ аптекой, построенъ въ 1842 году при митрополитѣ Филаретѣ. Въ больницѣ пользуются больные преимущественно изъ лаврской братіи. Въ 1861 году при самомъ больничномъ корпусѣ устроена церковь *во имя Божіей Матери, всѣхъ скорбящихъ радости*, которая освящена 15 апрѣля.

Всю площадь лаврскаго двора отъ св. воротъ до линіи великой церкви и влѣво отъ великой церкви до экономическихъ воротъ на сѣверной сторонѣ занимаютъ каменные корпуса келлій для монашествующей братіи, изъ которыхъ образуются три улицы. Первая улица братскихъ келлій идетъ отъ св. воротъ къ великой церкви, по обѣ стороны выстланной гранитникомъ дорожки: лѣвая линія состоитъ изъ непрерывнаго, на протяженіи 65 саженей, ряда одноэтажныхъ келлій съ кирпичными сводами, въ которыхъ помѣщаются *соборные старцы* и духовныя высшія лица, живущіе въ лаврѣ на покоѣ; противуположная ей правая линія, въ 29 саж. длины, состоитъ изъ ряда таковыхъже келлій и доходитъ до колокольни; въ нихъ помѣщаются клирошане и рядовая монашествующая братія. Вторая улица идетъ отъ *экономическихъ* воротъ къ великой церкви, въ направленіи съ сѣвера на югъ; лѣвую или южную линію этой улицы составляетъ рядъ каменныхъ такъ называемыхъ полусоборныхъ келлій, въ два этажа, на протяженіи 37 саженей: тутъ помѣщаются экономъ лавры съ своею канцеляріей, типографъ и нѣкоторыя изъ старшей братіи, а въ верхнемъ этажѣ лаврская соборная канцелярія съ архивомъ и духовный соборъ или правленіе лавры. Сзади полусоборныхъ келлій находится еще рядъ подобныхъ келій на протяженіи 18 саженей и корпусъ 12 са-

женей длины, гдѣ живетъ *келарь лавры* съ своими помощниками и прислужниками. Здѣсь же дворы и амбары для разныхъ складовъ. Третья улица братскихъ келлій идетъ съ запада на югъ отъ Николаевской церкви больничнаго монастыря до пресѣченія ея экономической улицей: въ 2-хъ линіяхъ каменныхъ келій этой улицы живутъ монашествующіе и прислужники больничнаго монастыря, послушники, мастеровые и монастырскіе работники. За каждою келліей находятся такъ называемые *задворки* съ садиками и лѣтниками; сзади-же соборныхъ келлій каменныя одноярусныя малыя келліи съ кладовыми, ледниками и погребами, гдѣ въ старое время, когда лавра владѣла вотчинами, каждый соборный старецъ и чиновный монахъ содержалъ цѣлый штатъ своихъ прислужниковъ, изъ которыхъ слагались малыя братства. Всѣ эти зданія построены послѣ 1718 года, а покрылись желѣзомъ съ 1777 по 1793 годъ.

На восточной сторонѣ, за алтаремъ великой церкви, идутъ каменные типографскіе корпуса въ двѣ линіи, изъ коихъ одна паралельна алтарю великой церкви, а другая примыкаетъ къ ней съ сѣвера подъ прямымъ угломъ.

Лаврская типографія помѣщается въ двухъэтажномъ корпусѣ. Съ лицевой стороны этого дома, надъ входомъ въ него, вдѣланы въ стѣну двѣ плиты краснаго шифера, съ рельефными изображеніями на одной плитѣ Сампсона, раздирающаго пасть льва, а на другой—царя, сидящаго въ колесницѣ, запряженной львами. Барельефы эти, безъ сомнѣнія, въ древности принадлежали къ наружнымъ украшеніямъ великой церкви. Въ подвальномъ этажѣ находится паровой котелъ, приводящій въ движеніе скоропечатныя машины, токарные, стругательные и сверлильные станки, а также насосъ, подымающій воду изъ систерны, вмѣщающей до 8,000 вѣдеръ, которая устроена на переднемъ типографскомъ дворикѣ. Въ 1-мъ этажѣ залъ для шрифта, наборщиковъ и для печатанія, которое производится 4 скоропечатными машинами и 7 чугунными типографскими станками, здѣсь-же помѣщенными. Въ одной половинѣ верхняго

этажа просушиваются отпечатанные листы и сортируются въ отдѣльные экземпляры, а въ другой, восточной, помѣщены: литографія, хромолитографія и ксилографія. Типографскій корпусъ съ восточной своей стороны имѣетъ широкую галлерею и балконъ, съ которыхъ открывается прекрасный видъ на пещеры, Днѣпръ и Заднѣпровье. Внизу у воротъ, съ этой-же восточной стороны, въ маломъ двухъэтажномъ флигелѣ находятся словолитня, стереотипное и гальванопластическое отдѣленія. Книги лаврской печати расходятся въ большомъ количествѣ не только въ Россіи, но и въ славянскихъ заграничныхъ земляхъ, какъ-то: въ Болгаріи, Сербіи, Буковинѣ и на Аѳонской горѣ. Типографія кіево-печерской лавры не только принадлежитъ къ числу лучшихъ учрежденій сего рода, но она и древнѣйшая въ Россіи. Учреждена она въ началѣ XVI вѣка, именно около 1616 года, ученымъ кіево-печерскимъ архимандритомъ Елисеемъ *Плетенецкимъ*; въ первые уже восемь лѣтъ успѣла при немъ выпустить въ свѣтъ одинадцать изданій, соотвѣтствовавшихъ настоятельнымъ потребностямъ времени, и не смотря на постигавшія ее бѣдствія отъ пожаровъ въ 1718, 1772, 1786 и 1788 г., не прерывала своей благотворной дѣятельности въ теченіи 269 лѣтъ своего существованія. Своимъ усовершенствованіемъ она много обязана митрополитамъ Самуилу, Евгенію и Арсенію; при послѣднемъ изъ нихъ ручные станки замѣнены скоропечатными машинами, введено употребленіе пара, заведена словолитня и литографія и самое зданіе типографіи преобразовано съ устройствомъ подвальнаго этажа, улучшены шрифтъ, бумага и прочіе способы печатанія.

Кромѣ типографіи, лавра имѣетъ малую живописную школу и мастерскія для *позолотныхъ*, *столярныхъ*, *слесарныхъ* и *кузнечныхъ* работъ, которыя помѣщаются частію въ самой лаврѣ, а частію при находящемся внѣ лавры конюшенномъ ея подворьѣ.

Къ типографскому корпусу съ правой его стороны примыкаетъ двухъэтажный корпусъ въ 21 саж. длины, въ которомъ помѣщаются *просфорня* и *хлѣбня*, книжная лавка и книжный магазинъ для продажи лаврскихъ изданій. Противъ южной стороны типографскаго корпуса, предъ трапезною церковью, двухъ-

этажное каменное зданіе новой постройки съ погребами для ледника; въ этомъ зданіи помѣщается школа живописи.

Весь большой дворъ великой лаврской церкви окружаетъ каменная ограда на протяженіи 520 саженей, имѣющая 2 сажени высоты и 4 аршина толщины, съ 4-мя башнями по угламъ. Ограда эта устроена въ 1698 году малороссійскимъ гетманомъ Иваномъ Мазепою. Онъ-же на экономическихъ воротахъ этой ограды соорудилъ большую 5-ти главую церковь во имя *Всѣхъ святыхъ*. Главы этой церкви покрыты листовымъ золотомъ.

Между типографскимъ корпусомъ и стоящею противъ него новою постройкою, отъ великой церкви идетъ покатый спускъ къ нижнимъ лаврскимъ воротамъ, которыми проходятъ на Ближнія пещеры. Для предохраненія отъ дождевыхъ промоинъ спускъ этотъ вымощенъ каменными плитами, кромѣ того правая сторона спуска, а также и лѣвая отъ великой церкви укрѣплены кирпичной стѣной. На укрѣплеяіе этого спуска императрицей Екатериной пожаловано въ 1793 г. 28,694 рубля, исчисленные по тогдашней смѣтѣ.

Ближнія и Дальнія пещеры находятся на крутомъ берегу р. Днѣпра, занимая широкій уступъ лаврской горы; между собою раздѣляются онѣ глубокимъ оврагомъ, а съ южной стороны хребтомъ горы; общая мѣстность обоихъ пещеръ представляетъ потому изъ себя ложбину, закрытую высотами съ сѣверной, западной и южной сторонъ, а съ восточной открытую и наполненную садовыми деревьями, которыя раздѣляются на нѣсколько отдѣльныхъ садовъ. Въ 1844 году вся мѣстность, на которой находятся Ближнія и Дальнія пещеры, обведена крѣпостною стѣной съ амбразурами для пушекъ и щелями для ружейныхъ выстрѣловъ—на пространствѣ 550 саженей, согласно Высочайшему повелѣнію, подъ распоряженіемъ военно-инженернаго начальства, на что употреблено 60,014 рублей 26 коп., съ отнесеніемъ половины этой суммы, именно 32,015 р. 26 коп. на счетъ лавры.

Отъ нижнихъ воротъ лавры въ Ближнія пещеры идутъ чрезъ садъ крытою деревянною, на каменныхъ столбахъ, галлереею, которая, спускаясь по склону горы, приводитъ къ стоящей надъ пещерой каменной церкви во имя Воздвиженія Честнаго Креста, сооруженной въ 1700 году малороссійскимъ полковникомъ Павломъ Герцикомъ, вмѣсто показанныхъ здѣсь на планѣ 1638 г. 2-хъ деревянныхъ церквей во имя преподобнаго *Θеодосія* печерскаго и въ честь *Воскресенія Христова*. До 1834 года на южной стѣнѣ церкви, на право отъ входа, помѣщался портретъ храмоздателя Герцика во весь ростъ. Крестовоздвиженская церковь имѣетъ въ длину 18 саж., а въ ширину около 8 саж. Въ 1769 году сдѣланъ для нея новый, рѣзной съ позолотой, иконостасъ во всю длину алтарной арки, а въ 1816 году она расписана по стѣнамъ разными св. изображеніями. Въ храмовую икону Воздвиженія вдѣланъ большой крестъ съ значительною частію древа Креста Господня. Царскія врата серебряныя, съ позолотой по мѣстамъ, устроены въ 1784 году. Престолъ и жертвенникъ обложены мѣдными, вызолоченными досками, съ накладными серебряными украшеніями. Сзади лѣваго клироса въ кіотѣ находится въ серебряной вызолоченной ризѣ казанская икона Божіей Матери, у которой по пяткамъ предъ вечерней читается акаѳистъ. Предъ этой иконой погребенъ 9 мая 1876 года митрополитъ кіевскій Арсеній, о чемъ значится въ надписи на мраморной доскѣ при сѣверной стѣнѣ. Сзади праваго клироса въ серебряномъ окладѣ икона Спасителя. Предъ этой иконой входъ въ склепъ, въ которомъ, подъ клиросомъ, погребены кіевскіе митрополиты *Филаретъ* въ 1857 году и *Филоѳей* въ 1882 году. Здѣсь же у стѣны погребенъ былъ полковникъ Герцикъ.

Влѣво отъ входа въ эту церковь, въ сѣверной стѣнѣ, находится за желѣзной рѣшеткой дверь, чрезъ которую богомольцы, съ зажженными свѣчами въ рукахъ, входятъ въ пещеру, предшествуемые однимъ изъ монашествующихъ. Всѣхъ преподобныхъ, нетлѣнно почивающихъ въ ближнихъ пещерахъ 71 и затворниковъ 9. Мощи святыхъ сохраняются въ гробницахъ, которыя

поставлены въ нишахъ по обѣ стороны пещерныхъ галлерей; у изголовья изображеніе святаго и предъ нимъ теплится лампадка, надъ гробницей или надъ нишей табличка съ именемъ святаго. Большая часть гробницъ деревянныя, лакированныя; нѣкоторыя обложены серебрянными листами. Въ 1775 году сибирскій горнозаводчикъ, извѣстный Никита Демидовъ прислалъ въ лавру 12 ракъ зеленой, полированной мѣди для мощей святыхъ, которыя отданы по 6-ти въ каждую пещеру. Пройдя первую небольшую кривую галлерею, пересѣкаютъ поперечную галлерею и входятъ въ галлерею прямую, съ которой начинается рядъ гробницъ въ слѣдующемъ порядкѣ:

1. Преподобная *Іуліанія*, дѣва, княжна Гольшанская.

2. Преподобный *Прохоръ* чудотворецъ, такъ называемый Лебедникъ, «иже молитвою быліе—лободу творяше хлѣбы и въ пепелу—соль» во время голода.—Здѣсь-же церковь преподобнаго Антонія.

3. Преподобный *Іоаннъ* постникъ.

4. Гробъ преподобнаго *Антонія* печерскаго, съ изображеніемъ его на сброкованной ракѣ; подлѣ гроба темная келлія преподобнаго, мѣсто его подвиговъ при жизни.

Далѣе отъ перекрестка галлереи, ведущей въ церковь, съ другою, имѣющею направленіе къ югу, слѣдуютъ:

5 и 6. Преподобно-мученики *Өеодоръ* и *Василій*, почивающіе въ одной гробницѣ; оба они умучены въ темницѣ княземъ Мстиславомъ Святополковичемъ за неотдачу сокровищъ, найденныхъ якобы ими въ Варяжской пещерѣ въ 1091 году.

7. Преподобный *Поликарпъ*, 2-й печерскій архимандритъ († 1182 года).

Въ маленькой церкви во имя преподобнаго Варлаама, 1-го игумена печерскаго, устроенной здѣсь въ 1691 году кіевскимъ митрополитомъ Варлаамомъ Ясинскимъ, въ западной ея части съ одной стороны:

8. Преподобный игуменъ печерскій *Варлаамъ*, внукъ славнаго воеводы Вишаты († 1062 г.); противъ него, на другой сторонѣ:

9. Преподобный *Даміанъ* пресвитеръ, *цѣлебникъ,* врачевавшій молитвою и елеемъ. По выходѣ изъ церкви въ прилегающую галлерею:

10. Преподобный *Никодимъ* просфорникъ († 1141 г.).

11. Преподобный *Лаврентій* затворникъ, въ 1182 году епископъ туровскій.

12. Проподобный *Аѳанасій* затворникъ, пробывшій въ затворѣ 12 лѣтъ († 1176 г.).

13. Преподобный *Эразмъ,* пожертвовавшій все свое имущество на украшеніе великой печерской церкви.

14. Преподобный *Лука*, экономъ печерскій.

15. Преподобный *Нектарій* послушливый.

16. Преподобный *Агапитъ*, врачъ печерскій († 1195 г.), исцѣлившій зеліемъ и молитвою великаго князя Владиміра Мономаха.

17 и 18. Преподобные *Іоаннъ* и *Ѳеофилъ*, родные братья, подвизавшіеся въ XI вѣкѣ.

19. Священномученикъ *Іоаннъ* Кукша, проповѣдывавшій христіанскую вѣру въ землѣ вятичей 1215 г.

Затворъ преподобнаго *Исаакія.*

20. Преподобный *Алексій.*

21. Преподобный *Григорій* иконописецъ.

22. Преподобный *Савва* чудотворецъ.

23. Преподобный *Сергій* послушливый.

24. Преподобный *Меркурій*, изъ печерскихъ иноковъ смоленскій епископъ 1238 г.—На поворотѣ въ новую галлерею:

25. Преподобный *Пименъ* многоболѣзненный, который самъ просилъ себѣ продолженія болѣзни и пролежалъ на одрѣ болѣзни 20 лѣтъ († 1139 г.).

26. Въ боковой короткой вѣтви преподобный *Несторъ*, лѣтописецъ XI вѣка.—Надъ его гробницей придѣлана къ стѣнѣ бронзовая, вызолоченная доска съ барельефами и надписью отъ московскаго общества исторіи и древностей россійскихъ.

27. По продолженію большой галлереи къ западу, преподобномученикъ *Евстратій*, претерпѣвшій въ г. Корсунѣ отъ евреевъ мученія и смерть на крестѣ за твердость въ христіанской вѣрѣ.

28. Преподобный *Елладій* затворникъ, постникъ и чудотворецъ.

29. Преподобный *Іеремія* прозорливый, помнившій еще крещеніе Руси при св. Владимірѣ.

30. Преподобный *Моисей* угринъ, служившій отрокомъ у св. мученика князя Бориса и уведенный въ плѣнъ польскимъ королемъ Болеславомъ.

31. Преподобный *Іоаннъ* многострадальный, еще при жизни вкопавшій себя по перси въ землю, ради подвига воздержанія.

32. Преподобный *Маркъ* гробокопатель, XI вѣка, употреблявшій и воду съ воздержаніемъ, мѣрою креста.

33. Преподобный *Никола* Святоша, князь черниговскій, бывшій нѣкоторое время привратникомъ печерскаго монастыря († 1136 г.).

34. Преподобный *Григорій* чудотворецъ, современникъ преподобнаго Θеодосія, исцѣлявшій бѣсноватыхъ.

35. Преподобный *Онисимъ* затворникъ.

36. Преподобный *Матθей* прозорливый, XI вѣка.

Поворотивъ въ боковую вѣтвь къ западу, входятъ въ *трапезу* преподобныхъ печерскихъ отцевъ, въ которой они собирались по субботамъ.

Въ трапезѣ почиваютъ:

37. Преподобный *Исаія* чудотворецъ.

38. Преподобный *Аврамій* трудолюбивый.

39. Преподобный *Нифонтъ*, епископъ новгородскій съ 1131 г., († 1156 г.).

40. Преподобный *Сильвестръ*.

41. Преподобный *Пименъ* постникъ, сподвижникъ св. Іоанна Кукши въ дѣлѣ проповѣди.

42. Преподобный *Онуфрій* молчаливый.

По выходѣ изъ трапезы въ галлерею:

43. Преподобный *Анатолій* затворникъ.

44. Преподобный *Спиридонъ* просфорникъ, на рукѣ коего сохранилось православное молитвенное перстосложеніе. Онъ ежедневно прочитывалъ Псалтырь.

45 Преподобный *Арева* затворникъ XII вѣка, раздавшій все свое имущество бѣднымъ послѣ того, какъ часть его оказалась похищенною ворами.

46. Преподобный *Ѳеофилъ* затворникъ.

47. Преподобный *Сисой* затворникъ.

48. Преподобный *Алипій* иконописецъ, сотрудникъ греческихъ иконниковъ въ украшеніи великой печерской церкви.

49 Преподобный *Онисифоръ* исповѣдникъ.

По переходѣ въ новую галлерею, направляющуюся съ запада на сѣверо-востокъ:

50. Преподобный *Симонъ*, съ 1215 г. епископъ суздальскій, написавшій житія святыхъ печерскихъ и сказаніе о созданіи великой лаврской церкви.

51. Преподобный *Никонъ*. Онъ первый пришелъ къ преподобному Антонію и былъ 4-мъ игуменомъ печерскимъ; при немъ великая церковь украшена живописью и мозаикой.

52. Преподобный *Ѳеофанъ* постникъ.

53 Преподобный *Макарій*.

54. Преподобномученикъ *Анастасій* діаконъ.

55. Преподобный *Аврамій* затворникъ.

56. 12-ть братій, муровщики, трудившіеся въ созданіи и украшеніи великой лаврской церкви, почивающіе рядомъ одинъ подлѣ другаго.

57. Преподобный Исаакій, бывшій въ г. Торопцѣ купцемъ, потерпѣвшій искушеніе въ затворѣ, но исцѣленный молитвами братіи печерской.

58. Преподобный *Илія* Муромецъ, XII вѣка.

59. Святый мученикъ младенецъ *Іоаннъ*.

60. Преподобный *Никонъ* Сухій, кіевлянинъ, взятый половцами въ плѣнъ, потерпѣвшій отъ нихъ и обратившій своего мучителя къ вѣрѣ во Христа.

Отъ гробницы сего святаго входъ въ церковь Введенія во храмъ Пресвятыя Богородицы, въ которой почиваютъ:

61. Преподобный *Ефремъ*, 1092 г. епископъ переяславскій, бывшій казначей великаго князя Изяслава Ярославича

62. Преподобный *Титъ* пресвитеръ, за любовь къ обидѣвшему его брату чудесно исцѣленный отъ недуга.

По выходѣ изъ Введенской церкви въ боковую галлерею, за алтаремъ ея, 30 мироточивыхъ главъ въ углубленіи стѣны подъ стеклянными колпаками. Отъ нихъ, по продолженію галлереи, выходъ изъ пещеры, подлѣ алтаря большой Крестовоздвиженской церкви. На стѣнѣ, въ прилегающемъ къ сему алтарю павильонѣ, изображены *20 мытарствъ*, которыя проходитъ душа по смерти, восходя на небо.

Дальше къ востоку, надъ крутизной горы небольшой домикъ деревянный, съ церковью во имя *Срѣтенія Господня*, въ которомъ жительствуетъ начальникъ Ближнихъ пещеръ и жительствовалъ іеросхимонахъ Парѳеній, духовникъ митрополита кіевскаго Филарета и графини Анны Алексѣевны Орловой, ради него пристроившей эту церковь. Здѣсь-же онъ и скончался.

Къ югу отъ этого домика гранитная часовня, отдѣланная внутри мраморомъ, подъ которой погребены: кіевскій генералъ-губернаторъ, генералъ-адъютантъ *Александръ Павловичъ Безакъ* и супруга его *Любовь Ивановна*, урожденная Меркулова.

Подлѣ южныхъ дверей Крестовоздвиженской церкви склепъ, въ которомъ погребены: кіевскій генералъ-губернаторъ, князь *Иларіонъ Иларіоновичъ Васильчиковъ*, и его супруга *Екатерина Алексѣевна*, урожденная княжна Щербатова.

Съ сѣверной стороны коридора. которымъ входятъ въ Крестовоздвиженскую церковь, пристроена въ 1839 году *теплая церковь* съ плоскимъ потолкомъ, въ видѣ большой залы, *во имя всѣхъ преподобныхъ печерскихъ*. Въ концѣ церковной площадки, за каменными воротами, каменная въ $8^1/_2$ саж. *колокольня*,

построенная въ 1763 году. Подлѣ нея двухъ-этажный каменный домъ съ садомъ для помѣщенія иночествующаго братства Ближнихъ пещеръ.

Церковная площадка отдѣлена отъ сада Дальнихъ пещеръ каменною оградою съ двумя башнями, изъ коихъ въ первой, ближайшей къ краю горы, помѣщается ризница пещерныхъ церквей, а въ другой входъ въ деревяную галлерею, ведущую чрезъ садъ къ Дальнимъ пещерамъ въ направленіи къ югу. Для предохраненія южнаго склона горы, вершину которой составляетъ площадка Крестовоздвиженской церкви, отъ обваловъ, производимыхъ подземными ключами, южная часть горы обложена каменною отлогою стѣною, въ видѣ полукруга, опирающеюся на арки; внизу, на углу стѣны, устроенъ круглый контрафорсъ и при немъ колодезь для скопленія воды, которая каналомъ стекаетъ въ оврагъ.

Деревяная галлерея въ 91 сажень длины, ведущая къ Дальнимъ пещерамъ, проходитъ въ саду чрезъ оврагъ по каменнымъ аркамъ и подымаясь на противоположный лаврѣ холмъ, выводитъ на небольшую площадку, съ южной стороны которой на пригоркѣ стоитъ 7-ми главая каменная *церковь Рождества пресвятыя Богородицы* [1]), сооруженная въ 1696 году бѣлоцерковскимъ полковникомъ Константиномъ Мокіевскимъ; длина ея 10 саж., а ширина 8 саж. Иконостасъ ея рѣзной, вызолоченый, высокій; царскія врата серебряныя, съ позолотой, 1784 года. Престолъ и жертвенникъ каменные, обложенные мѣдными вызолоченными досками, съ серебрянными накладными украшеніями; металлическая одежда престола устроена въ 1785 г., а на жертвенникъ въ 1787 г. Противъ западныхъ дверей церкви, въ

1) На мѣстѣ сей церкви въ 1638 г. была деревяная церковь того-же имени, устроенная въ 1635 г. на мѣстѣ многихъ прежнихъ, ветшавшихъ отъ времени, какъ значится у Кальнофойскаго. Здѣсь-же, по его свидѣтельству, была первоначальная деревяная *Успенская* церковь, построенная преподобнымъ Θеодосіемъ, при которой, по выходѣ братіи изъ пещеръ, былъ первый печерскій монастырь, называемый въ Патерикѣ „ветхимъ“. Въ началѣ XVI вѣка еще былъ цѣлъ ея престолъ, сложенный изъ простыхъ камней на глинѣ.

разстояніи 6 саженей, каменная въ 2 яруса *колокольня* высотой въ 9 саженей, построенная въ 1761 году. Главы на церкви и колокольнѣ покрыты листовымъ золотомъ. На площадкѣ между Рождество-Богородичною церковью и закругленіемъ крѣпостнаго вала погребены: генералъ-фельдмаршалъ россійскихъ войскъ, графъ Фабіанъ Вильгельмовичъ *Остенъ-Сакенъ* († 1837 г.); генералы отъ инфантеріи: Паисій Сергѣевичъ *Кайсаровъ* († 1844 г.) и Аѳанасій Ивановичъ *Красовскій* († 1842 г.).

За колокольней Рождество-Богородичной церкви, съ западной стороны, каменный, въ полтора этажа, съ балкономъ, *домъ начальника Дальнихъ пещеръ*, съ келліями для прислуги. Къ сѣверу отъ него, по другую сторону улицы, двухъэтажный домъ съ галлереей и погребами для братскихъ келлій. Другой братскій одноэтажный, частію деревяный, частію каменный, домъ находится по косогору близъ самой Рождество-Богородичной церкви, съ сѣверо-восточной ея стороны.

Ниже, противъ этого дома, по лѣвую сторону галлереи, идущей отъ Ближнихъ пещеръ, каменное зданіе небольшой *церкви во имя Зачатія св. Анны*, которая въ 1809—1810 г. перестроена, съ сохраненіемъ старой кровли, изъ прежней, сооруженной въ началѣ XVIII вѣка кіевскимъ жителемъ Александромъ Емельяновичемъ *Новицкимъ*, уроженцемъ м. Вязовка черкасскаго уѣзда. Нынѣ она служитъ теплою для зимняго времени.

Вправо отъ алтаря этой Зачатьевской церкви деревяный павильонъ, которымъ начинается деревяная-же, на каменныхъ столбахъ, галлерея на протяженіи 24 саженей, круто спускающаяся къ входу въ Дальнюю пещеру.

Въ Дальнія пещеры входятъ изъ каменной часовни, украшенной иконами. Нетлѣнныя тѣла святыхъ почиваютъ въ гробницахъ, по обѣ стороны пещерныхъ галлерей, слѣдуя въ такомъ порядкѣ:

1. Преподобный священномученикъ *Лукьянъ*, пострадавшій послѣ нашествія Батыя въ 1243 году.

2. Преподобный *Лаврентій* затворникъ.

3. Преподобный *Пафнутій*, всегда памятовавшій о смертномъ часѣ.

4. Преподобный *Мартирій* діаконъ, прославившійся силою своей молитвы.

5. Преподобный *Иларіонъ* схимникъ.

6. Преподобный *Ѳеодоръ* князь острожскій († 1438 г.), современникъ великаго князя литовскаго Ягайла, очистившій Подолье отъ поляковъ.

Противъ гроба преподобнаго *Ѳеодора* въ надписи значится, что за оконцемъ въ стѣнѣ находятся мѵроточивыя главы.

7. Преподобный *Діонисій* Щепа, затворникъ 1463 года.

8. Преподобный *Аѳанасій* затворникъ.

Мѵроточивыя главы за стекломъ оконца.

9. Преподобный *Ѳеофилъ*, епископъ новгородскій, современникъ Іоанна III и Марѳы посадницы, удалившійся въ Кіевъ послѣ заточенія въ Чудовѣ монастырѣ.

10. Преподобный *Зинонъ* постникъ.

11. Препообный *Григорій* постникъ, питавшійся только неваренымъ зельемъ и водою.

12. Преподобный *Ипатій* цѣлебникъ, вкушавшій только хлѣбъ и воду.

Мѵроточивыя главы въ числѣ 15, обрѣтенныя въ 1834 г. при митрополитѣ Евгеніѣ, въ стѣнѣ, за стекломъ, подъ хрустальными колпаками.

13. Преподобный *Моисей* чудотворецъ, носившій на своемъ тѣлѣ поясъ и крестъ, изъ желѣза сдѣланные.

14. Преподобный *Іосифъ* болѣзненный, выздоровѣвшій отъ болѣзни въ печерскомъ монастырѣ, куда переселился по обѣту.

15. Преподобный *Павелъ* послушливый, не проводившій и минуты въ праздности, а въ свободное время моловшій на жерновѣ.

16. Преподобный *Сисой* схимникъ, побѣдившій страсти и злыхъ духовъ.

17, 18. Преподобные *Леонтій* и *Геронтій*, канонархи печерскіе.

19. Преподобный *Несторъ* некнижный, никогда не воздремавшій во время богослуженія.

20 Преподобный *Өеодоръ* молчаливый, не погрѣшившій и въ словѣ.

21. Преподобный *Памво* затворникъ, чудесно освобожденный отъ плѣна у невѣрныхъ

22. Преподобный *Софроній* затворникъ, ежедневно прочитывавшій псалтырь въ темной пещерѣ.

23. Преподобный *Панкратій* затворникъ, исцѣлявшій больныхъ молитвою и помазаніемъ елея.

24. Преподобный *Анатолій* затворникъ.

25. Преподобный *Мардарій* затворникъ, не имѣвшій никакой собственности, кромѣ одѣянія на себѣ.

26. Преподобный *Аммонъ* затворникъ, послѣ путешествія на Аөонъ и въ Іерусалимъ служившій образцемъ иноческой жизни.

27. Преподобный *Іоръ*, отличавшійся постомъ и трудолюбіемъ и скончавшійся въ затворѣ.

28. Преподобный *Мартирій* затворникъ.

29. Преподобный *Руөъ* затворникъ.

Церковь *Благовѣщенія пресвятыя Богородицы.* Въ этой церкви почиваютъ:

30. Преподобная *Ефросинія,* игуменія полоцкая, дочь полоцкаго князя Георгія Всеволодовича, въ мірѣ Предислава, скончавшаяся въ Іерусалимѣ 1133 года, откуда ея мощи перенесены въ Кіевъ по завоеваніи Іерусалима турками.

31. Преподобный *Арсеній* трудолюбивый, не вкушавшій пищи до захожденія солнца и ни днемъ, ни ночью не остававшійся безъ дѣла.

32. Преподобный *Евфимій* схимникъ, по принятіи схимы обрекшій себя на совершенное безмолвіе.

33. Преподобный *Веніаминъ* изъ богатыхъ купцовъ, раздавшій все свое имущество бѣднымъ и на церкви.

34. Преподобный *Титъ* воинъ, поступившій въ число иноковъ послѣ раны, въ голову полученной на сраженіи.

35. Преподобный *Ахила* діаконъ, довольствовававшійся одной просфорой въ недѣлю.

36, 37 Преподобные *Паисій* и *Меркурій*, жившіе въ одной келліи и по смерти положенные въ одномъ гробѣ; нынѣ почиваютъ въ отдѣльныхъ ракахъ, одинъ противъ другаго, неизвѣстно съ какого времени.

Церковъ преподобнаго Θеодосія. Въ ней почиваютъ:

38. Преподобный *Макарій* діаконъ, имѣвшій великое усердіе къ храму Божію и постоянно упражнявшійся въ чтеніи божественныхъ книгъ и молитвъ.

39. Преподобный *Пименъ*, не ослабѣвавшій отъ поста и молитвы, хотя вкушалъ пищу одинъ разъ въ недѣлю.

Келлія преподобнаго Θеодосія.

Отъ нея въ нѣсколькихъ шагахъ *мѵроточивая глава* неизвѣстнаго святаго.

40. Преподобный *Силуанъ* схимникъ, силою молитвы связавшій похищавшихъ овощи изъ монастырскаго сада и отпустившій ихъ чрезъ три дня съ увѣщаніемъ.

41. Преподобный *Агафонъ* чудотворецъ, получившій заранѣе извѣщеніе о своей кончинѣ.

42. Преподобный *Захарія* постникъ, сынъ кіевскаго жителя Іоанна, отдавшій игумену печерскому Іоанну 2.000 гривенъ серебра и 200 гривенъ золота, полученные въ наслѣдство отъ своего отца.

43. Преподобный *Игнатій*, архимандритъ печерскій, отличавшійся предъ всѣми постомъ, молитвою и смиреніемъ.

Гробъ преподобнаго *Θеодосія* у южной стѣны его церкви, въ углубленіи, откуда его мощи вынуты въ XII вѣкѣ и перенесены въ великую церковь. Противъ Θеодосіева гроба на стѣнѣ, обитой мѣдными листами, икона Божіей Матери съ предстоящими при ней 2-мя ангелами и преклоненными предъ ней св. Антоніемъ и Θеодосіемъ, такъ называемая печерская, замѣняющая собою утраченный подлинникъ. Празднованіе ей 3-го мая.

Здѣсь же, въ стѣнномъ углубленіи, обложенномъ мѣдными вызолоченными листами, на большомъ серебряномъ блюдѣ *мѵ-*

роточивая глава, мѵромъ которой помазываются приходящіе на поклоненіе св. мощамъ [1]).

и 44. Часть мощей св младенца, Христа-ради убіеннаго отъ Ирода, данная въ лавру іерусалимскимъ патріархомъ Ѳеофаномъ въ 1620 году.

Церковь Рождества Христова, въ коей почиваютъ:

45. Преподобный *Лонгинъ,* вратарь печерскій, стяжавшій себѣ даръ прозорливости.

и 46. Мѵроточивыя главы, въ числѣ 30, неизвѣстныхъ святыхъ.

Затѣмъ выходъ изъ пещеръ направляется въ ту же часовню, которою входятъ въ пещеры.

Къ южной сторонѣ *Дальнихъ* пещеръ примыкаютъ такъ называемыя *варяжскія* пещеры, которыя у Кальнофойскаго иначе называются разбойническими. Онѣ начинаются подлѣ гробницы св. Лаврентія затворника, идутъ сначала однимъ рукавомъ, а потомъ развѣтвляются; дальнѣйшія изъ нихъ завалены обрушившеюся землею.

Какъ Ближнія, такъ и Дальнія пещеры ископаны въ твердой, песчано-глинистой почвѣ и по переселеніи иночествующихъ въ большой монастырь, служили, вмѣсто кладбища, для погребенія покойниковъ изъ монастырской братіи. Но не качество почвы, по замѣчанію печерскаго архимандрита XVII вѣка Иннокентія Гизеля, причиною тому, что тѣла святыхъ сохраняются нетлѣнными въ продолженіи многихъ столѣтій, ибо иныя тѣла, тамъ же положенныя, превращались въ прахъ: печерскіе угодники удостоены нетлѣнія за святость жизни и за свою преданность волѣ Божіей. Какъ далеко простираются тѣ и другія пещеры, неизвѣстно было и въ концѣ XVII вѣка, потому что отъ землетрясенія онѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ обрушились за

---

[1]) Эта, особенно чествуемая, глава неизвѣстнаго святого не глава-ли св. Климента, папы римскаго, хранившаяся въ X и XI в. въ кіево-десятинной церкви? Если изъ этой церкви, по ея разореніи въ XIII в. татарами, перенесены въ пещеры мощи 1-го кіевскаго митрополита Михаила, то могла быть съ ними взята и глава св. Климента.

60 лѣтъ до 1674 года; устроены же онѣ столь разнообразно, что незнакомый съ ихъ расположеніемъ затруднится отыскать выходъ изъ нихъ безъ проводника, какъ замѣтилъ еще описатель сихъ пещеръ Иннокентій Гизель. Во время нашествія татаръ съ Батыемъ, входы въ пещеры были закрыты или лучше завалены землею. Въ половинѣ XV вѣка становится извѣстнымъ, что онѣ уже были открытыми.

Ихъ посѣщали богомольцы уже въ XVI и XVII вѣкѣ, какъ свидѣтельствуютъ Ляссота, Кальнофойскій и діаконъ Павелъ; но еще до конца прошлаго столѣтія пещерныя ниши, въ которыхъ стоятъ гробницы съ тѣлами святыхъ, были закрыты досками; на каждой изъ досокъ было изображеніе почивающаго за нею святого, по срединѣ доски небольшое отверстіе, сквозь которое, съ помощью свѣчи, можно было видѣть гробницу. Болѣе 20 такихъ досокъ сохраняются и нынѣ при пещерахъ. Прикладываться къ мощамъ печерскихъ угодниковъ и чествовать ихъ цѣлованіемъ начали, по всей вѣроятности, только съ конца прошлаго столѣтія.

Житія печерскихъ святыхъ находятся въ *Печерскомъ Патерикѣ*, книгѣ, составленной въ XIV вѣкѣ по древнимъ сказаніямъ. Въ Патерикѣ помѣщены свѣдѣнія преимущественно объ угодникахъ, почивающихъ въ *Ближнихъ* пещерахъ. О святыхъ, почивающихъ въ *Дальнихъ* пещерахъ, извѣстно только немногое изъ древнихъ сѵнодиковъ, а также изъ надписей надъ ихъ гробами, изъ южно-русскаго описанія ихъ XVII вѣка, а также изъ описанія ихъ, составленнаго Иннокентіемъ Гизелемъ, которое издано пасторомъ, саксонцемъ Гербиніемъ на латинскомъ языкѣ. Основу печерскаго Патерика составляютъ: посланіе бывшаго печерскаго инока, а потомъ суздальскаго епископа Сѵмона († 1226 г) къ его ученику и другу, кіево-печерскому монаху Поликарпу и посланіе послѣдняго къ кіево-печерскому архимандриту Акиндину о созданіи и украшеніи великой церкви печерскаго монастыря, о жизни и подвигахъ печерскихъ прежнихъ иноковъ. Въ послѣдствіи къ этимъ посланіямъ добавлены извлеченія изъ лѣтописи преподобнаго Нестора о началѣ печерскаго монастыря и

первыхъ его подвижниковъ и изъ житія преподобнаго Θеодосія, игумена печерскаго. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ этихъ статьяхъ составителями Патерика сдѣланы были нѣкоторыя измѣненія и сокращенія въ текстѣ и въ отдѣльныхъ выраженіяхъ, а сказаніе о созданіи великой печерской церкви, бывшее въ концѣ Симонова посланія, поставлено въ началѣ Патерика. Древнѣйшіе списки печерскаго Патерика: такъ называемый Арсеньевскій, 1406 года, и Кассіановскій 1462 года. Въ первый разъ печерскій Патерикъ напечатанъ въ 1661 году, въ кіево-печерской лаврѣ.

Пещерамъ Дальнимъ угрожала еще большая, чѣмъ Ближнимъ, опасность отъ обваловъ горы, въ которой онѣ ископаны; посему разновременно въ прошломъ и нынѣшнемъ столѣтіи были принимаемы мѣры къ укрѣпленію пещеръ. На этотъ предметъ отпущено было въ 1750 г., по повелѣнію императрицы Елисаветы Петровны, 5,000 рублей, а съ 1761 года для укрѣпленія пещерныхъ горъ учрежденъ былъ, по высочайшему повелѣнію, особый комитетъ, съ назначеніемъ въ его распоряженіе потребной суммы. По повелѣнію императора Павла 1-го въ 1797 г. на тотъ-же предметъ отпущено было по смѣтѣ 65,385 р. 24 коп. Послѣднее укрѣпленіе производилось въ 1810 г. по проэкту генерала Сухтелена и стоило болѣе 87,000 рублей; оно состояло въ устройствѣ двухъ каменныхъ трубъ со сводами для отвода ключей, вытекающихъ изъ горы, и кромѣ того по крутизнѣ горы сдѣланы земляные насыпные уступы, усаженные деревьями. Впрочемъ починка обваловъ горы производилась еще въ 1825, 1827 и 1829 годахъ.

По выходѣ изъ Дальнихъ пещеръ, богомольцы возвращаются къ церковной площадкѣ «ветхаго» монастыря тою-же крутою галлереею, которою спустились, имѣя съ лѣвой стороны прекрасный видъ на Днѣпръ, а съ другой монастырскій садъ.

Въ глубокомъ оврагѣ, отдѣляющемъ Дальнія пещеры отъ Ближнихъ, находятся *два колодца*, изъ коихъ одинъ приписывается преподобному Антонію, а другой преподобному Θеодосію;

къ нимъ спускаются по крутымъ ступенямъ отъ Зачатьевской церкви и съ холма Ближнихъ пещеръ.

Возвратившись вновь на площадку «ветхаго» монастыря, богомольцы обыкновенно направляются отсюда къ лаврской гостинницѣ, по дорогѣ, пролегающей по верху между-пещернаго оврага, между монастырскими садами, оставляя вправо не такъ легкій путь по галлереямъ и дворъ Ближнихъ пещеръ. Въ концѣ этой дороги, тамъ, гдѣ начинается лаврская гостинница, въ древности существовала устроенная преподобнымъ Ѳеодосіемъ страннопріимница для нищихъ и увѣчныхъ, съ церковью во имя первомученика Стефана. На содержаніе этой страннопріимницы шла тогда десятая часть монастырскихъ доходовъ. *Таково бо бяше милосердіе отца нашего Ѳеодосія*, говорится въ его житіи, *аще бо видяше нища или убога, въ скорби суща и въ одеждѣ худѣ, жаляшеси его ради и вельми тужаше о семъ и съ плачемъ того миноваше.*

Лаврская гостинница состоитъ изъ 3-хъ двухъ-этажныхъ и одного 4-хъ этажнаго корпусовъ, съ навѣсами для простыхъ богомольцевъ и сараями для разныхъ службъ. Корпусъ вправо отъ въѣзжихъ воротъ гостинницы занятъ лѣчебницей для заболѣвающихъ богомольцевъ. Лѣчебница состоитъ изъ 2-хъ отдѣленій, въ которыхъ помѣщается до 40 кроватей: для мужчинъ и до 40 для женщинъ. Въ нижнемъ этажѣ отдѣленіе для больныхъ легкими болѣзнями. Въ 1863—1866 года зданіе лѣчебницы перестроено для большаго удобства и вмѣстѣ съ тѣмъ въ немъ устроена церковь *во имя Божіей Матери всѣхъ скорбящихъ радости*. Въ прочихъ 3-хъ корпусахъ квартиры для пріѣзжихъ и приходящихъ богомольцевъ, которые могутъ пользоваться ими безмездно до 2-хъ недѣль.

При гостинницѣ съ 1839 года заведена *безплатная трапезная для бѣдныхъ странниковъ*. Основаніе сему учрежденію положено, по благословенію и по мысли кіевскаго митрополита Филарета, *графиней Анной Алексѣевной Орловой-Чесменской* и усилено пожертвованіями вдовы тайнаго совѣтника Маріи И. Флоровой, Варвары А. Турчаниновой и жены полковаго эсаула

Екатерины М. Дементьевой. Были и другіе жертвователи на это богоугодное дѣло, не пожелавшіе однако открыть свои имена для свѣта.

Съ юго-восточной стороны къ двору гостинницы примыкаетъ двухъ-этажное зданіе, въ которомъ помѣщается *лаврскій свѣчной заводъ*, на которомъ выдѣлывается до 2,000 пудовъ церковныхъ свѣчей изъ чистаго пчелинаго воска, для потребностей лавры.

При выѣздѣ изъ двора лаврской гостинницы, противъ Воскресенской приходской церкви, за лаврской оградой, на площадкѣ двухъ-этажный домъ для склада книгъ, бумаги и другихъ матеріаловъ лаврской типографіи. На этой площадкѣ въ прошломъ столѣтіи былъ домъ кіевскаго намѣстничества и его канцеляріи.

Богослуженіе кіево-печерской лавры отличается своимъ древнимъ, величественнымъ и вмѣстѣ умилительнымъ напѣвомъ, трогающимъ до глубины души. Служба совершаетзя точно по уставу, неспѣшно и съ особеннымъ благоговѣніемъ. Пѣніе стихиръ всегда предваряетея возгласами *канонарха*. Эбычай этотъ упоминается въ житіи Саввы Освященнаго († 532 г.), а по свидѣтельству Василія великаго существовалъ и раньше его времени и былъ въ употребленіи у подвпжниковъ, Послѣднія стихиры поются по срединѣ церкви соединенными клиросами [1]). Звону къ службамъ предшествуетъ удареніе въ било по пустынному обычаю. Звонъ къ службамъ производится въ издревле опредѣленныя времена. Къ заутрени въ лѣтнее время звонъ бываетъ въ 12 часовъ ночи, въ зимнее время въ 2 часа по полуночи. Особенною продолжительностію и вмѣстѣ торжественностію отличаются службы въ дни памяти: преподобнаго *Ѳеодосія* (3 мая), преподобнаго *Антонія* печерскаго (10 іюля), св. равноапостольнаго князя Владиміра (15 іюля), перенесенія мощей преподобнаго *Ѳеодосія* печерскаго (14 августа), *собора преподобныхъ, почивающихъ въ Дальнихъ пещерахъ* (28 августа), *собора пре-*

[1]) Въ 1816 году императоръ Александръ I, отслушавъ въ большой лаврской церкви литургію, совершаемую лаврскимъ напѣвомъ, Высочайше повелѣлъ, чтобы этотъ напѣвъ сохранялся неизмѣнно.

подобныхъ, почивающихъ въ Ближнихъ пещерахъ (въ субботу по отданіи праздника Воздвиженія), *въ день памяти св. Михаила*, 1-го митрополита кіевскаго (30 сентября) и памяти *всего собора печерскихъ святыхъ* (во 2-ю недѣлю великаго поста). Но торжественнѣе и вмѣстѣ продолжительнѣе прочихъ бываетъ служба въ день Успенія Божіей Матери (15 августа): во время всенощной этого праздника, совершаемой священно-архимандритомъ лавры—митрополитомъ, поются погребальныя статьи изъ 17-й каѳизмы съ стихами въ честь Божіей Матери; при началѣ каждой статьи бываетъ кажденіе по всей церкви, а по окончаніи малая ектенія, какъ бываетъ въ великую субботу надъ плащаницей. По 6-й пѣсни канона предъ иконой Успенія Божіей Матери, спускаемой внизъ, при растворенныхъ царскихъ вратахъ совершается чтеніе акаѳиста Успенію Божіей Матери. Всенощная эта, начинающаяся наканунѣ праздника въ 6 часовъ вечера, оканчивается въ часъ ночи. Въ самый праздникъ предъ поздней литургіей, послѣ водоосвященія, совершается крестный ходъ вокругъ лавры, который выступаетъ изъ лавры сѣверными или экономскими воротами, и обходя ограду лаврскую мимо св. воротъ и лаврской гостинницы, возвращается въ лавру нижними пещерными воротами; при чемъ предъ каждыми воротами останавливаются для совершенія литіи и окропленія св. водою стѣнъ лавры и народа. По окончаніи крестнаго хода начинается въ великой лаврской церкви литургія, совершаемая въ этотъ день большимъ соборомъ священно-служащихъ, при участіи 2-хъ или 3-хъ архіереевъ. Послѣ обѣдни преосвященный митрополитъ кіевскій, по званію настоятеля лавры, благословляетъ трапезу, устраиваемую на лаврскомъ дворѣ для приходящаго къ празднику народа. Подобныя трапезы устраиваются также 3 мая въ день преп. Ѳеодосія и 10 іюля въ день преп. Антонія. На одной изъ такихъ трапезъ въ 1837 году присутствовалъ императоръ Николай Павловичъ; отвѣдавъ самъ приготовленную пищу и похваливъ этотъ древній обычай, онъ выразилъ желаніе, чтобы святые обычаи предковъ соблюдались нерушимо и впредь.

Во все продолженіе четыредесятницы, начиная отъ первой среды

до среды страстной недѣли, ежедневно, кромѣ субботы и воскресенія, отправляется въ лаврѣ преждеосвященная литургія [1]). Въ теченіи свѣтлой седмицы, на большомъ выходѣ во время херувимской пѣсни, въ слѣдъ за св. Дарами сослужащіе священники несутъ изъ придѣла жертвенника въ алтарь сквозь царскія врата плащаницу; но на престолѣ плащаница не полагается.

Въ великой лаврской церкви въ извѣстные дни употребляются при богослуженіи облаченія только одного извѣстнаго цвѣта; такъ въ Господскіе праздники употребляются облаченія парчевыя съ золотыми разводами по алому полю, въ Богородичные и въ дни Ангеловъ парчевыя съ золотыми разводами по бѣлому полю, или совершенно бѣлыя, въ дни Апостоловъ—желтаго цвѣта, въ святительскіе—голубаго, въ мученическіе—краснаго, въ дни преподобныхъ—зеленаго цвѣта.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) По студійскому уставу, Агнецъ въ великій постъ заготовляется на 5 дней: слѣдовательно преждеосвященная литургія въ студійскомъ монастырѣ совершалась также ежедневно, кромѣ субботы и воскреснаго дня.

ОЧЕРКЪ ЛИТЕРАТУРНОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ А. Я. СТОРОЖЕНКА.

(продолженіе) [1]).

II.

Обладая не дурнымъ поэтическимъ талантомъ, Андрей Яковлевичъ Стороженко предавался иногда въ часы досуга литературнымъ занятіямъ,—писалъ стихи, басни, статьи критическія.

Въ ряду поэтическихъ и критическихъ работъ Андрея Яковлевича прежде другихъ останавливаютъ на себѣ вниманіе тѣ, которыя имѣютъ ближайшее отношеніе къ его научнымъ занятіямъ и являются плодомъ любви его къ родинѣ: это малоруская оперетка въ двухъ-дѣйствіяхъ, подъ заглавіемъ: «Запорозська Сичъ», и критическій разборъ первой части «Повѣстей пасичника Рудого Панька», подъ заглавіемъ: «Мысли малороссіянина, по прочтеніи повѣстей пасичника Рудого Панька, изданныхъ имъ въ книжкѣ подъ заглавіемъ: Вечера на хуторѣ близъ Диканьки, и рецензій на оныя».

«Запорозська Сичь» сохранилась въ рукописи. Она не была дописана, вполнѣ окончено только первое дѣйствіе, для второго же набросанъ лишь планъ. По своему характеру это произведеніе принадлежитъ къ разряду тѣхъ, которыя были созданы подъ вліяніемъ сентиментализма, перенесеннаго съ запада въ русскую литературу, а затѣмъ и въ украинскую въ лицѣ И. П. Котляревскаго и главнымъ образомъ Г. Ѳ. Квитки-Основьяненка [2]). Сюжетъ этой пье-

---

[1]) См. „Кіевская Старина“, майск. кн. 1886 г., стр. 1—25.

[2]) Н. И. Петровъ, Очеркъ исторіи украинской литературы XIX ст., Кіевъ, 1884 г., стр. 86.

ски заимствованъ изъ быта украинскихъ козаковъ-хуторянъ и запорожцевъ второй половины XVIII вѣка.

Молодой запорожецъ, Безридный, любитъ дочь козака Андрія Шолома, Галю; но безпокойный образъ жизни сѣчевиковъ заставляетъ молодого козака часто отлучаться отъ своей милой, такъ что Галѣ приходится тужить по немъ. Между тѣмъ родители Гали засватываютъ ее за дьяка, Прихидька, не смотря на ея нежеланіе; тогда Галя, чтобы избѣгнуть брака съ человѣкомъ ей немилымъ, рѣшается нарядиться въ костюмъ запорожца и вмѣстѣ съ Безриднымъ и его товарищемъ, Сагайдачнымъ, отправиться въ Сѣчь. Сказано—сдѣлано, хотя и подъ страхомъ смертной казни Безриднаго въ томъ случаѣ, если запорожцы узнаютъ, что онъ привелъ съ собою въ Сѣчь женщину.

На этомъ кончается первое дѣйствіе; второе, судя по отрывочнымъ замѣткамъ, набросаннымъ рукою Андрея Яковлевича, должно было состоять въ слѣдующемъ:

Первое время все шло хорошо. Храбрость Гали во время походовъ доставила ей пріязнь товарищей и расположеніе старшинъ, которые и не подозрѣвали въ ней женщины; но вдругъ родители Гали, послѣ долгихъ поисковъ, напали на ея слѣдъ и явились въ Сѣчь съ требованіемъ выдать имъ дочь. Сѣчевики были поражены этимъ и не знали, какъ отнестись къ поступку Безриднаго—казнить ли его, или помиловать. Случись что либо подобное въ XVII вѣкѣ, или въ первой половинѣ XVIII вѣка, въ эпоху, когда законы, выработанные бездомнымъ, холостымъ товариствомъ, сохраняли всю свою силу, не было бы и минуты колебанія; но авторъ оперетки отнесъ ея дѣйствіе къ послѣднимъ годамъ существованія Сѣчи, когда она не была похожа на старую Сѣчь, что хорошо извѣстно было автору, потому-то онъ и разрѣшаетъ проведенную интригу благопріятнымъ для главныхъ дѣйствующихъ лицъ исходомъ: когда Галя бросилась къ ногамъ старшинъ съ просьбой о помилованіи, то они, вспомнивши о показанныхъ ею подвигахъ, прощаютъ Безридного и онъ ѣдетъ вмѣстѣ съ Галей на хуторъ къ ея родителямъ, которые, сильно соскучившись по дочери, охотно даютъ свое благословеніе на бракъ ея съ Безриднымъ.

Какъ видимъ, основныя положенія оперетки общи и другимъ произведеніямъ украинской литературы того времени, въ частности

«Наталкѣ Полтавкѣ» И. П. Котляревскаго и «Сватанню на Гончаривци» Основьяненка: горячая любовь козака и дивчины, препятствія къ браку, не зависящія отъ влюбленныхъ,—несогласіе родителей и желаніе ихъ выдать дочь замужъ за другого, по ихъ понятію, болѣе выгоднаго жениха, и наконецъ бракъ влюбленныхъ. Хотя годъ, когда была написана оперетка, не можетъ быть установленъ съ полной точностью, но во всякомъ случаѣ это было въ періодъ времени отъ 1839 г. до 1846 г., такъ что это произведеніе является несомнѣннымъ подражаніемъ названнымъ сочиненіямъ Котляревскаго и Квитки: сватъ напр. Ярема въ опереткѣ Стороженка—копія со свата Ѳимоша у Квитки. Но это сходство не уменьшаетъ достоинствъ произведенія Андрея Яковлевича: интрига въ немъ проведена довольно искусно, въ уста дѣйствующихъ лицъ вложены прекрасныя народныя пѣсни, да и сочиненныя авторомъ, въ подражаніе народнымъ, близко подходятъ къ нимъ, дѣйствующія же лица выведены живо, естественно, хотя Галя впадаетъ иногда въ тонъ чувствительной барышни, а женихъ и сваты нѣсколько пародированы въ своей простотѣ, какъ и у Котляревскаго. Языкъ оперетки мѣстами не чуждъ неправильностей и искуственности. Впрочемъ читатели могутъ оцѣнить сами это произведеніе, помѣщаемое здѣсь въ приложеніи подъ № 4.

Критическій этюдъ Андрея Яковлевича: «Мысли малороссіянина» былъ изданъ въ свое время Н. И. Гречемъ [1]). Имя автора скрыто здѣсь подъ псевдонимомъ Андрія Царынного. Какъ видно изъ вышеприведеннаго подробнаго заглавія этюда, это есть попытка дать критическую оцѣнку «Вечерамъ на хуторѣ близъ Диканьки».

Свой разборъ повѣстей Гоголя Стороженко начинаетъ съ отзыва о сочувственныхъ рецензіяхъ на эти повѣсти, появившихся въ Сѣверной Пчелѣ и въ литературномъ прибавленіи къ Русскому Инвалиду; онъ находитъ, что отзывы эти составлены поверхностно, состоятъ изъ общихъ фразъ, безъ подробнаго разбора отдѣльныхъ мѣстъ, и обличаетъ рецензентовъ въ недостаточномъ знакомствѣ съ «Повѣстями», въ незнаніи языка, быта и характера малорусскаго

---

[1]) Первоначально онъ печатался въ „Сынѣ Отечества“ за 1832 г., т. CXLVII, стр. 41—49, 101—115, 145—164, 223—242, 288—312, а затѣмъ въ томъ же году вышелъ отдѣльной книжкой въ 8 д., въ числѣ 71 стр.

народа. Досталось въ особенности рецензенту литературнаго прибавленія къ Русскому Инвалиду (1831 года, № 79) за производство отъ слова *Панька* (въ родительномъ падежѣ) слова *Панёкъ* (въ падежѣ именительномъ). «Знавалъ и я, пишетъ Андрей Яковлевичъ, почтенныхъ пасичниковъ, веселыхъ, словоохотныхъ стариковъ, и Стецька, и Грицька, и Панька: но Панёкъ не нашъ! ей-ей не нашъ! и изъ трехъ вышепоименованныхъ каждый, при всемъ миролюбіи своемъ, на кличку: Стецёкъ-бы-то, Грицёкъ, или Панёкъ, конечно, отвѣчалъ бы, хотя и подъ сѣдые усы себѣ: самъ ты пенёкъ! не разсуждая, что такъ назвалъ его москаль, никогда не живавшій въ Малороссіи, слѣдовательно не имѣвшій случая слышать именъ крещеныхъ, присвоенныхъ у насъ простолюдинами. О! никакой у насъ Панько, не прогнѣвайтесь, не смолчитъ, если бы назвали его Панёкъ. У насъ панъ-отецъ, какъ мы величаемъ священника, нарекая мальчика Григоріемъ, или Пантелеемъ (Пантелеймономъ), обыкновенно привѣтствуетъ родителей, въ угожденіе имъ, съ новорожденнымъ Грицькомъ или Панькомъ, что повторяетъ и баба, принявшая младенца отъ купели, и такимъ образомъ отъ колыбели до могилы окрещенные въ сихъ, по обычаю, уменьшенныхъ именахъ, носятъ оныя съ тяжелымъ крестомъ житейскимъ».

Продолжая обличать неумѣлыхъ рецензентовъ, Стороженко замѣчаетъ, что ихъ похвалы основаны, вѣроятно, исключительно на «письмѣ славнаго поэта Пушкина, напечатанномъ въ рецензіи Русскаго Инвалида, которое убѣждало внимать похваламъ и не прочитавши «Повѣстей», и что это могло случиться на грѣхъ и съ рецензентомъ [1]). Въ заключеніе своего отзыва о названныхъ рецензіяхъ Андрей Яковлевичъ говоритъ, что по нимъ нельзя составить себѣ яснаго представленія о достоинствахъ «Повѣстей» Гоголя и что авторъ этихъ послѣднихъ не долженъ придавать много значенія такимъ пустымъ похваламъ.

Приступая затѣмъ къ разбору «Вечеровъ на хуторѣ близъ Диканьки», Андрей Яковлевичъ характеризуетъ въ краткихъ словахъ тогдашнее положеніе русской беллетристики и даетъ о ней не лес-

---

[1]) „Мысли малороссіянина“, стр. 3 и 4

тный отзывъ. «Литература, говоритъ онъ, ограничивается весьма невеликимъ числомъ романовъ. Досужіе писатели наши подтчуютъ насъ стишками, легкими коротенькими повѣстями, а если кто-нибудь не полѣнится наполнить такими сочиненіями книжки двѣ, то сія, легко прославляющая на пустынномъ Парнасѣ нашемъ, братія равняетъ его съ самыми знаменитыми современными писателями просвѣщенной Европы». По словамъ критика, въ то время особенно привлекала вниманіе писателей Украйна, поэтическая по своей природѣ и по своему прошлому; но и тутъ, какъ онъ говоритъ, выходило «по пословицѣ: поймать не поймать, а погнаться можно» и хотя Украйна «приманивала въ архивъ преданій своихъ и въ юдоль настоящаго житья-бытья многихъ современныхъ поэтовъ и прозаиковъ, но попытки ихъ въ описательной поэзіи и въ изображеніи народности не совсѣмъ удавались» [1]). Въ то время были въ ходу три беллетристическія произведенія, сюжеты которыхъ взяты изъ украинской жизни, это: «Малороссійская деревня», И. Г. Кулжинскаго [2]), «Бурсакъ», В. Т. Нарѣжнаго [3]), и «Монастырка» А. Погорѣльскаго [4]).

---

[1]) Тамъ же, стр. 9.

[2]) Въ „Мысляхъ малороссіянина" по ошибкѣ наборщика напечатано *Калужинскаго.* Иванъ Григорьевичъ Кулжинскій, сынъ діакона, род. въ 1803 г. въ г. Глуховѣ; образованіе получилъ въ черниговской семинаріи; былъ учителемъ катихизиса, греческаго языка, русской и славянской грамматики въ черниговскомъ духовномъ уѣздномъ училищѣ и затѣмъ учителемъ латинскаго языка въ гимназіи высшихъ наукъ кн. Безбородко въ Нѣжинѣ; впослѣдствіи онъ былъ учителемъ гимназіи въ Харьковѣ, директоромъ въ Луцкѣ и Немировѣ, инспекторомъ въ лицеѣ кн. Безбородко и наконецъ директоромъ закавказскихъ училищъ. „Малороссійская деревня" его первое прозаическое произведеніе (Москва, 1827 г.), затѣмъ его сочиненія появлялись въ разныхъ журналахъ и въ отдѣльныхъ изданіяхъ. Помимо беллетристическихъ трудовъ, онъ подвизался и въ области исторіи и исторіи литературы.

[3]) Василій Трофимовичъ Нарѣжный, род. въ 1780 г. въ д. Степановкѣ миргородскаго уѣзда, полтавской губерніи, извѣстный романистъ, умеръ въ іюлѣ 1825 г.

[4]) Погорѣльскій—псевдонимъ Алексѣя Алексѣевича Перовскаго. Перовскій род. въ 1787 г., воспитывался въ московскомъ университетѣ, откуда вышелъ въ 1807 г. докторомъ философіи и словесныхъ наукъ. Въ качествѣ партизана онъ участвовалъ въ отечественной войнѣ и былъ адъютантомъ князя Репнина въ Саксоніи. Въ 1825 г. былъ назначенъ попечителемъ харьковскаго университета. Въ 1830 г. вышелъ въ отставку и скончался въ 1836 г. Романъ его „Монастырка" въ свое время имѣлъ громадный успѣхъ.—А. А. Васильчиковъ. Семейство Разумовскихъ. Т. II, С.П.Б., 1880 г., стр. 112.

Андрей Яковлевичъ даетъ свой отзывъ о каждомъ изъ нихъ прежде, чѣмъ перейти къ разбору повѣстей Гоголя. Его замѣчанія объ нихъ, не смотря на то, что представляютъ собою мнѣніе современника и притомъ не записнаго критика, сохраняютъ за собою вѣрность и мѣткость и въ настоящее время. Въ «Малороссійской деревнѣ» Кулжинскаго онъ указываетъ неточное знаніе быта народа или его языка, какъ напримѣръ въ разсказѣ автора о томъ, будто бы «беззаботный малороссійскій крестьянинъ, не взирая на морозъ и вьюгу, охотно прохаживается въ ближайшую винокурню, дабы тамъ побесѣдовать», гдѣ авторъ, повидимому, принялъ шинокъ за винокурню. Къ «Бурсаку» Нарѣжнаго Андрей Яковлевичъ относится съ видимымъ сочувствіемъ, замѣчаетъ даже, что онъ «списанъ съ натуры», а о его романахъ вообще дѣлаетъ весьма похвальный отзывъ, хотя и коритъ его подъ часъ за невзыскательный выборъ предметовъ и недостаточно чистый слогъ. «Г. Нарѣжный, говоритъ онъ далѣе, сочиненіями своими, а особенно «Бурсакомъ», умѣлъ смѣшить и самыхъ унылыхъ земляковъ моихъ. Я видѣлъ одного умнаго, почтеннаго старика-протопопа, который, читая «Бурсака», то смѣялся, то плакалъ отъ избытка чувствъ и душевнаго умиленія. Старикъ сознавался, что въ «Бурсакѣ» онъ видитъ почти самого себя и что, вспоминая ученіе свое въ переяславской бурсѣ, казалось, дѣлался моложе годами 60-ю». О талантѣ Погорѣльскаго, Стороженко былъ, по видимому, еще болѣе высокаго мнѣнія и о его «Монастыркѣ» замѣчаетъ, что она «подавала надежды несравненно утѣшительнѣйшія тѣхъ, кои могли представляться по прочтеніи романовъ Нарѣжнаго; но ожидаемаго продолженія оной понынѣ не явилось на свѣтъ бѣлый, прочитавши же первую только часть, нельзя судить о цѣломъ сочиненіи» [1]).

Подойдя такимъ образомъ къ повѣстямъ Гоголя, Стороженко даетъ болѣе или менѣе обстоятельный разборъ: «Сорочинской ярмарки», «Вечера накануне Ивана Купала», «Майской ночи или Утопленницы» и «Пропавшей грамоты». Въ общемъ его замѣчанія на эти четыре произведенія Гоголя сводятся къ тому, что, хотя въ нихъ много мѣстъ исполненныхъ прелести во всѣхъ отношеніяхъ, многія народныя преданія и повѣрья разсказаны живо, вѣрно и

---

[1]) „Мысли малороссіянина“, стр. 9—12.

во всей ихъ полнотѣ, все-же повѣсти имѣютъ и недостатки: онѣ написаны вычурнымъ слогомъ (звонкій *громъ* перепела; засверкали огненныя, *одѣтыя холодомъ искры*; обдавая *шумомъ* окрестность; *сладострастный куполъ* и т. д.) и обнаруживается незнакомство автора ихъ съ бытомъ и характеромъ украинскаго народа. Относительно «Пропавшей грамоты» Стороженко говоритъ, что по характеру этого разсказа не слѣдовало бы называть его былью, а просто сказкою.

«Мысли малороссіянина» заканчиваются совѣтомъ автору «Повѣстей» не слушать «похвалъ журнальныхъ», писать и, написавши что-нибудь изъ народнаго быта, пересмотрѣть внимательно, свѣриться съ нравами и обычаями той страны, о которой идетъ рѣчь, поправить противорѣчащее и потомъ уже отдавать печатать [1]). По словамъ критика, хорошая вещь всегда найдетъ читателей и доставитъ имъ удовольствіе, «не удачная же попытка прозою или стихами изобразить нѣчто народное» вызоветъ сѣтованія образованныхъ людей той народности, изъ жизни которой написано произведеніе», въ подтвержденіе чего Андрей Яковлевичъ указываетъ на малорусскій переводъ «Полтавы» [2]), сдѣланный Е. П. Гребенкою, говоря, что малорусскій языкъ этого перевода вызываетъ только порицаніе.

Ознакомившись ближе съ «Мыслями малороссіянина», можно сказать, что въ нихъ обнаруживается большая начитанность ихъ автора въ современной ему литературѣ, здравыя сужденія о требованіяхъ литературной критики, художественный вкусъ и значительный запасъ свѣдѣній по украинской этнографіи. Эти черты критика получатъ тѣмъ большую цѣну въ нашихъ глазахъ, если мы пріймемъ во вниманіе господствовавшіе предъ тѣмъ взгляды на литературную критику, въ которой видѣли пустое пересмѣиваніе и зубоскальство, обвиняя рецензентовъ въ томъ, что они «за подарки истощеваютъ хвалы», и къ которой относились съ такимъ пренебре-

---

[1]) Тамъ же, стр. 66.

[2]) Малорусскій переводъ „Полтавы“ Пушкина относится ко времени студенчества Гребенки: одинъ отрывокъ его былъ напечатанъ въ „Московскомъ Телеграфѣ“ въ годъ выхода Е. П. изъ лицея, именно въ 1831 г.; въ 1833 г. былъ напечатанъ второй отрывокъ въ „Утренней Звѣздѣ“. Въ 1836 г. Гребенка издалъ свой переводъ съ посвященіемъ Пушкину, что и послужило поводомъ къ ихъ знакомству.

женіемъ, что напримѣръ Карамзинъ вовсе исключалъ рецензіи изъ своихъ изданій, имѣя въ виду, что отсутствіе подобныхъ статей не будетъ потерей для большинства читателей. Но, на ряду съ указанными достоинствами «Мыслей малороссіянина», въ ихъ авторѣ усматривается отсутствіе проницательности истиннаго критика (вспомнимъ сужденія Бѣлинскаго о Гоголѣ), склонность часто отклоняться отъ развитія разъ поставленной темы и недостаточная выработанность слога.

Кромѣ двухъ названныхъ произведеній Андрея Яковлевича, сохранилось множество его стихотвореній и басень. Андрей Яковлевичъ охотно писалъ, но не любилъ печатать свои поэтическія произведенія. Причиной послѣдняго былъ, по его словамъ, слѣдующій эпизодъ, описанный имъ въ своихъ запискахъ:

«Торжествовали взятіе Варшавы (графомъ Паскевичемъ-Эриванскимъ); реляція объ этомъ переходила изъ рукъ въ руки, и я, восторженный побѣдой и прекращеніемъ кровопролитія въ междуусобіи, написалъ стихи къ вождю, взявшему штурмомъ гнѣздо мятежа, кои напечатаны въ «Русскомъ Инвалидѣ» 1831 года. И тогда уже давно я не писалъ стиховъ; эти излились у меня отъ избытка чувствъ, среди многочисленнаго общества; но редакція такъ ихъ измѣнила, что мы почти не узнали въ печати стиховъ моихъ, хотя подъ ними стояла моя подпись. Съ тѣхъ поръ я зарекся печатать не только поэтическія выходки, но и всякія мои мысли, оставляя въ спискахъ многое, что, можетъ быть, будетъ нѣкогда весьма любопытнымъ» [1]).

---

[1]) Изъ записокъ А. Я. Стороженка. Рус. Архивъ, 1873 г., т. II, стр. 1739 Стихотвореніе, о которомъ идетъ рѣчь въ приведенной выдержкѣ изъ записокъ Андрея Яковлевича, было помѣщено первоначально въ № 213 Русскаго Инвалида за 1831 г., а затѣмъ было напечатано вновь въ нѣсколько исправленномъ видѣ въ „Литерат. прибавл. къ Русскому Инвалиду“ за 1831 г., стр. 614; въ этомъ видѣ я и помѣщаю его здѣсь:

Графу Паскевичу Эраванскому на взятіе Варшавы.

Какъ сердце русское забилось,
Почуя грозной битвы кликъ!
Блеснулъ, какъ молнія, нашъ штыкъ
И туча брани разразилась.
Къ стопамъ царя Варшава пала,
Вертепъ крамолы сокрушенъ;

Но это было въ 1831 г., а до того времени Андрей Яковлевичъ написалъ много и едва ли не всѣ свои стихотворенія; была слѣдовательно другая причина, почему они оставались и остались навсегда въ рукописи. Причина эта, кажется, ясна: Андрей Яковлевичъ не былъ записнымъ поэтомъ, выдающимся талантомъ, писалъ частію въ удовлетвореніе своей внутренней потребности, а больше, можетъ быть, въ силу общей тогда привычки къ такимъ упражненіямъ. Какъ бы ни было, однако, Андрей Яковлевичъ оставилъ по себѣ такъ много стихотворныхъ произведеній, что обойти ихъ безъ вниманія нельзя и чтобы прослѣдить за постепеннымъ развитіемъ его поэтическаго таланта и выяснить этотъ родъ литературной его дѣятельности, равно опредѣлить его положеніе въ исторіи русской литературы, необходимо привести хотя нѣкоторыя изъ нихъ, указавъ и тѣ условія, при которыхъ развивался его талантъ.

Время, въ которое А. Я. Стороженко трудился на полѣ отечественной музы (1810 — 1830 г.), было временемъ пробужденія въ нашемъ образованномъ обществѣ любви ко всему родному, въ особенности къ своему языку и литературѣ, и, по выраженію Бѣлинскаго, «ознаменовано движеніемъ жизни въ высочайшей степени».

Такъ палъ мятежный Кароагенъ
И злоба мощну длань познала.
Герой! услышь ты нашъ восторгъ
И наши о тебѣ моленья,
Сердечныя воскликновенья:
Великъ и дивенъ Русскій Богъ!
Монархъ воззвалъ тебя для славы:
Ты зрѣлъ Кавказъ и Араратъ!
Поникъ днесь новый супостатъ,
Испивши ядъ своей отравы.
Читая битвъ твоихъ журналъ,
Всякъ восхищенной душею
Летитъ въ пылъ сѣчи за тобою,
Туда, гдѣ мечъ твой заблисталъ!
Какъ храбро, стройными рядами
Герои двинулись къ стѣнамъ;
Родныя пѣсни слышны намъ.
Ура! побѣда надъ врагами.

[1]) Сочиненія Бѣлинскаго, т. VIII, стр. 307.

Тогда существовали и дѣйствовали у насъ «Общество любителей россійской словесности при московскомъ университетѣ» (въ 1810 г.), «Общество соревнователей просвѣщенія и благотворенія» (съ 1816 г.), переименованное съ 1820 г. въ «Вольное общество любителей россійской словесности» и «Бесѣда любителей русскаго слова», каждое съ своимъ особымъ литературнымъ органомъ, помимо значительнаго количества другихъ журналовъ и газетъ. Писатели уже извѣстные и только что выступавшіе на литературное поприще своими трудами въ изданіяхъ названныхъ обществъ и многихъ другихъ оказывали сильное воздѣйствіе на умственное развитіе и настроеніе молодыхъ людей и пробуждали въ нихъ наклонность къ литературнымъ занятіямъ. Въ частности унаслѣдованная отъ предъидущаго столѣтія страсть къ стихотворной формѣ сохраняла еще всю свою силу, а въ добавокъ къ тому въ это именно время развилась мода на альбомы, на страницы которыхъ каждый какъ бы обязанъ былъ занести или собственную свою поэтическую попытку, или наизустъ заученное стихотвореніе какого-либо писателя. Но, кромѣ движенія національно-литературнаго, у насъ зародилось тогда, точнѣе съ запада къ намъ перешло особое религіозно-нравственное настроеніе мистическаго характера и до 1824 г. свободно распространялось во всемъ образованномъ обществѣ, проникало въ преподаваніе съ университетскихъ каѳедръ, въ воспитательную практику разныхъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній, въ свѣтскую и духовную литературу и искусство[1]), а въ періодъ времени 1812—1815 гг. началось броженіе общественно-филантропическихъ идей, выразившееся основаніемъ библейскаго общества, ланкастерскихъ школъ, литературно-филантропическихъ обществъ, заботами объ улучшеніи тюремъ и т. п.[2]).

Даровитый, поэтическій настроенный, Стороженко не могъ, конечно, остаться чуждымъ общественному движенію: сперва онъ внимательно вчитывался въ произведенія современныхъ ему писателей, а за тѣмъ и самъ сталъ пробовать свои силы въ стихотворствѣ; интересуясь религіознымъ движеніемъ, онъ вступилъ въ члены

---

[1]) П. Знаменскій. Чтенія изъ исторіи русской церкви за время царствованія императора Александра I. Казань, 1885 г., стр. 177.

[2]) А. Н. Пыпинъ, Общественное движеніе при Александрѣ I, стр. 313.

масонской ложи. Вліяніе тогдашней литературы на развитіе поэтическаго таланта Андрея Яковлевича обнаруживается между прочимъ въ томъ, что, при общей наклонности современныхъ ему писателей къ литературному энциклопедизму, онъ также сочинялъ лирическія стихотворенія, басни, стихотворныя посланія и т. п., вліяніе же военной среды того времени, въ которую онъ попалъ съ самыхъ юныхъ лѣтъ, отразилось на выборѣ сюжетовъ его первыхъ стихотвореній.

Первыя стихотворныя попытки Андрея Яковлевича относятся къ самому раннему возрасту его жизни. 18-го октября 1806 г. онъ окончилъ 2-й кадетскій корпусъ и былъ выпущенъ въ 11-ю артиллерійскую бригаду подпоручикомъ, шестнадцати лѣтъ отъ роду. Менѣе чѣмъ черезъ три мѣсяца по выходѣ изъ корпуса, юный офицеръ былъ уже на Дунаѣ въ дѣйствующей арміи, именно, съ 1-го января 1807 г. въ Молдавіи и Валахіи, а съ 3-го марта по 30-е августа въ отрядѣ войскъ, осаждавшемъ турецкую крѣпость Измаилъ. Январемъ 1807 г. помѣчено слѣдующее стихотвореніе:

1. Акростихъ.

Повѣрь, любезный другъ, я честью увѣряю,
Что мнѣ лишь дружества довольно твоего;
Любви еще страшусь, прелестныхъ избѣгаю
И дорогъ ты одинъ для сердца моего.
Коварство, лесть, обманъ—все чуждо межъ друзьями,
Одна невинная привязанность для нихъ—
Въ палаткѣ, въ хижинѣ съ открытыми сердцами
У нихъ часы летятъ на крыльяхъ роковыхъ [1]).

Въ лагерѣ подъ Измаиломъ Андрей Яковлевичъ сочинилъ нѣсколько стихотвореній:

2. Къ трубкѣ.

Трубка скуку разгоняетъ,
Она мысли въ насъ селитъ,

---

[1]) За время турецкой войны Андрей Яковлевичъ близко зошелся съ двумя молодыми артиллерійскими офицерами, К—мъ и Масальскимъ. Вѣроятно, въ „Акростихѣ“ онъ обращается къ которому-нибудь нибудь изъ нихъ.

Средь бездѣлья занимаетъ,
Въ горѣ, въ скукѣ веселитъ.
Ну, за трубки поскорѣй,
Всѣмъ намъ будетъ веселѣй!

Подъ Измаиломъ, 15 августа 1807 г.

3. Выскочка.

—Граната, лопнувши, вамъ шубу изорвала?
«О происшествіи я семъ рапортовалъ».
—Зачѣмъ? Вѣдь, шуба не пропала?
«Хочу, чтобъ государь о шубѣ моей зналъ,
Чтобъ всѣ въ Москвѣ о ней заговорили».
—А шубу-жъ починили?
«Я не велѣлъ, никакъ! Пусть вся Европа знаетъ,
Какъ турокъ мастерски стрѣляетъ;
А то всѣ думаютъ, что турки дураки.
Нѣтъ, это пустяки:
Съ ними не такъ-то ловко драться!»...
Признаться,
Окончилъ тутъ я разговоръ,
Подумавши при томъ, какой нелѣпый вздоръ
Гнѣздится въ головѣ у нашихъ командировъ;
Жаль, право, вышитыхъ мундировъ!

Подъ Измаиломъ, 20 марта 180 г.

4.

Мы живемъ весь вѣкъ въ трудахъ—
Безъ вина солдату горе:
Трезвымъ обладаетъ страхъ,
Пьянымъ по колѣна море.
Ну, давай еще вина!
Пейте, пейте все до дна!
Вино бодрость придаетъ,
Оно храбрость возжигаетъ,
Каждый смѣло въ бой идетъ
И препятствій не встрѣчаетъ.
Ну, давай еще вина!
Пейте, пейте все до дна!
Страшно-ль пьяному въ бою?!
Онъ опасности не знаетъ,

Какъ скала, стоитъ въ строю
И разить врага желаетъ!
Ну, давай еще вина!
Пейте, пейте, все до дна!

Подъ Измаиломъ, 4 апрѣля 1807 г.

5. На полученіе ордена св. Георгія А. Д. З.

Принесемъ мы поздравленье,
Выпьемъ дружества фіалъ!
Оживитъ воображенье
Полный кипрскаго бокалъ.

* *
*

Онъ сердца раскроетъ наши,
Разговоры оживитъ,
А вокругъ пуншевой чаши
Всякъ свое заговоритъ.

* *
*

Кто заслугой получаетъ,
Не пронырствомъ, ордена,
Тотъ и цѣну онымъ знаетъ—
Къ нимъ дорога есть одна:

* *
*

Быть въ сраженьяхъ хладнокровнымъ,
По дежурствамъ не шнырять,
Быть товарищемъ достойнымъ
И душею не вилять;

* *
*

Должность исполнять со рвеньемъ,
О заслугахъ не трубить,
Не блѣднѣть передъ сраженьемъ
И челомъ ядру не бить.

* *
*

Ты достоинъ награжденья—
Поздравляемъ мы тебя!
Но не терпишь раздѣленья—
Радъ-бы все взять для себя.

* *
*

Ты не трусъ, но есть подобны
Храбростью весьма тебѣ,
Лишь искать не столь способны,
Повинуются судьбѣ.

* *
*

Наливайте-ка стаканы!
Выпьемъ! Что тутъ толковать!..

Кажется, что всѣ ужъ пьяны;
Полно, не пора-ли спать?!

Къ послѣдующимъ годамъ относятся слѣдующія стихотворенія:

6. Къ А. Д.

Я томлюся въ ожиданьи
Лучшей участи себѣ,
Дни влачу въ тоскѣ, въ страданьи,
Повинуясь злой судьбѣ.
Внемли, милая Анюта,
Просьбѣ, дружескимъ словамъ:
Иль свиданія минута,
Иль увидимся, но... тамъ!
Тамъ, гдѣ вѣкъ не разлучимся,
Милый ангелъ, мы съ тобой,
Тамъ блаженствомъ насладимся,
Примирюсь и я съ судьбой!

Д. Татаръ-Баурчи, 14 марта 1808 г.

7. Посланіе къ Роксандрѣ.

Я признаюсь тебѣ, тебѣ, моей любезной,
Что удовольствій я, разсѣянья, ищу,
Не лью горючихъ слезъ въ разлукѣ безполезно,
Но часто по тебѣ тоскую и грущу.
Грущу и тяжкій вздохъ бываетъ облегченьемъ
Стѣсненныхъ чувствъ моихъ, наполненныхъ тобой,
Мечтаю о тебѣ съ сердечнымъ восхищеньемъ;
Слеза-жъ, по моему, есть знакъ уже дурной.
Душею слабые, ихъ часто льютъ напрасно,
Какъ будто-бы нельзя, не плакавши, любить—
Ты знаешь, какъ любилъ, теперь люблю какъ страстно,
Но слезы, знаешь тоже, неспособенъ лить.

С. Текучи въ Молдавіи, 1810 г.

8. Арія (изъ польской оперы).

Всякъ знакомымъ быть мнѣ хочетъ—
Я таланты, умъ имѣю;
Не всему природа можетъ
Научить, что я умѣю.
Люблю танцы и пирушки,
Карты, деньги, клубъ, театръ,

Вино, женщинъ, рюмки, кружки—
Кто такимъ вещамъ не радъ?!
Старикашки называютъ
Беззаботной головою;
Люди свѣтскіе считаютъ
Всѣхъ веселостей душею.

С. Жерди кам.-подольской губ., 4 сентября.

9. Размышленіе.

Рѣдкій здѣсь дѣлами славенъ,
Кто-жъ пролазитъ—награжденъ;
Слогъ реляцій чистъ и плавенъ,
Но ты въ нихъ не помѣщенъ.
Бѣдный долгъ свой исполняетъ,
Честенъ, храбръ, уменъ—пустякъ!
Крестъ богатый получаетъ,
Будь онъ трусъ или дуракъ.
Нѣтъ возможности добиться
Намъ заслугами наградъ,
Также трудно отличиться,
Какъ добраться въ Цареградъ.
Къ кому счастье все спиною,
Не ворочаясь, стоитъ,
Въ старости пойти съ сумою
Славный подвигъ предстоитъ.
Кого щедрая природа
Одарила простотой—
Все равно, теперь не мода,
Гонятъ съ этою чертой.
Счастье дуракамъ на свѣтѣ,
Нынѣ въ модѣ простота,
Возятъ дурака въ каретѣ,
Расфранченнаго шута.
Умниковъ нигдѣ не любятъ—
Зависть свой воздвигла тронъ,
Лишь о глупыхъ людяхъ трубятъ,
Того-жъ гонятъ, кто уменъ.
Разумъ вреднымъ почитаютъ—
Для чего-же онъ людямъ?

Если глупость уважаютъ,
Станемъ подражать глупцамъ!

1811 г.

1811 г. Андрей Яковлевичъ проводилъ на родинѣ; 11-я артиллерiйская бригада, въ которой онъ продолжалъ служить, переименованная во 2-ю, вернувшись съ театра военныхъ дѣйствiй, остановилась въ Каменцѣ-Подольскомъ, разселившись съ самомъ городѣ и ближайшихъ селахъ. Андрей Яковлевичъ попалъ въ мѣстное общество—всѣ искали его знакомства, наслышавшись про его веселый нравъ. Къ этому времени, очевидно, относится помѣщенное выше переложенiе арiи изъ польской оперы.

Бывая въ мѣстномъ польскомъ обществѣ, Андрей Яковлевичъ влюбился въ дочь одного помѣщика поляка и хотѣлъ на ней жениться, но отецъ его не согласился на это, что очень его огорчило и привело въ печальное расположенiе духа, а тутъ, какъ нарочно, случилась бѣда—онъ сильно простудился и провалялся долгое время въ постели; за время его болѣзни многiе его сослуживцы наполучали наградъ. Вѣроятно, во всѣхъ этихъ обстоятельствахъ и кроется причина того, несроднаго нашему поэту, разочарованiя, которое вылилось въ стихотворенiи «Размышленiе».

1812-й годъ сдѣлалъ перерывъ въ стихотворной дѣятельности Андрея Яковлевича.

Подступила эпоха великихъ событiй,—вездѣ ходили слухи о скоромъ нашествiи на Россiю французовъ. Военные были возбуждены и готовились къ новымъ подвигамъ. Андрею Яковлевичу пришлось принять самое дѣятельное участiе въ событiяхъ 1812 г. и послѣдующихъ годовъ въ званiи адъютанта начальника артиллерiи сначала 2-й западной армiи, потомъ 1-й армiи. Штабныя хлопоты и постоянныя передвиженiя не давали возможности предаться мирнымъ литературнымъ занятiямъ, а потому отъ этого времени осталось только одно произведенiе:

10. Мысль.

Какой-то умный человѣкъ
Сказалъ, что свѣтъ стоитъ обманомъ.
Онъ правъ во мнѣньи—въ этотъ вѣкъ
Всего быть лучше шарлатаномъ:

Обманывать, дурачить всѣхъ.
Иль прикрывать все простотою,
А въ лексиконѣ слово грѣхъ
Замазать черной полосою.

Ротшлосъ, 1813 г.

Только по взятіи Гамбурга, 5-го марта 1814 г., когда русскимъ войскамъ пришлось простоять въ этомъ городѣ слишкомъ десять мѣсяцевъ, Андрей Яковлевичъ сталъ вновь писать. Къ 1814 г. относится стихотворное посланіе его къ Ѳ. В. Булгарину, которое я приведу впослѣдствіи при характеристикѣ отношеній Андрея Яковлевича къ этому извѣстному литератору. Къ 1814 г. относится также слѣдующее стихотвореніе:

11. Пѣсня.

(На голосъ: О чемъ ты, Маша, плачешь?)

О чемъ я такъ тоскую,
По комъ я слезы лью?
Питая страсть святую,
Почто отъ всѣхъ таю?

* *
*

Тебѣ, о, сердце страстно,
Жестоку дань плачу
И въ горести ужасной
Постылу жизнь влачу.

* *
*

Все бренно, все ничтожно
Въ намѣреньяхъ моихъ;
Гдѣ-жъ счастіе возможно?
Во взорахъ лишь твоихъ.

Гамбургъ, 1814 г.

По возвращеніи изъ-за границы, армія, при которой находился Андрей Яковлевичъ, прошла въ г. Могилевъ на Днѣстрѣ. Онъ сдалъ всѣ денежные отчеты и письменныя дѣла по должности старшаго-адъютанта начальника артиллеріи и, желая отдохнуть послѣ всего перенесеннаго и оправиться отъ ранъ, подалъ прошеніе объ увольненіи въ запасъ и жилъ то въ Москвѣ, то въ Малороссіи—въ лохвицкомъ и золотоношскомъ уѣздахъ. Чрезъ нѣсколько ремени, поправивши здоровье, онъ вновь поступилъ на службу. Въ

свободный отъ службы промежутокъ времени онъ сталъ прилежнѣе писать; къ этому періоду относится цѣлый рядъ стихотвореній:

12. Въ альбомъ.

Не злато, пышность и сребро
Творятъ счастливыми на свѣтѣ;
Желать и дѣлать всѣмъ добро
У добрыхъ должно быть въ предметѣ.
Какъ счастливъ, кто умѣетъ жить
Для дружбы и любви сердечной,
Миръ духа, радость находить
Въ сей жизни бренной, скоротечной.

Могилевъ, 1815 г.

13. Эпиграмма на К...а.

Тебя природа одарила...
Весьма посредственнымъ умомъ;
Но лишь примолвить позабыла,
Чтобъ ты не мучилъ всѣхъ враньемъ.

Отъ 1816 г. осталось слѣдующее стихотвореніе:

14. Идиллія.

Я мчался въ думы погруженный,
По-за телѣжкой пыль столбомъ,
Вдали зрю крестъ я позлащенный
И дымъ изъ трубъ по-надъ селомъ.
Горяще солнце опиралось
На отдаленный горизонтъ
И къ захожденію склонялось.
Оратай, пылью покровенный,
Идетъ за плугомъ на покой;
Старикъ, лѣтами удрученный,
Сидитъ, подпершися клюкой,
Малютки вкругъ его играютъ;
Но лишь узрѣли у воротъ
Отца, вдругъ дѣда оставляютъ.
А первый, отирая потъ,
Привѣтствуетъ улыбкой скромной
Столь сердцу милую семью,
Передаетъ женѣ покорной

Онъ радость тихую свою.
Въ ожиданьи съ пастьбы стада,
Въ кружокъ тамъ дѣвы собрались,
Свободныхъ вечеровъ отрада,
Ихъ громки пѣсни раздались.
Услышавъ, юноши толпою
Спѣшатъ узрѣть своихъ красотъ,
Съ невинной сельской простотою
Въ забавахъ время тамъ идетъ.
Кого кто любитъ, не таится—
Зачѣмъ кому любовь скрывать?
Не знаютъ, какъ страдать, томиться,
Они не знаютъ обожать.
О, счастье милой простоты,
Какъ милы мнѣ твои картины!
Въ нихъ нѣтъ роскошной пестроты,
Однѣ лишь радости невинны,
Одно довольство и покой;
Ничто его не нарушаетъ
И земледѣлецъ суетой
Себя отнюдь не обольщаетъ.

С. Васютинцы [1]), 1816 г.

Начало 1817 г. Андрей Яковлевичъ проводилъ еще въ полтавской губерніи, гдѣ и женился на Аннѣ Михайловнѣ Дараганъ, въ концѣ онъ поѣхалъ въ Петербургъ и былъ назначенъ чиновникомъ особыхъ порученій при министерствѣ полиціи. Къ 1817 г. относится нѣсколько стихотвореній:

15. Къ Катеринѣ Михайловнѣ Дараганъ.

Семейство, тихій мирный кровъ,
Лужокъ цвѣтами испещренный—
Гдѣ пестры бабочки, рѣзвясь
По волѣ, тѣшатся весною;
Тамъ ручеекъ, притаясь,
Журчитъ, катится межъ травою,
Въ едва примѣтной высотѣ
Малютки жаворонки вьются,

---

[1]) Село Васютинцы золотоношскаго уѣзда; въ немъ стояла артиллерійская баттарея, съ офицерами которой былъ знакомъ Андрей Яковлевичъ.

Ихъ громки трели раздаются—
Все дышетъ жизнью въ простотѣ!

С. Брагинцы [1]), 1817 г.

16. Куплеты.

Ребятишки начинаютъ
Строить куры съ малыхъ лѣтъ,
Романсуютъ и вздыхаютъ,
А учиться... нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!

* *
*

Нравиться дѣвчонка знаетъ
Отъ тринадцати ужъ лѣтъ,
Съ радостью романъ читаетъ,
Книгъ полезныхъ... нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!

* *
*

Въ юномъ пылкомъ воображеньи
Милый чудится предметъ—
Отъ мужчины въ восхищеньи
Отъ мадамы... нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!

* *
*

Въ изступленье вальсъ приводитъ;
—«Ахъ, несносенъ менуэтъ!»
Глазками на всѣхъ поводитъ;
Гдѣ-же скромность?... нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!

* *
*

Старичекъ красотокъ любитъ,
Хоть дуренъ, и старъ, и сѣдъ;
Радъ дѣвчонку приголубить,
А старушку... нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!

* *
*

Еле двигаетъ ногами
Вялый, дряхлый, старый дѣдъ,
А не хочетъ быть съ рогами,
Хоть ихъ носитъ... нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!

* *
*

Стара бабушка брюзглива
Ту-же пѣсеньку поетъ;
Ну, не кстати прихотлива—
Не полюбятъ... нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!

* *
*

---

[1]) Село Брагинцы лохвицкаго уѣзда—имѣніе его отца.

Къ милой скучное посланье
Творитъ горестный поэтъ—
Одинъ смѣхъ его маранье,
А повѣритъ?... нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!

* * *

Деньги и любовь въ семъ мірѣ
Всѣхъ желаній есть предметъ—
Въ рясѣ, въ шлафрокѣ, въ порфирѣ,
Безъ страстей сихъ... нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!

С. Брагинцы, 1817 г.

Въ 1818 г. Андрей Яковлевичъ былъ зачисленъ по кавалеріи съ назначеніемъ въ 1-й бугскій уланскій полкъ во фронтъ, стоявшій въ г. Вознесенскѣ херсонской губерніи, гдѣ онъ и пробылъ по 1823 г., въ которомъ графъ Аракчеевъ, главный начальникъ по военнымъ поселеніямъ, назначилъ его въ штабъ начальника военнаго поселенія въ херсонской и екатеринославской губерніяхъ [1]). Этотъ періодъ былъ самымъ печальнымъ въ жизни Андрея Яковлевича,—онъ лишился въ 1820 г. нѣжно любимой имъ жены. Грусть вслѣдствіе этой потери выразилась въ нѣсколькихъ нижеслѣдующихъ произведеніяхъ.

17. Пѣсня.

Ручей, струясь въ долинѣ,
Подъ тѣнью ивъ густыхъ,
Съ журчаньемъ текъ къ стремнинѣ—
Палъ въ бездну и затихъ...
Взоръ скорбный устремляю
Въ слѣдъ быстрому ручью,
Съ нимъ мысленно сличаю
Превратну жизнь мою.
Какъ юность быстротечно
Прошла въ волнахъ страстей!
Увы! сей даръ небесный
Сокрылся, какъ ручей.
Дни сладостныхъ мечтаній
Смѣшались съ тьмой вѣковъ,

Кіевская Старина, т. X, стр. 447.

Надеждъ, любви, желаній
Минутъ не будетъ вновь.
Промчалась юность, съ нею
Исчезъ волшебный рай,
Я скользкою стезею
Иду въ тотъ мрачный край,
Гдѣ странникъ утомленный
Спокойствіе найдетъ,
Печальми изнуренный
Въ послѣдній разъ вздохнетъ.
Хладѣютъ пылки чувства,
Веселый тускнетъ взоръ,
Таланты, умъ, искусства,
Какъ воды вешни съ горъ,
Все въ бездну погрузится,
А тамъ забвенье въ слѣдъ
На быстрыхъ крыльяхъ мчится.
Что-жъ жизнь? Лишь сонный бредъ.

Г. Вознесенскъ, 1821 г.

8.

Коль прошла пора любить
И исчезли обольщенья,
Остается только пить,
Не трудя воображенья.
Прочь мечты всѣ—наливай!
Подноси, знай, подавай!
Пьяному и грусть мила,
Не морщитъ она чела;
Охъ, летитъ стрѣлою время,
Оглянуться не даетъ;
Жизнь того есть тяжко бремя,
Не любилъ кто и не пьетъ.
Все, что дышетъ, шевелись!
Ставь бутылки передъ нами!
Мы не даромъ собрались—
Коли пить, такъ пить съ друзьями!
Будемъ пить, пусть хоръ гремитъ—
Полно влаги есть въ бокалѣ,

Пѣнится вино, катитъ,
Мы-ли въ жизни не пивали?!
Пусть аркадски пастушки
Воздыхаютъ и томятся,
Пропадаютъ отъ тоски,
Пусть ихъ въ ручейки глядятся!
Поглядимъ-ка мы въ бокалъ—
Въ немъ сокрытъ весь жаръ сердечный,
Выпьемъ дружества фіалъ,
Выпьемъ въ радости безпечной!

Елисаветградъ, 1821 г.

19. Осень 1822 г.

Туманы стелятся густые,
Поблекли рощи и поля,
Скрипятъ отъ бурь дубы сѣдые,
Полита влагою земля;
Сгущенные пары клубятся
И въ мрачномъ воздухѣ кружатся,
Подобно сонму волнъ морскихъ;
Пернатыхъ хоръ умолкъ, затихъ.

* * *

Вотъ все вокругъ меня уныло,
Лишь колоколъ вдали гудетъ,
Тоскою сердце вдругъ заныло,
Сей гулъ какъ будто-бы зоветъ,
Зоветъ къ желанному покою.
Вступлю безтрепетной ногою
Въ невѣдому для всѣхъ страну,
Тамъ вѣчнымъ тихимъ сномъ засну...

* * *

Несчастный можетъ-ли страшиться
Конца мученіямъ своимъ?...
Онъ долженъ, долженъ торопиться,
О вѣчность! ко брегамъ твоимъ,
Тамъ бросить якорь скорбной жизни.
Въ той общей смертнымъ всѣмъ отчизнѣ
Нѣтъ предразсудковъ, нѣтъ страстей—
Тамъ буду вѣчно жить для ней!...

* * *

Тамъ буду тѣнь ея безмолвну
Съ улыбкой радости встрѣчать
И тѣнь сію, величья полну,
Безъ страха буду обожать.
Надежда душу наполняетъ,
Уже мой взоръ ее встрѣчаетъ....
Прерви, о Парка! жизни нить,
Лишь только-бъ съ нею могъ я жить!

М. Богодуховка, 1822 г.

20.

Равенство, братство и свобода
Одни лишь пышныя слова;
Но что-же нужно для народа?
Законъ, порядокъ и глава,
Держащая вѣсы Ѳемиды,
Патріархальность, простота,
Любовь къ отечеству, а виды
На вольность мнимую—мечта!

М. Богодуховка, 1822 г.

21. Посланіе m-me Кирхгофъ [1]) къ публикѣ.

Почтенна публика!

Прости, коль я твои поступки наблюдая,
Открыла слабости и, ихъ удовольняя,
Невиннымъ образомъ скопила капиталъ.
Теперь, когда мой умъ предсказывать усталъ,
Когда оракуломъ меня считаютъ въ свѣтѣ,
Когда спокойно ужъ катаюсь я въ каретѣ.

---

[1]) Въ 1818 году въ Петербургѣ славилась умѣньемъ гадать на картахъ какая-то старуха нѣмка, Кирхгофъ. Однажды Пушкинъ съ Всеволожскимъ вздумалъ зайти къ ней. Она назвала поэта замѣчательнымъ человѣкомъ и сдѣлала ему три предсказанія: что онъ скоро будетъ имѣть разговоръ по службѣ, получитъ неожиданныя деньги и наконецъ сдѣлается кумиромъ своихъ соотечественниковъ; можетъ быть проживетъ долго, но на 37-мъ году жизни долженъ беречься „бѣлаго человѣка или бѣлой головы". Пушкинъ, говорятъ, засмѣялся; но когда исполнились два первыя, незначительныя предсказанія, онъ сталъ вѣрить въ исполненіе третьяго.—А. С. Пушкинъ. Соч. Незеленова. С.П.Б., 1882 г., стр. 55

Хочу тебѣ свое искусство объяснить
И тѣмъ хоть нѣсколько за щедрость заплатить.
Въ Петрополѣ въ числѣ толикаго народа,
Конечно, есть глупцы—въ семьѣ не безъ урода;
Въ химерахъ жизнь свою здѣсь многіе ведутъ,
Блаженства каждый день отъ будущаго ждутъ;
Имъ настоящее средь роскоши постыло,
Желанье знать впередъ всѣ чувства притупило,
Для ихъ спокойствія мой нуженъ приговоръ.
О жребіи гадать ко мнѣ валятъ на дворъ,
Двусмысленность моихъ словъ важнымъ почитаютъ
И съ нетерпѣніемъ событій ожидаютъ.
Нѣтъ, видно уже такъ судило Провидѣнье,
Чтобъ никогда ничто—ни умъ, ни просвѣщенье,
Очистить не могли отъ предразсудковъ міръ—
Все суевѣріе имѣетъ въ немъ кумиръ!
За что-же праотцевъ считаемъ мы глупцами,
Коль сами шествуемъ ихъ глупости слѣдами?
Тѣ будущее знать хотѣли по звѣздамъ,
По внутренности жертвъ, по птицамъ, по пчеламъ,
А я по олову событья предрекаю,
По картамъ фокуснымъ—и все не постигаю,
Какъ могутъ въ свѣтѣ семъ такіе люди быть,
Кои, имѣя умъ, хотятъ моимъ прожить.
Дивлюся я, что, бывъ забросана гаданьемъ,
Нашла свободный часъ заняться симъ посланьемъ.
Конецъ вступленію; теперь представлю сбродъ
Различныхъ лицъ и мой безгрѣшный съ нихъ доходъ.
Какъ въ нѣкій храмъ ко мнѣ со трепетомъ вступаютъ
И Пиѳіей Дельфійской почитаютъ.
Чтобъ посѣтителей вамъ ясно показать,
Довольно о дѣлахъ вчерашнихъ разсказать.

Едва свѣтило дня на горизонтъ вступало,
Иль, по просту сказать, чуть-чуть лишь разсвѣтало,
Я не успѣла сѣсть еще за туалетъ,
Какъ вдругъ представился мнѣ жалостный предметъ:
На немъ былъ пестрый фракъ, мелькающій сквозь щели
Висѣвшей на плечахъ изорванной шинели

Камзолъ безъ пуговицъ, затѣмъ, что вышелъ срокъ,
Чуть шею прикрывалъ растерзанный платокъ,
Личные сапоги, какъ плѣнные французы,
Отъ стужи сморщившись, скрывались подъ рейтузы,
Которые Сатурнъ затѣмъ лишь пощадилъ,
Чтобъ не запачкать рукъ отъ грязи и чернилъ.
Лице сей мужъ имѣлъ покрыто желтизною,
Подобное листу, поблекшему отъ зною;
Густое сонмище нечесанныхъ власовъ
Торчало вкругъ главы, какъ множество усовъ;
Глаза блуждающи глубоко внутрь запали,
Какъ будто свѣтляки сквозь пыль и мглу мелькали;
Въ одной рукѣ держалъ засаленну тетрадь,
Въ другой... картузъ, колпакъ?.. не знаю, какъ назвать.
Короче: кто узритъ столь жалкаго героя,
Тому на мысль прійдетъ разрушенная Троя.
Предсталъ и началъ мнѣ онъ съ жаромъ говорить:
«Madame! простите-ли, что смѣю васъ трудить?
По благосклонности и добротѣ своей,
Вы не откажете въ покорной просьбѣ сей,
Котору объяснить дерзаю я предъ вами.
Я въ одѣ васъ сравню съ безсмертными богами:
Минерва мудростью, Венера красотой»...
—«Довольно, сударь мой, не время мнѣ самой»
Признаться, я его испугалась,
Чего онъ требуетъ, никакъ не догадалась:
Не ужъ-то-ли?!... Но нѣтъ; тутъ тотчасъ началъ онъ.
Отвѣся съ скромностью пренизкій мнѣ поклонъ:
«Писатель—ремесломъ: стихи мои въ журналахъ
Читаетъ публика»... (Конечно, и въ шандалахъ,
Я думала себѣ, ихъ множество найдешь).
—«Мнѣ дѣла нѣтъ, что ты въ стихахъ своихъ поешь;
Скажи скорѣй, чѣмъ я могу служить поэту
И по какому ты забрелъ ко мнѣ предмету?»
—«Вы знаете, madame, что всѣ стихотворенья
Весьма способствуютъ успѣху просвѣщенья—
Недавно я воспѣлъ мірскую суету,
Разилъ сатирами, коварство, суету,
Надменность, злобу, лесть, а славилъ добродѣтель;
Увы! правительство—всевышній міръ свидѣтель—

Не то, чтобы мои таланты наградить,
Въ тюрьму меня за долгъ грозится посадить.
Неблагодарное! но я ему прощаю
И просьбу вамъ свою покорно представляю:
Не въ далекѣ живетъ здѣсь знатный господинъ,
Вотъ будущій четвергъ его день имянинъ,
Такъ я на этотъ день куплетъ стиховъ имѣю;
Какъ оные поднесть ему никакъ не смѣю,
Въ семъ дѣлѣ вашъ совѣтъ за милость я сочту.
За позволеніемъ, и приступъ свой прочту:
«Герой! чей доблестью соорудился храмъ,
Гдѣ Марсу воскуренъ безсмертный ѳиміамъ;
О, ты, нашъ Меценатъ, талантовъ покровитель,
Порядка, чистоты, ты ревностный блюститель!»...
—«Довольно! Ты едва съ стихами вступишь въ сѣни,
Какъ и въ обратный путь сочтешь главой ступени.
Вотъ мой тебѣ отвѣтъ. Прощай, питомецъ Музъ!
Стихи сіи ты спрячь въ свой продранный картузъ».
Могла-ль я въ участи героя ошибиться
И нужно-ль для сего надъ магіей трудиться?
Но время кончить мнѣ возню мою съ поэтомъ
И показать предметъ другой предъ моднымъ свѣтомъ.
—Въ каретѣ щегольской, на четвернѣ лихихъ
Примчался графъ N. N., лѣтъ въ пятьдесятъ женихъ;
Зашаркалъ, закидалъ отборными словами:
«Хочу поговорить, сударыня, я съ вами.
Прошу мнѣ загадать—я по-уши влюбленъ»...
(Съ учтивостью ему я сдѣлала поклонъ).
—«Но что прикажете мнѣ загадать предъ вами?»
«Безъ околичностей скажу вамъ: между нами...
Я въ бракъ хочу вступить съ красоткой бѣлокурой.
Недуренъ, кажется, лицемъ я и фигурой,
Хоть пожилъ нѣсколько, еще желаю жить...
Могу-ль, скажите мнѣ, я Лизѣ милымъ быть
И можно-ли мнѣ ждать наслѣдія отъ брака»?..
Въ окошко поглядѣлъ: «что это за зѣвака?
Онъ, вѣрно, ищетъ васъ?»—«Такъ точно; онъ ко мнѣ,
Не безпокойтесь вы, мы будемъ здѣсь одни».
Пока я жениху на картахъ ворожила,
Прелестная его напудриться спѣшила,

Она пріѣхала, чтобъ также погадать
И про успѣхъ любви впередъ ужъ чтобы знать.
Что я могла его навѣрное поздравить
Съ наслѣдіемъ, то всякъ легко представитъ.
—«Вы, вѣрно, будете отцемъ въ коротко время.
Прощайте! мнѣ, вы знаете, сколь драгоцѣнно время».
«Итакъ, я завтра-же на Лизенькѣ женюсь!»...
—«И будете отцемъ—я объ закладъ побъюсь
О чемъ угодно вамъ, о! болѣе чѣмъ вѣрно
Въ супружествѣ васъ ждетъ блаженство безпримѣрно!»
«Adieu, madame!» И въ мигъ, какъ вихорь, улетѣлъ.
Лишь онъ въ карету сѣлъ, гляжу другой пострѣлъ.
«Изъ Малороссіи по тяжебному дѣлу
Пріѣхалъ я сюда—имѣнья для раздѣлу—
Не знаю, скоро-ли сенатъ мнѣ разрѣшитъ;
Прошу васъ, матушка, о семъ поворожить.
На аппеляцію въ сенатъ я подалъ прямо,
Соперникъ мой стоитъ во мнѣніи упрямо;
Процессъ, какъ стеклышко, со стороны моей
И въ генеральномъ всѣхъ задобрилъ я судей:
Они дѣлишко мнѣ, какъ слѣдуетъ, рѣшили,
Хотя, признаться вамъ, немножко погрѣшили;
Но здѣсь, сударыня, совсѣмъ уже не то:
Здѣсь секретарь тебя считаетъ за ничто,
Ему полсотенькой не можно прислужиться,
Тутъ сотнями хотятъ на мой счетъ поживиться».
Съ терпѣнья вышедши такимъ повѣствованьемъ,
Велѣла проводить за дверь съ его гаданьемъ.
Сей скрылся, какъ опять, несчастный прожектеръ,
Прожекты коего—галиматья и вздоръ:
Какъ огородникамъ съ навозомъ обращаться,
Какъ сшить такой сюртукъ, чтобы не могъ порваться.
(На немъ былъ байковый, безъ ворсу, порыжѣлъ).
Онъ, говоря со мной, на носъ очки надѣлъ
И кашлялъ, и чихалъ, пока съ умомъ собрался,
Подумавъ съ полъ-часа, вотъ какъ онъ изъяснялся:
«Поворожите мнѣ, удастся-ль мой прожектъ:
Я Невскій предложилъ сломать со всѣмъ проспектъ,
А знаете-ль зачѣмъ? Чтобъ выложить тамъ новый?!...
—«Ну, это пустяки, пусть будетъ ужъ неновый».

—«Я предлагаю Днѣпръ съ Невою съединить
И тѣмъ свободный путь коммерціи открыть;
И о китайской я торговлѣ помышляю.
Вотъ мысль, правительству котору предлагаю:
Гоанго, Сирасу, Цуй, Сокалъ и Емилъ
Съ Каспійскимъ моремъ-бы и съ Волгой съединилъ;
Пути коммерціи тогда распространятся—
Симъ исполненіемъ не должно затрудняться.
Еще я изобрѣлъ чудесную машину
И сдѣлалъ начерно ей профиль и картину,
Посредствомъ оной въ пять не болѣе минутъ
Два мальчика заводъ пороховой взорвутъ,
На случай буде-бы французы подступили
И нашъ столичный градъ блокадой обложили».
—«Я загадала вамъ, вотъ, сударь, что выходитъ:
Кому такой сумбуръ, какъ вамъ, на мысль приходитъ
Заблаговременно тотъ надѣвай суму;
Я предрекаю вамъ со временемъ тюрьму».
За нимъ тотчасъ вступилъ потомокъ Мельпомены,
Который только-что былъ выгнанъ изъ-за сцены.
Онъ отдалъ на театръ трагедію играть,
Чтобъ за кулисами свободно могъ бывать,
Но какъ плачевной сей трагедіи не играли,
То сторожа изъ-за кулисъ прогнали.
Оригинальныхъ драмъ явился сочинитель,
За нимъ теоріи словесности учитель,
Тамъ авторъ молодой комедіи въ стихахъ
Мнѣ объяснилъ свое гаданье въ сихъ словахъ:
«Двѣ сцены я въ стихахъ по просьбѣ написалъ,
Отрывокъ сей въ журналъ извѣстный вамъ послалъ;
Боюсь издателя, онъ дерзокъ преужасно
И посылать къ нему въ печать стихи опасно:
Рецензіи его хоть смысла не имѣютъ,
Однако-жъ многіе изъ насъ отъ нихъ краснѣютъ.
Но, правда, за меня друзья его просили
И обѣщаніе въ пощадѣ получили;
Все не покоенъ я—для остраго словца,
Не только что друзей, не пощадитъ отца.
Онъ содержаніе книгъ многихъ описалъ:
Повѣрите-ль, что самъ ихъ вовсе не читалъ,

Лишь по заглавію и первымъ тремъ страницамъ
Онъ дѣлаетъ разборъ матеріи и лицамъ.
Скажите, какъ стихи мои онъ повернетъ?
Я отдалъ ихъ въ печать, теперь боюсь хлопотъ».
—«Что будетъ? Слушайте: стихи онъ помѣстилъ,
Затѣмъ, что трефовый король просилъ,
Валету пикъ король во многомъ пригодится,
За красоту стиховъ онъ радъ теперь божиться.
Покойны-ль вы?»—Теперь надежду возъимѣлъ,
Что просьбу дядюшки уважитъ сей пострѣлъ.

Послѣднимъ поэтическимъ произведеніемъ Андрея Яковлевича является помѣщенное выше, написанное въ 1831 году по случаю взятія Варшавы графомъ Паскевичемъ-Эриванскимъ и напечатанное въ «Русскомъ Инвалидѣ». Отъ послѣдующихъ годовъ стихотвореній не сохранилось: весьма вѣроятно, что дальнѣйшее развитіе этого скромнаго поэтическаго дарованія было затруднено увеличивавшимися съ каждымъ годомъ служебными занятіями и возраставшимъ интересомъ къ научнымъ историческимъ изысканіямъ; большая часть времени уходила на службу, а досуги посвящались Андреемъ Яковлевичемъ веденію записокъ и изученію исторіи роднаго края.

Приведенныя лирическія произведенія Андрея Яковлевича относятся къ самому блестящему, можно сказать, періоду въ исторіи русской литературы и конечно блѣднѣютъ предъ произведеніями другихъ первостепенныхъ талантовъ того времени; тѣмъ не менѣе всякій, ознакомившись съ ними, согласится, что разностороннему нашему писателю присуще было не дюжинное поэтическое дарованіе. Конечно, въ развитіи своего таланта и въ своемъ поэтическомъ творчествѣ онъ не могъ не подчиниться въ извѣстной степени вліянію господствовавшаго въ то время нъ нашей литературѣ направленія, не испытать на себѣ воздѣйствія болѣе сильныхъ талантовъ, въ особенности Жуковскаго и Пушкина. Андрей Яковлевичъ хорошо былъ знакомъ съ произведеніями тогдашней русской литературы и внимательно слѣдилъ за всѣми ея новостями. Такъ въ записной книжкѣ своей, вспоминая о своемъ пребываніи въ Москвѣ, въ концѣ 1810 г., въ гостяхъ у своего друга, Масальскаго, онъ между прочимъ замѣчаетъ: «когда я былъ у Масальскаго,

то мы читали вмѣстѣ стихотворенія лучшихъ русскихъ авторовъ, знакомились со скучными произведеніями тогдашнихъ московскихъ поэтовъ, которые подъ вліяніемъ Геснера, Августа Лафонтена, Жанлисъ, создавали безцвѣтнѣйшія сентиментальныя стихотворенія». Другое доказательство знакомства его съ современной ему литературой мы видѣли выше, знакомясь съ его критическимъ этюдомъ «Мысли малороссіянина», въ которомъ онъ дѣлаетъ очеркъ тогдашняго состоянія русской литературы и оцѣнку нѣкоторыхъ ея произведеній.

Любопытно, что относясь съ такимъ порицаніемъ къ сентиментализму, какъ это мы сей-часъ видѣли, Стороженко самъ не въ состояніи былъ окончательно освободиться отъ его вліянія. Не говоря уже о присутствіи этого элемента во многихъ изъ его лирическихъ произведеній, какъ напр. въ «Идилліи», «къ К. М. Дараганъ», «Пѣснѣ», «Осени 1822 г.» и т. д., тоже направленіе сказалось и въ нѣкоторыхъ прозаическихъ его произведеніяхъ. Въ статьѣ «Два мѣсяца въ дорогѣ», о которой я упоминалъ раньше, излагая свои путевыя впечатлѣнія изъ поѣздки по Молдавіи и Валахіи въ 1828 г., Андрей Яковлевичъ, описывая какой-нибудь городъ или мѣстность и вспоминая о томъ, что было съ нимъ тамъ во время предшествовавшей войны съ турками, впадаетъ по временамъ въ самое сентиментальное настроеніе. Вотъ для примѣра одно мѣсто.

«Обошедши садъ, въ которомъ, кромѣ меня, никого не было, вскарабкался я на насыпанный посреди онаго курганъ...; на чистомъ свѣтлоголубомъ небѣ показались звѣзды и полная луна взошла во всемъ уныломъ величіи. Милое свѣтило небесное! ты освѣщаешь не однѣ степи бессарабскія; можетъ быть, въ эту самую минуту карыя очи ангела души моей встрѣчаются съ тускло блещущими твоими лучами и несчастный другъ ея проскользнулъ въ памяти. Въ семъ самомъ саду она гуляла нѣкогда; здѣсь природа образовывала юныя прелести; подъ симъ небомъ развертывались способности ума ея... Быть можетъ, на семъ самомъ мѣстѣ она искала взорами подобнаго ей существа, добраго, чувствительнаго, и уходила домой съ пустотой въ сердцѣ. Ахъ, и тогда, будучи въ отдаленіи, я любилъ уже. Сколько протекло времени съ тѣхъ поръ, когда сердце мое забилось для нея! Ни разлука, ни жестокость

рока, раздѣлившаго жребій нашъ, ничто не перемѣнило моей привязанности [1])... и т. д.

О взглядѣ Андрея Яковлевича на романтизмъ узнаемъ изъ слѣдующей приписки на поляхъ одной изъ тетрадокъ съ его стихотвореніями:

«Люди быстрыми шагами идутъ въ передъ къ цѣли возможнаго просвѣщенія, но плаксивыя и фантастическія литературныя произведенія въ нынѣшнее время похожи на старыхъ сентиментальныхъ франтовъ, съ которыхъ смѣются. Къ сожалѣнію, по большей части мы принуждены теперь читать сему подобное. Мнѣ скажутъ: «не читай, если тебѣ не нравится нынѣшнее романтическое направленіе».—«Правда, милостивый государь; но я принимаюсь за книгу, не зная содержанія оной, иначе я бы и не развертывалъ ее; прочитавши же, тотчасъ забываю читанное, ибо все вылетаетъ изъ памяти, какъ спиртъ».

Скептически относясь и къ сентиментализму, и къ романтизму, Андрей Яковлевичъ придерживался того взгляда, что поэтическая литература должна быть близка къ дѣйствительности, словомъ былъ приверженцемъ литературнаго реализма. Въ этомъ нельзя не видѣть вліянія пушкинской поэзіи. «Крупная черта, отличающая Пушкина отъ предшественниковъ, говоритъ П. В. Анненковъ [2]), есть его близость къ дѣйствительной жизни, которая такъ превосходно соотвѣтствуетъ практическому смыслу, лежащему въ основѣ русскаго характера». Конечно, это вліяніе должно отнести къ позднѣйшимъ стихотвореніямъ Андрея Яковлевича, первыя же поэтическія попытки его обязаны своею близостью къ дѣйствительности самостоятельному художественному чутью ихъ автора.

Въ стихотвореніяхъ Андрея Яковлевича настолько живо отразилось душевное настроеніе и воззрѣнія его въ разные моменты его жизни, а также жизнь современнаго ему общества, что они могутъ служить матеріаломъ для его біографіи и иллюстрацией взглядовъ и условій быта тѣхъ общественныхъ сферъ, въ которыхъ приходилось ему вращаться. Нужно-ли прибавлять, что такое содержа-

---

[1]) Два мѣсяца въ дорогѣ, стр. 10

[2]) А. С. Пушкинъ. Матеріалы для его біографіи. Изд. 2-е. С.П.Б., 1873 г., стр. 424.

ніе стихотвореній показываетъ самостоятельность автора въ выборѣ сюжетовъ.

Не могу не замѣтить наконецъ, что, при значительномъ внутреннемъ достоинствѣ, лирическія произведенія Андрея Яковлевича страдаютъ нерѣдко несовершенствомъ формы.

Одновременно съ лирическими стихотвореніями Андрей Яковлевичъ писалъ и дидактическія, въ формѣ басенъ. Послѣднихъ осталось значительное количество, но, сообразно цѣли настоящаго очерка, я приведу здѣсь лишь нѣкоторыя изъ нихъ, и то въ приложеніяхъ (См. № 5).

О дѣятельности Андрея Яковлевича въ области дидактической поэзіи можно сказать, что она не чужда также нѣкоторой подражательности, хотя послѣдняя здѣсь болѣе естественна, а опредѣлить ее и не всегда возможно. «Такъ какъ басня, говоритъ извѣстный изслѣдователь басенъ Крылова Кеневичъ, во всѣ времена и у всѣхъ народовъ имѣла цѣлью исправленіе недостатковъ и заблужденій, которые повсюду болѣе или менѣе общи, то, естественно, нравоучительные выводы у разныхъ баснописцевъ должны имѣть нѣкоторое, хотя иногда весьма отдаленное сходство»[1]). Это общее положеніе примѣнимо и къ баснямъ Андрея Яковлевича; но на нѣкоторыхъ изъ нихъ замѣтно отразилось вліяніе Геллерта, Лессинга, Ла-Фонтена и Крылова. Такъ, басня «Дроздъ и перепелка» является несомнѣннымъ подражаніемъ баснѣ «Два голубя» Крылова, хотя и Крыловъ заимствовалъ содержаніе своей басни у Ла-Фонтена, а этотъ въ свою очередь изъ индійскихъ разсказовъ, парижскаго изданія 1644 г. Можно найти также нѣкоторое сходство въ морали «Кречета и кобчика» и «Сурка» Андрея Яковлевича съ «Собачьей дружбой» и «Волкомъ и волченкомъ» Крылова; но отъ подражанія не свободны были и другіе русскіе баснописцы.

Какъ приводимыя мною ниже басни Андрея Яковлевича, такъ и остающіяся въ рукописи, написаны несомнѣнно на извѣстные конкретные случаи изъ жизни современнаго ему общества. «Надлежало-бы обставить, говоритъ Кеневичъ, каждую басню тѣми историческими данными, которыя могли-бы опредѣлить отношеніе ея къ

---

[1]) В. Кеневичъ. Библіографическія и историческія примѣчанія къ баснямъ Крылова. 2-е изд. СПБ., 1878 г. стр. XI.

современной дѣйствительности». Къ сожалѣнію, выражаясь опять таки словами Кеневича, исторія текущаго столѣтія еще такъ мало извѣстна въ своихъ подробностяхъ, которыя могли имѣть и конечно имѣли важное значеніе, свидѣтельства современниковъ такъ недостаточны, что выполненіе этой задачи остается пока невозможнымъ [1]). А если предположить, чего не дѣлаетъ Кеневичъ и что весьма вѣроятно, что поводомъ къ написанію иной басни было наблюденіе, сдѣланное надъ жизнію лицъ и общественныхъ кружковъ, не обратившихъ на себя вниманія мемуаристовъ, то можно ожидать, что нѣкоторыя басни такъ и останутся безъ достаточно обоснованныхъ комментаріевъ.

На этомъ я закончу очеркъ скромной литературной дѣятельности А. Я. Стороженка и въ слѣдующихъ главахъ перейду къ характеристикѣ его отношеній къ разнымъ ученымъ и литераторамъ его времени.

Н. С—ко.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПРИЛОЖЕНІЕ № 4.

ЗАПОРОЗСЬКА СИЧЬ.

Оперетка, составленная по народнымъ малороссійскимъ пѣснямъ въ двухъ дѣйствіяхъ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Андрій Шоломъ. Осѣдлый малороссійскій козакъ и выборный въ селѣ по лѣвой сторонѣ Днѣпра.

Катря. Жена его.

Галя. Дочь ихъ.

Прыхидько. Дьячекъ, сватающійся на Галѣ.

Хома, *Ярема* } Старосты.

Безридный. Запорожецъ.

Атаманъ кошовой на Сичи.

---

[1]) Кеневичъ, стр. XI.

Журба. Кошовой писарь.
Куринный атаманъ *Опанасъ*.
Куринный атаманъ *Грицько*.
Козаки Запорожскіе.

Дѣйствіе происходитъ на Украйнѣ во второй половинѣ XVIII в.

ДѢЙСТВІЕ I.

Малороссійское село на самомъ берегу Днѣпра. Хата Андрія Шблома, около хаты деревья.

Картина 1, явленіе 1.

Галя сидитъ у своей хаты, прядетъ и поетъ; потомъ выходитъ изъ хаты Катря.

Шумить, шумить дибровонька,
Тужить, тужить дивчинонька,
Тужить, тужить та й гадае,
На недолю нарикае.
Ой, недоле, усимъ не мила,
Чомъ же мене не втопила?
Краще було-бъ утопити,
Нижь зъ миленькимъ розлучити.
Куды иду, обернуся,
Назадъ себе оглянуся;
Охъ, якъ плачу, якъ зобачу,—
Лита свои марне трачу!

Мени здаеться, що вже винъ николи не буде... Ни! винъ мене любить, винъ зна, що Галя вмре, якъ не бачитиме ёго. И прясти не хочеться: дивлюся на гребинь—винъ передъ очима, пійду по воду, здаеться, що и въ криныци ёго бачу. (Поетъ)

Прійди, козаченьку, прійди,
Да не буде тоби кривды. } Bis.
Якъ прійде, усе забуду,
Щасливою тоди буду. (Bis)

(Катря выходитъ изъ дверей своей хаты).

Катря.

Іонъ! іонъ! уже рюма та й рюма; хиба-жъ тоби нема й дила?! Постой лишень, голубко, чого ты плачешъ?... Бачъ, нема твого Безридного!... Ни, доню! покиль я жива, не буде винъ, пройдысвитъ, у насъ и ногою! Иди лишень, батько чого-сь кличе. (Обѣ уходятъ).

Явленіе 2.

Безридный и Сагайдачный, прокравшись по-за деревьями, останавливаются у хаты Шолома; потомъ Галя.

Безридный (поетъ).

Ой, зійди, зійди, зиронька вечирня!
Ой, выйди, выйди, дивчинонька вирна!
Хиба не чуешъ, серденько, голосочокъ;
Ой, выйди, выйди до мене на часочокъ!

Сагайдачный.

Якого ты тамъ биса тужишъ? Вона выйде, не забарыться. И я колись було здуривъ, якъ побачивъ Одарку, тую Ковалиху; тоди вона ще дивовала. Ни словечка не говоривъ зъ нею, правда, подумавъ—яка моторна, да буцимъ той байдуже, такъ же туга серце обгорнула. Дали,— що за вража мати! тильки й хочеться дивитись на Одарку, зъ нею говорити; усе на думци Одарка. (Поетъ)

Ишовъ козакъ черезъ байракъ, байракъ поконивсн.
На козака пригодонька, козакъ зажурився. (Bis)
Сьвитъ не милый, тяжко-важко, думаю-гадаю,
Коня, зброю, люльку маю, а чогось бажаю. (Bis.)
Байракъ гуде, витеръ свище, ничого не чую,
Мовъ бы оглухъ, мовъ бы ослипъ въ годину лихую. (Bis).

Оттаке лихо було; а теперъ, якъ забувъ уже, то самъ съ себе смiюся. Чи не дурни люде? Якъ що полюбить. такъ и нудить сьвитомъ, пропадае; е таки, що й сохнуть. Чи жъ стоять того ясни очи? чи довго вони свитять? А козаку треба до смерти козакувати.

Галя открываетъ по-немногу дверь и бросается къ Безродному.

(Поетъ) А що тебе принесло?
Чи човничокъ, чи весло?

Безридный (поетъ).

Принисъ мене добрый кинь
До Галечки на впокій (Bis).

Галя.

Козаченьку, ты мій панъ,
Сховай мене пидъ жупанъ.

Безридный.

Я жупана не маю,
Пидъ свитоньку сховаю (Bis).

Галя.

Охъ! я дуже боюся,
Що побачить матуся.

Безридный.

Не бійся, серце, зо мною,
Я прикрыю полою (Bis).

(Прикрываетъ Галю полою и уходятъ со сцены).

Сагайдачный.

Ой, молодыци, молодыци! Якъ подумаю, то й самому прыйде ка-зна-що на думку. (Поетъ)

Ой, волы-жъ мои, та ĭполови,
Чомъ же вы не орете?
Ой, лита-жъ мои, та козацьки,
Чомъ марно вы йдете?

Ой, заржи, заржи, вороный коню,
На круту гору идучи,
Прожени печаль, змію лютую,
Щобъ не чуть було въ Сичи.

(Ходитъ задумавшись).

Годи! Чого мени журитись? Не поможе: що було, вже не вернеться. Чоловику усякъ бувае, абы въ души не шелестило; хто по правди думае и робить, той не жахаеться. Люблю Сичь Запорозську! Нехай здорови будуть козаки; вони мене на сьвити держать. Не треба-бъ ĭздити зъ Безриднымъ, такъ же хлопець винъ дуже добрый: якъ стане плакати, то серце мовъ не выскочить. Ни! нехай вони соби любляться, абы чесно! А мое вже минулось. (Поетъ)

Ой, на гори та й женьци жнуть,
А по пидъ горою, та по пидъ крутою козаки идуть. (Bis)
По-переду Дорошенко,
Веде свое військо, військо запорозське хорошенько. (Bis)
А по-заду Сагайдачный,
Що проминявъ жинку на тютюнъ та люльку необачный. (Bis)
Ему жинка не годиться,
А тютюнъ та люлька козаку въ дорози знадобиться. (Bis)
Де вы, браття, озовиться,
Та выкрешемъ огню, та запалимъ люльки—не журиться. (Bis)

(Выкресываетъ огонь и долго не можетъ выкресать, держа трубку въ зубахъ).

Щось вони довгенько тамъ баряться, щобъ не було якои ваторобки—якъ догадаеться стара, наробить клопоту. (Кричитъ) Гей! гей!—хоча-бъ тоби обизвались!... Гей!... На силу (въ это время выходятъ на сцену Безридный и Галя). Я вже думавъ, що вы тамъ захрясли, ажъ нудно стало. Чи вже попрощались?

Галя (плачетъ).

Винъ мени казавъ, що незабаромъ знову буде; я якъ не прыиде, то я або утоплюсь, або сама не знаю, що зроблю. Мати та батько казали, що виддадуть мене за дяка; вже й старосты були на розглядинахъ, рушныкивъ не давали, бо я сказала, що не здужаю, та ледви выкрутилась; а якъ зновъ прыйдуть—що й робити, не знаю.

Сагайдачный.

Якъ бы то: що й робити?! Треба батька та мати слухати, вони худого не наряять, не завьяжуть сьвита своій ридній дитыни. Хиба-жъ таки вони захочуть твоеи погибели? Я знаю, твій батько чоловикъ добрый. Молись, Галю, Богу, та не плачъ и не тужи; безъ Бога, ни до порога. За Безридного тоби не можно пійти замижъ; винъ запорожець, та ще й хто зна, чи винъ повернеться, чи ни. Хиба диво кулю зацидити у лобъ, та й поминай, якъ звали.

Галя.

Ой, мени лихо! Хиба-жъ вы на війну йдете?!

Сагайдачный.

А винъ тоби не хвалився? Э, брате, треба правду казати. Я зроду ничого не брехавъ, тимъ-то николи й не каюсь. (Поетъ)

Козакъ душа правдивая, добре ёму жити,
Чобитъ нема, ни сорочки, и ни въ чимъ ходити.
Все-таки винъ правду любить, не збреше никому,
Краще згинуть, нижъ збрехати козаку прямому.

Безридный.

Галю, серденько, не плачъ! Може знову побачимось. Я вично тебе любитиму (задумывается); а якъ прийдуть старосты, слухай батька та матирь. Видно, така наша доля!

Сагайдачный.

Ось, що розумно, то розумно. Доки вамъ женихатись?

Галя.

Ни! ни за кого не пиду зимижъ, нехай, що хочуть! Якъ що вернешься, то застанешъ мене або въ могыли, або вично твоею.

Безридный.

Прощай, Галю! (плачетъ, обнимаетъ Галю и поютъ).

Галя.

Прощай милый, не забувай Гали!
Може умру швидко зъ тяжкои печали, зъ тяжкой печали.

Безридный.

Дивчинонько, не плачъ, не журися,
До вирного серця мого притулися, мого притулися.

Галя.

Покинь мени хоть свій жупаночокъ,
Щобъ я не забула, якій твій станочокъ, якій твій станочокъ.

Безридный.

На що, мила, жупанъ покидати?
Якъ що вирно любишъ, то й такъ не забудешъ, то й такъ не забудешъ.

Галя.

Покинь мени коня вороного,
Щобъ я не забула тебе молодого, тебе молодого.

Безридный.

На що мени, мила, коня покидати?
Якъ що вирно любишъ, будешъ споминати, будешъ споминати.

Безридный и Галя (поютъ вмѣстѣ).

Якъ литають голубоньки, полюбившись, у двохъ въ поле,
Будемо и мы любитись, нехай нашихъ ворогивъ коле.
Любимося, кохаймося, заки можно повинчатись,
Ой якъ любо, ой якъ мило дружиною называтись!
Довги будуть годиноньки, ище довши темни ниченьки.

Безридный.

Якъ я пиду въ Запорожье,
Не по воли пиду на Сичь.

Галя.

Якъ пиду я у чернички,
Не по воли пострижуся.

(Оба вмѣстѣ).

Абы ни зъ кимъ, якъ зъ тобою, мое серденько не зналося (bis).

Безридный.

Прощай, Галенько!

Галя.

Не забувай тоби вирнои (прощаются и уходятъ въ разныя стороны; съ Безриднымъ уходитъ и Сагайдачный).

Картина 2. Явленіе 3.

Внутренность хаты Андрія Шóлома.

Галя, Андрій; потомъ Катря, Прыхидько, Хома и Ярема.

Галя плачетъ, утираетъ рукавомъ слезы, оглядывается; въ это самое время входитъ Андрій.

Андрій.

Нависна! Що се тоби сталось? Либонь здурила? Ой, дочко, схаменися! Тоби-бъ треба сегодня радйти, а ты рюмаешъ. Та що й казати?— у дивчатъ слезы не куповани: старостивъ нема—плачуть, якъ що хто свата—заразъ и слизки роспустить, а сама ажъ тремтыть—хочеться замижъ. Не плачъ, доню, прыймай старостивъ та жениха!

Явленіе 4.

Прыхидько, Хома и Ярема (входятъ въ хату и кланяются).

Андрій.

Стара, стара!... Катрю! И не чуе. Иди лишень мерщій, Бигъ давъ гостей.

Катря (входитъ и кланяется).

Здорови були, люде добри!

Галя, потупивъ голову, продолжаетъ плакать. Никто не обращаетъ на нее вниманія.

Хома.

(Вынимаетъ изъ-за пазухи хлѣбъ и соль, Ярема также, и кладутъ все это на столъ).

Бувайте здорови зъ хлибомъ, зъ силью!

Андрій и Катря.

Спасыби вамъ.

Хома.

Мы до васъ таки прыйшли.., э... бачте, паламарь Матвій, батько отцёго парубка (указываетъ на Прихидька), знаете, чоловикъ заможный и хозяинъ зъ ёго добрый.

Ярема.

Такъ.

Хома.

Винъ, бачте, отцёго сына виддававъ у бурсу.

Ярема.

Та такъ.

Хома.

Оцей, бачте, якъ кажуть, вывчився краще видъ самого панотця нашего Пилипа и хлопець, ось, якъ бачите, моторный; одинъ у свого батька, вже й дякомъ, а въ Пилипивку, кажуть, и стихарнымъ буде. Худоба... э... не погнивайся, пане Андрію и ты пани Катре, э... не доки дочокъ держати, абы лучився чоловикъ добрый, то бачте. э... и зъ Богомъ. Покиль живы, нехай здорови будете! виддати дочку замижъ.

Ярема.

А чого-жъ, пакъ! (упирается на палку).

Хома.

Мы до васъ сватами! Балакати довго ничого, абы воля... э..., ось, вамъ и женихъ. (Прихидько кланяется).

Андрій.

Дочка абы схотила, а про мене Боже помагай. Якъ, стара, миркуешъ?

Катря.

А кого-жъ ще сподиватись? Чоловикъ добрый знайшовся, то не доки сидиты ій въ дивкахъ! (Улыбается). Нехай рушныки дае. Галю! подивись лишень на старостивъ, та й на... Озирнись бо, дурна! (Галя и не взглядываетъ). Ось! що хочъ роби, а вона усе таки свое... Просимо въ городъ. Нехай вони сами соби поговорять.

(Всѣ уходятъ, исключая Прихидька и Гали, которой не пустила Катря).

Прихидько (подходитъ къ Галѣ и хочетъ взять ее за руку, она его отталкиваетъ).

Чому-жъ вы, отце, тее, не подивитесь? Гмъ, гмъ! Прошу прощенія. Гмъ! хочъ подивитесь (Галя остается въ томъ-же положеніи). И писано бо есть: да возрадуется невиста о жениху (Поетъ).

Ой, Галечко, серденько, озирнись,
Хиба-жъ я не парубокъ, подивись,
Хиба въ мене брови не чорни,
Хиба-жъ таки я не моторный.

Галя (поетъ).

Хочъ будете якъ чепуритись,
На васъ вже мени не дивитись.
Кажу вамъ, ничого не буде,
Ось, геть те, бо дивляться люде.

Прихидько.

Вы-жъ будете, серце, моею,
Не погано буть попадею.

Галя.

Ни за що не хочу ни попа, ни дяка,
Якъ що замижъ пиду, такъ за козака.

Прихидько.

А що скажуть батько та мати?
Дивиться, уси йдуть вже до хаты.

Галя.

Я не хочу ище ни за кого,
Вамъ кажу я, не буде ничого.

(При этомъ всѣ входятъ въ хату съ бутылкой водки и чарками).

Катря.

Що на іи дивитись? Рушныки тоби кажу—заразъ! (Галя уходитъ, Катря поетъ)

Якъ була я молодою,
Не чула земли пидъ собою,
А теперъ, якъ стала старою...

Андрій.

То тильки трясешъ головою.

Годи, стара! А ну лишень ты, Хомо, заспивай намъ якои старосьвитскои.

Хома.

Добре (Поетъ).

По долыни, по зеленій, тихо ричка протикала,
Тамъ козаченька темненька ничка, тамъ частенько ёго застигала.
Ни миесяця, ни зирочки не видно по-за хмарами,
Тильки витеръ віе по диброви та зозуля куе мижъ кущами.
Сидить козакъ надъ ричкою, самъ зъ собою розмовляе;
инъ свою долю, долю нещасливу, нещасливу долю проклинае...

Андрій.

Якои-жъ сумнои ты заспивавъ! А ну лишень яку веселійшу...

Ярема.

Оттакъ козакъ докозакувався,
Що голый, мовъ пень, обидрався!
Гей, ты козаче-небоже,
Чомъ ты не робишъ, якъ гоже?
Гей, ты козаче-голубче,
Чомъ ты не робишъ, якъ лучше!

Андрій.

Хоча-жъ я не ляцького роду,
Пью горилочку, якъ воду!
Гей, ты козаче-небоже,
Чомъ ты не робишъ, якъ гоже!
Гей, ты козаче-голубче,
Чомъ ты не робишъ, якъ лучше!

Ярема.

Нехай соби ляхи пропадають,
А козаки все пьють та гуляють.
Гей, ты козаче-небоже,
Чомъ ты не робишъ, якъ гоже!
Гей, ты козаче-голубче,
Чомъ ты не робишъ, якъ лучше!

Катря (отвѣдываетъ изъ чарки и всѣ пьютъ по очереди).

Треба запити, щобъ усе добре було. Бувайте здоровеньки!

Картина 3. Явленіе 5.

Хата Шолома, огородъ его. Сумерки. Галя сидитъ подъ деревомъ въ огородѣ; затѣмъ выходятъ всѣ бывшіе въ хатѣ.

Галя (поетъ).

Ой, изійди, зійди, мисяцю ясный,
Хочъ подивлюся, якій ты красный.
Вернись, вернись, вирный козаче,
Бо за тобою дивчина плаче.
(Ходитъ).
Де ты, мій милый, де—озовися,
Прійди на Галю, хочъ подивися:
Каріи очи почервонили,
Высохли повни рученьки били,
Серденько бидне для тебе бьеться.
Де чорнобривый? Не озоветься.
Щаслива пташка, що крыльця мае,
Куды захоче, туды литае;
Ой, коли-бъ Галя та крыльця ймила
Заразъ до тебе-бъ полетила.
Може на сьвити нема милого,
Зъ висткой покиль ще нема никого.
Вороˊни кони бьють копытами
Объ сыру землю пидъ козаками.
Царыци вирно ти, що служили,
Може головку тамъ положили.

Безридный! якъ що ты ище живый, не дай вмерти твоій Гали...

(Садится на травѣ. Тутъ всѣ выходятъ изъ хаты; Хома и Ярема перевязаны чрезъ плечи рушниками).

Андрій.

Бувайте здоровеньки!

(Галя встала и, потупивъ глаза, перебираетъ правой рукою лѣвый рукавъ своей рубашки; потомъ уходитъ въ хату).

Катря.

Нехай легенько згадаеться Матьвіеви! Скажить ёму видъ мене, що мы теперъ вже сваты.

Хома.

Адже-жъ такъ, пани свахо. Э, колибъ та швидче весилля! Бачте, якъ що робити, то треба хутко робити (Катря подноситъ ему чарку водки).

Катря.

Сядьмо-жъ, сватоньку на прызьби, и ты, пане свате (оборачиваясь къ Яремѣ): треба могоричъ запити. Ну лишень старый! (обращаясь къ

Андрій.

Просимо, пане свате! (Беретъ чарку и подтчиваетъ Хому).

Хома.

На щастя, на здоровье дитей! Нехай вони здоровеньки будуть! (Выпиваетъ и держитъ рюмку въ рукахъ). Э!

Катря (поетъ).

Не кленъ, яблунина, не кленъ, яблунина—червона калина,
Иде наша Галя за хорошого челядина.

Выпейте, пане свату! (Опять поетъ).

Прилетивъ соколочокъ, прилетивъ соколочокъ до насъ у садочокъ,
Поти на Галю дивився, ажъ покиль ёму полюбилась.

Хома (взявши Катрю за руки, подтанцовуетъ и поетъ).

Гей, свахо, потанцюймо,
Хочъ старостью пожартуймо,
Абы таки люде знали,
Що и мы колись гуляли (bis).

Всѣ (поютъ).

Будемъ пити, коли пьеться,
Що було, то все минеться,
А коли хто щастя знае,
Той все до дна выпивае (bis) (подтанцовуютъ).

Катря (обращаясь къ Хомѣ).

Нуте, лишень, сватоньку!

Хома (сидя рядомъ съ Андріемъ, пьетъ и разговариваетъ).

Я цёго не люблю; въ мене коли пить, такъ пить, а то иньшій визьме и до роту донесе, зновъ поставить (все это самъ дѣлаетъ). Ни, въ мене не такъ: въ мене коли пить, такъ пить! А то е таки, пане свате, що держить чарку, визьме, ще й до рота не донесе, зновъ поставить. Ни, я вже не такій: коли пить, такъ пить, а то инишій... то й поставить (самъ ставитъ на призьбѣ чарку; Ярема беретъ чарку и выпиваетъ).

Ярема.

Коли пить, такъ пить!

Хома.

Ось, добре, ке лишень и мени, я щось загутаривея (беретъ чарку и выпиваетъ; всѣ пьютъ и кланяются одинъ другому).

Хома, Ярема и Прихидько.

Прощавайте—пожалуйте!

Андрій и Катр[illegible].

Идить здоровеньки!

(Всѣ уходятъ: первые за сцену, а послѣдніе въ хату).

Явленіе 6.

Галя выходитъ изъ хаты, потомъ Безридный и Сагайдачный.

Галя (поетъ).

Та вже-жъ мени не ходити, куды я ходила,
Та вже-жъ мени не любити, кого я любила.
Ой, чи можно туды ходить, куды люде кажуть!
Ой, чи можно того любить, зъ кимъ рученьки звяжуть!
Хотивъ мени козаченько дружиною бути,
Коли-бъ знайти таке зилля, щобъ ёго забути;
Хочъ я буду зилля пити, капельки не впущу,
А ёго тоди забуду, якъ очи заплющу.
И любила, и любила, и любити буду,
Покиль не вмру, миленького мого не забуду.

(Безридный и Сагайдачный вбѣгаютъ на сцену. Галя кидается къ Безридному на шею).

Галя.

Якъ мое серце чуло!

Безридный.

Хиба-жъ я тоби не казавъ, що якъ Богъ поможе, то мы знову побачимось. На війну не йдемо, хиба ажъ на тимъ тыжни. На силу вырвався. Спасыби Сагайдачному, винъ мене выпрохавъ у старшины, та ледве видпустили.

Галя.

Ни, я тебе не пущу, я зъ тобою усюды помандрую.

Безридный.

Якъ-бы то—на Сичь? Не можно! И ты, и я пропадемо, якъ що побачять тебе на Сичи.

Галя.

Вже якъ хочешъ! Я поиду за тобою въ козацькимъ убранню, мене нихто не пизнае (обнимаетъ его). Нехай татари побьють насъ обохъ разомъ, а жити безъ тебе—не хочу. Вже мати и батько рушныки подавали старостамъ Прихидька; якъ-бы тебе Богъ не принисъ, я-бъ вмерла—не була-бъ ни за кимъ на сьвити. Серденько мое! якъ що не хочешъ моеи смерти, визьми мене зъ собою!

Безридный (въ глубокомъ размышленіи смотритъ на Галю, плачетъ и рѣшительно произноситъ)

Поидемъ!

Сагайдачный.

Що буде, то буде, а іи треба взяти зъ собою. Нехай побуде козакомъ, заки знайдемъ ій мисто, а то справди себе загубить, якъ не буде тебе бачити.

Галя (поетъ).

Не журися, любый тату, що тебе покину,
Може знову побачимось, якъ що я не згину.
Не журися, матусенько, моя така доля,
Мени краще домовина, ни-жъ гирка неволя.
Прощай ридна стороненько, тебе не побачу;
Де родилась та выросла, за тимъ мистомъ плачу.
Не буду я пидъ липками въ жнива спочивати,
Більшъ не будуть за нелюба Галю виддавати.
На край свита зъ козаченькомъ милымъ помандрую,
Тяжко серцю, а полегша—тильки поцилую!

(Цѣлуетъ Безридного).

Безридный.

Знайдемъ щастя, дивчинонько, якъ що мене любишъ,
Болить серце козацькее—чого, Галю, тужишъ?
Якъ Богъ пишле, то зо мною будемъ соби жити,
Забудемо все на свити, не будемъ тужити.

Сагайдачный.

Абы вирно любилися,—ничого журитись,
А за батька та за матирь треба все молитись
Нехай вони здоровеньки живуть на господи!
Нумо швидче споряжатись—плакати вамъ годи!

(Всѣ торопливо уходятъ).

КОНЕЦЪ I-ГО ДѢЙСТВІЯ.

ПРИЛОЖЕНІЕ № 5.

БАСНИ.

1.

Дроздъ и перепелка.

У птичекъ также есть мечты:
Онѣ, равно какъ мы, желаютъ,
Гдѣ имъ не нравится, скучаютъ,
Свои имѣя суеты:
Какъ лучшій кормъ достать,
Чтобъ дѣтокъ прокормить;
Какъ дѣтокъ сохранить,
Пока начнутъ летать.
Въ сей жизни много есть заботъ,
Надеждъ несбыточныхъ, желаній и хлопотъ.
Дроздъ, испытавшій все—и радость и печаль,
Страшился слова—даль:
Далеко отъ семьи, далеко отъ друзей,
Далеко отъ родныхъ полей,
Лишь чувствуешь разлуку,
Мученіе и скуку.
Чужая сторона
Для одинокого грустна:
Гдѣ съищешь тѣнь отъ жару?
Гдѣ съищешь кормъ? Гдѣ съищешь нору?
Кто приголубитъ подъ крыломъ?
И радость одному скучнѣе, чѣмъ печаль вдвоемъ!
Есть кормъ, есть другъ—чего желать?
Почто невѣрнаго искать?
Дроздъ, съ перепелкой подружась, о семъ съ ней часто разсуждалъ
И увѣрялъ,
Что дальній край—
Не рай,
И что вездѣ бываетъ горе,
Хоть полети за море.
Но все-таки она хотѣла видѣть ясно,
Что дурно, что прекрасно,
Гдѣ кто и какъ живетъ
Хотѣла знать и видѣть свѣтъ.

Желанье суетно,—дроздъ думалъ, но молчалъ,
Съ стѣсненнымъ сердцемъ распрощался.
Она вспорхнула, онъ остался;
Вдругъ вѣтеръ засвисталъ,
Умчалъ ее изъ глазъ.
Тотчасъ
И ястребъ появился,
Но онъ лишь въ воздухѣ рѣзвился.
Покрылось небо тьмой, ударилъ сильный градъ,
Она скорѣе въ садъ
И скрылась,
Измокшаго стрѣлка увидя, притаилась,
Отдѣлалась и тутъ—судьба того хотѣла,
Чтобъ перепелка залетѣла
Отсель
За тридевять земель.
Такъ точно и случилось:
Прелестно солнце появилось—
Увидѣла она
Привольные луга, водѣ не видно краю;
«Вотъ, тутъ-то погуляю,
Нѣтъ нужды, что одна!
Какія прелести! Здѣсь вѣкъ хотѣла-бъ жить!
Захочешь ли испить?
Вотъ море цѣлое». И къ морю прилетѣла.
Спустилась съ берега, присѣла.
Лишь только въ ротъ воды—соленая, какъ соль,
И вовсе пить неможно.
Что дѣлать? Осторожно,
Измучася, летитъ оттоль,
Отъ жажды чуть не околѣла,
Домой на силу долетѣла.
И воды, и луга сдавались ей чумой.
Гдѣ лучше стороны родной?
Дроздъ съ чувствомъ дружбы ее встрѣтилъ,
Съ чистосердечіемъ замѣтилъ,
Что всюду свѣтъ, какъ свѣтъ.
Вездѣ тамъ хорошо, гдѣ насъ лишь только нѣтъ.

С. Брагинцы, 1817 г.

2.

Павлинъ.

Въ саду, гдѣ роскошь, вкусъ и нѣга обитала,
Брега куртинъ вода кристальна орошала,
Прелестныхъ грацій рядъ въ журчащихъ ручейкахъ
Волшебна тѣнь изображала,
Тамъ нѣжна горличка уныло ворковала
Въ уединеннѣйшихъ мѣстахъ.
Хозяинъ разсыпалъ различныхъ сортовъ сѣмя;
Любили птички его садъ;
Приволью кто не радъ?!
Малиновокъ, чижей и коноплянокъ племя
Съ весною множилось; хоръ нѣжный каждый день
Гармоніей плѣнялъ пришедшихъ отдохнуть подъ тѣнь.
Но деньги балуютъ—хозяинъ накупилъ
Еще заморскихъ птицъ и по саду пустилъ.
Потомъ онъ выписалъ огромнаго павлина,
Въ немъ птичкамъ новая представилась картина.
Слетѣлись поглядѣть
И гостю свой концертъ пропѣть.
Онъ слушалъ и молчалъ,
Блестящій только хвостъ предъ ними распускалъ,
Хоть шею надувалъ,
Но вторить имъ не начиналъ.
Птичкамъ наскучило молчанье—
Всѣ думали, что онъ
Имѣетъ въ голосѣ прекрасный тонъ,
И обратили все вниманье—
Авось-ли бо павлинъ отъ скуки запоетъ.
Лишь только солнышко взойдетъ,
Онѣ поютъ, а онъ... лишь ходитъ!
Въ недоумѣніе молчаньемъ ихъ приводитъ.
«И важенъ, и великъ, ну, какъ ему не пѣть?!»
Такъ птички разсуждали.
Однажды въ гнѣздышкахъ въ ночь темну отдыхали;
Вдругъ дикій крикъ раздался,
Малютокъ рой поднялся,

Слетѣлись, слушаютъ, примолкли—а павлинъ
Уныло затянулъ одинъ.
Павлинъ еще кричалъ, но птички улетѣли
И слушать болѣ не хотѣли.

И межъ людьми павлины есть:
Молчанье многимъ ставятъ въ честь—
Молчитъ, и думаютъ, уменъ,
А онъ
Только молчать смышленъ!

С.-Петербургъ, 1817 г.

3.

Кречетъ и Копчикъ.

«Охъ, тяжело на свѣтѣ жить—
Прошли тѣ времена, когда во всемъ приволье
Въ странѣ сей каждый могъ найти.
Ужъ было, подлинно, раздолье!
Я былъ тогда начальнымъ здѣсь,
Вся эта сторона лишь мнѣ повиновалась,
Лишь мною управлялась;
А нынѣ, поглядишь, во всемъ такая смѣсь,
Такая безтолочь—ужасно!
Да что и говорить напрасно:
Гдѣ станутъ заводить порядки,
Тамъ взятки будутъ гладки!
Птицъ стаи на работѣ у меня бывали:
Иные кормъ сбирали,
Другіе на досугѣ
Мнѣ вили гнѣзда, а нынче и въ прислугѣ—
Повѣришь ли—нуждаюсь я?
Хоть птицъ и наманилъ я изъ чужихъ лѣсовъ
Въ отъемный свой лѣсокъ, да мало;
Съ владычествомъ моимъ исчезшимъ все пропало.
Теперь пришлось терпѣть отъ самихъ куликовъ,
Не то отъ филина и совъ!
Такъ вотъ какая жизнь на старость за заслуги!
Вотъ свѣтъ теперь каковъ!

Къ тому-жъ нелегкая въ подруги
Кукушку подстрекнула взять,—
Она изволитъ лишь порхать
И, не смотря на лѣта,
Всегда какъ какаду одѣта,
Дѣтьми не занята—онѣ растутъ ей въ тягость,
Стыдится взрослыхъ—что самой
Нельзя казаться молодой.
Какая же въ сей жизни радость?
Взгляни, я съ головы всѣ перья потерялъ,
Отъ горя, отъ хлопотъ я каждый день дряхлѣю;
Мнѣ больно, что въ мой вѣкъ я мало такъ собралъ
И что на старости лишь крохами владѣю».
Такъ кречетъ съ кобцемъ разсуждалъ,
Вдругъ кобчикъ жалко запищалъ:
«Ахъ, грѣхъ тебѣ роптать на счастье!
Не страшны для тебя ни голодъ, ни ненастье,
Имѣешь ты уютный теплый кровъ;
Чего тебѣ бояться совъ?
Ты независимо, что собралъ, тѣмъ владѣешь,
Благодаря счастливымъ временамъ, все нужное имѣешь,
Съ избыткомъ даже, и притомъ
Еще за управленье
Стороны, съ которой ты нажилъ имѣнье,
Ты-жъ награжденъ орломъ,
И подлежащее сомнѣнью,
Все предано забвенью.
Вотъ мнѣ такъ подлинно пришлось хоть околѣть,
Иль въ глушь лѣсовъ съ тоски и горя улетѣть:
Въ чужихъ я гнѣздахъ вѣчно жилъ,
Чужое ѣлъ, чужое пилъ,
Гнѣзда же и на смѣхъ ни одного не свилъ.
Скажи, гдѣ видано, чтобъ кобчикъ зодчимъ былъ?—
Но было злой судьбѣ угодно,
Чтобъ взялся я за то, что мнѣ совсѣмъ не сродно.
О суетность! какъ часто ты
Показываешь намъ возможными мечты.
И я задумалъ зодчимъ быть,
Гнѣзда для ласточекъ лѣпить!
Мечталъ—отъ мелкаго толико построенья,

Хотя не наживу имѣнья,
Могу по̀ крайней мѣрѣ жить,
Могу кой-какъ себѣ гнѣздышко временно склеить.
Но всѣмъ ли, какъ тебѣ, расчеты удаются?
Иные какъ ни бьются,
Какъ ни стараются, успѣха нѣтъ, какъ нѣтъ!»...
—«Послушай, ты хоть сѣдъ»,
Кречетъ со злостью закричалъ,
«А толку вовсе въ тебѣ мало:
Меня ты тотчасъ обличалъ
И выдумалъ при томъ, чего и не бывало!
Подумай о себѣ! въ правдѣ грѣшно таиться—
Ты... даже въ глинѣ радъ скупиться!»

Конечно, всякому случалося слыхать
И межъ людьми подобны разговоры:
Гдѣ выгоды начнутъ считать,
Не обойдется тамъ безъ личностей и ссоры.
Кто прибыли не любитъ?
Хотя она иныхъ и губитъ.
Елизаветградъ, 1821 г. Октябрь.

4.

Сурокъ.

«Что? Каково дѣла идутъ?»
Спросилъ косой русакъ, увидѣвшись съ лисицей.
—Какъ видишь! Нашу степь почтемъ теперь столицей—
Все дышетъ радостью: кроты у насъ поютъ,
А хомяки плясать пустились.
Мы прежде такъ не веселились.
Все ожило съ тѣхъ поръ, какъ прибылъ къ намъ сурокъ.
Когда начальникомъ его къ намъ назначали,
Ты помнишь, многіе кричали,
Что онъ и старъ, и плохъ,
А нынѣ хвалятъ всѣ. И, подлинно, онъ милъ!
Изъ норки выскочитъ, на заднихъ лапкахъ станетъ,
Вкругъ норки все оглянетъ
И въ норку спрячется—работаетъ сверхъ силъ

По внутреннимъ дѣламъ. Веселымъ не мѣшаетъ—
Дѣла всѣ внѣшнія онъ намъ предоставляетъ,
Мы имъ даемъ движенье
Скорѣйшій ходъ и направленье.
«Кто-же по части сей»,
Спросилъ опять русакъ, всѣхъ старше изъ звѣрей?
Мнѣ съ просьбой, напримѣръ, къ кому адрессоваться»?
—Мы всѣ равны, лисицы былъ отвѣтъ,
И старшихъ между нами нѣтъ.
—«Напрасно станешь добиваться
Ты правды у лисы, ворчитъ подслушавъ ёжъ,
Одно лишь то не ложь,
Что всѣ дѣла идутъ
Такъ, какъ глядитъ косой и какъ тебѣ сказали.
Гдѣ всѣ равны и гдѣ всѣ пляшутъ да поютъ,
Бѣги веселостей, чтобъ не нажить печали.
Кинь просьбу—здѣсь ее не станутъ разбирать!
Самъ старенькій сурокъ изъ норки чуть вылазитъ,
А кто подъ именемъ его въ дѣлахъ проказитъ,
Не мудрено понять.
Сурокъ, быть можетъ, добръ, быть можетъ и уменъ,
Но старшій то не онъ,
Какъ съ многими бываетъ,
Коимъ судьба сверхъ силъ обязанность ввѣряетъ.
1826 г.

ВѢДЬМА.

(Полѣсскій разсказъ).

(ПРОДОЛЖЕНІЕ) [1].

Наступила ранняя и суровая зима. Въ послѣднихъ числахъ октября морозъ стянулъ ужъ землю и снѣгъ покрылъ ее бѣлой пеленою. Небесный сводъ былъ усѣянъ множествомъ звѣздъ, когда на дорогѣ, которая вела изъ сосѣдняго мѣстечка въ Сухую Долину, показались два крестьянина, шедшіе по направленію къ селу. Оба были невысокаго роста, а одинъ могъ даже назваться совершенно низкимъ; въ бараньихъ шапкахъ, кожухахъ и скрипучихъ сапогахъ, они шли то медленною и не совсѣмъ твердою походкою, то снова быстрыми, неровными шагами, разговаривая очень громко и постоянно размахивая руками. Оба были не совсѣмъ трезвы; громкіе голоса ихъ разносились на далекое пространство среди окружавшей тишины, имъ вторилъ также громкій и неровный звукъ собственныхъ шаговъ. Изъ словъ ихъ, отчетливо звучавшихъ въ тихомъ морозномъ воздухѣ, можно было догадаться, что оба возвращались изъ мѣстечка, гдѣ являлись въ мировой судъ.

— Мировый каже: заплатишъ штрапъ за те дерево... сказалъ одинъ, а другой говорилъ въ тоже время, не слушая товарища:

— Довгъ святе дило, каже, треба заплатити...

---

[1]) См. „Кіевская Старина“ 1886 г., майск. кн., стр. 490—519.

— Зрубавъ, каже, дерево въ паньскимъ лиси, шисть штукъ зрубавъ, каже, за кажне дерево по карбованцю штрапу заплатишъ... А якъ довгу, каже, не заплатишъ, то грунтъ опишуть та продадуть... Не продадуть, кажу, бо ще не выкупленый, зъ казны значить не выкупленый ..

— А я до мирового зъизду, продолжалъ другой собесѣдникъ... пишовъ до Хацкеля, кажу ёму писати прошеніе до мирового зъизду... Пиши, кажу, апеляцію, щобъ мени того штрапу не платити...

Первый продолжалъ свое:

— Я до старшины... Та що зъ того?... и жиду виненъ, и людямъ виненъ, а теперъ вони на мене позовъ подають, а судъ каже платити, а земля не выкуплена, значить, зъ казны не выкуплена и продати іи не можна... А жидъ недовирокъ, бисова ёго душа, заразъ и пытаеться: а багато даси, щобъ написавъ?—Дамъ злотого, кажу, пиши. А винъ дывиться мени въ вичи, ще й сміеться... Даси карбованця, каже. Не дамъ, кажу, далеби не дамъ... два злоты дамъ .. А винъ: карбованця даси... и обицявъ, далеби обицявъ карбованця... Шобъ ёго чорты...

Другой, котораго занималъ вопросъ объ уплатѣ долговъ, разсказывалъ свое, слегка шатаясь на ногахъ.

— Довидався я въ старшины, ой довидався... Щобъ ёго... Земли, каже, не опишуть, не вильно, бо ще не выкуплена, а господарство, каже, опишу, та й продамъ; зъ молотка, значить, продамъ, зостанетесь въ самихъ сорочкахъ... на що було гроши позычати?

Оба вдругъ остановились и посмотрѣли въ лице другъ другу.

— Якове! произнесъ одинъ.

— Семене! отвѣчалъ другой.

— Га? спросили оба въ одинъ голосъ.

— Якъ-бы то чоловикъ бувъ багатый!

— Эге!

— Тобъ и грошей не позычавъ!

— Але!

— А то девъять душъ въ хати ..

— Въ мене тринадцятеро, та ще й двое въ колысци...

— Грунтъ такій кепській, що хочъ плачъ...

— А клуня то вже й зовсимъ завалилась... думаю соби, дебъ его лису взяти?.. Отъ и поихавъ у лисъ въ ночи... то й що? Хиба самъ Богъ для одного лисъ насадивъ? для всихъ насадивъ...

— Прыйдеться землю жидови за довгъ въ аренду пустити... а самому, хочъ крадькома, до якого двору за наймита стати... Ой, гирька доля прыйшла на мене й на моихъ дитокъ? .

— Ой, гирька доля прыйшла й на мене при старости, на мою сиву голову!..

Оба провели по глазамъ рукавомъ кожуха и, громко вздохнувши, пошли дальше рядомъ. Они приближались уже къ старому кресту, возвышавшемуся на распутьи. Впереди блестѣли два освѣщенныя окна корчмы, далѣе темнѣли *клуни* и хлѣвы, а въ нѣкоторомъ отдаленіи одиноко среди полей, между сухими остовами деревьевъ виднѣлось жилище кузнеца. При свѣтѣ звѣздъ можно было различить уже запертую и молчаливую кузницу, покрытую снѣгомъ крышу хаты и два блѣдныя, желтоватыя пятна—отблески свѣтившагося внутри огня, прорывавшіеся сквозь обмерзшія оконныя стекла.

— Семене! произнесъ одинъ изъ проходившихъ мимо креста людей, указывая рукою по направленію къ этому жилищу.

— Ну?

— Отъ тамъ грошей сила!

— Де се?

— А въ Ковалихи.

— Эге! подтвердилъ Семенъ; багати люде, живуть соби по паньски...

— Чому имъ не жити, коли чортъ запомагае видьми.

— Помагае, чи ни, а имъ таки добре, коли мають гроши, замѣтилъ Семенъ, помолчалъ съ минуту и, махнувъ рукою, проворчалъ:

— То й що зъ того? Песъ кудлатый, ёму тепло; чоловикъ багатый, ёму добре.. Ковалеви зъ жинкою добре, а мени одъ того не легше...

— Ще й важче на чуже добро дивитись, якъ самому гирько на сьвити...

— Але!

Вдругъ Яковъ Шишка остановился какъ вкопанный и, протянувъ руку къ хатѣ кузнеца, произнесъ тихимъ сдавленнымъ голосомъ:

— Бачивъ, Семене, бачивъ?

Семенъ также остановился и смотрѣлъ молча съ открытымъ ртомъ, не въ состояніи будучи выговорить ни слова. Неожиданнымъ явленіемъ, такъ сильно поразившимъ обоихъ крестьянъ, была просто на просто падающая звѣзда, которая какъ бы оторвалась отъ темнаго небеснаго свода, золотистою змѣйкою промелькнула въ воздухѣ, блеснувши на секунду яркимъ свѣтомъ, и потухла надъ самою хатою кузнеца. Яковъ повторилъ вопросъ.

— Бачивъ ты?

— Чому не бачивъ? бачивъ! прошепталъ Семенъ; про ихъ балакали, на ихъ хати и зирка впала...

Яковъ покачалъ головою и громкій, злобный смѣхъ вырвался изъ его узкой, старой груди.

— Ой ты дурный, дурный! То ты думаешъ, що то справди зирка впала?

— Але!

— Та тожъ чортъ видьми гроши кризь коминъ понисъ!

— Не вже? крикнулъ Семенъ и, поднявъ руку ко лбу, началъ креститься.

— Та хиба-жъ ты николи такого не чувъ?

— Та я чувавъ, що воно бувае на сьвити, тилько николи не доводилось бачити самому...

— Ну, то теперъ побачивъ... Во имя Отца, и Сына, и святого Духа...

— Аминь! кончили оба въ одинъ голосъ, а Семенъ еще разъ издалъ протяжный возгласъ удивленія, послѣ чего шелъ дальше уже болѣе вѣрными и ровными шагами, какъ будто винные пары совсѣмъ исчезли изъ его головы. Онъ глубоко раздумывалъ надъ чѣмъ-то и наконецъ отозвался.

— Якове!

— Га?

— Знаешъ що? Я-бъ вже й чортивськими грошима не погордувавъ, абы тильки зъ биды вызволитись, абы господарства не описували та не продавали...

— Якъ знаешъ... якъ хочешъ... отвѣчалъ Яковъ двусмысленно.

— Може-бъ Ковалиха и позычила... продолжалъ Семенъ колеблющимся голосомъ.

— Якъ знаешъ... якъ хочешъ... тилько зле буде...

— Чому зле?

— А такъ, не годиться христіяньську душу запродавати.

— И то правда...

— Ты цёго не роби, поучалъ Яковъ, поднявъ вверхъ палецъ, не годиться... Треба буде попови на сповиди признатись, що мавъ таке скушенье... Семенъ опять задумался, но черезъ минуту быстро поднялъ голову съ внезапною рѣшимостью.

— Ты-жъ ходивъ красти дерево у паньскому лиси, якъ самому треба було клуню будовати, га?

— Ой, ты дурню Божый! вскрикнулъ Яковъ, хиба-жъ можно таке приривняти? Тожъ Божый лисъ, що самъ Богъ для всихъ насадивъ, а видьмыни гроши одъ нечистого и сама вона ворогъ и людямъ, и Богови...

— То що! возражалъ Семенъ, однаково мировый звеливъ тоби заплатити штрапъ, а ты мени дурня не тычъ... Чуешъ? Не маешъ права! Самъ дурень, та ще й злодій до того!

Уже начиналась ссора, какъ вдругъ ихъ облилъ яркій свѣтъ изъ оконъ корчмы, мимо которой они проходили въ ту минуту. Изъ корчмы доносился гулъ разговоровъ и звуки скрипки. Оба остановились, какъ вкопанные.

— Зайдемъ! сказалъ Семенъ.

— Зайдемъ, согласился Яковъ.

— На хвилину.

— На хвилину, тилько розважитись...

Довольно обширная и низкая комната корчмы съ глинянымъ поломъ и почернѣвшими отъ грязи лавками была ярко освѣщена смолистыми лучинами, воткнутыми въ расщелины печи, сверху до низу завѣшенной высыхающимъ отъ стирки бѣльемъ шинкаря и его семейства. На длинномъ, узкомъ столѣ горѣла сальная свѣчка, криво вправленная въ выдолбленную рѣпу, и стояло нѣсколько оловянныхъ рюмокъ, изъ какихъ крестьяне обыкновенно пьютъ водку въ шинкахъ. Ихъ только что опорожнили сидѣвшіе на лавкахъ вокругъ стола спокойные, серьёзные хозяева, которые вели между собою громкую, но въ тоже время серьёзную и мирную бесѣду. Хорошіе кожухи съ широкими черными или сѣрыми бараньими воротниками, тяжелые и высокіе до колѣнъ сапоги, выраженіе ихъ спокойныхъ или улыбающихся физіономій—все свидѣтельствовало о томъ, что это были самые зажиточные и найболѣе уважаемые хозяева Сухой Долины. Собрались они здѣсь не для пьянства или шумнаго веселья, а во первыхъ для того, чтобы провести въ компаніи воскресный зимній вечеръ, а во вторыхъ и для того, что-бы потолковать и посовѣтоваться о дѣлахъ, касавшихся интересовъ цѣлаго села. Каждый сейчасъ-же потребовалъ себѣ водки и выпилъ оловянную рюмку, любезно обращаясь къ сосѣдямъ съ пожеланіями: будьмо здорови! дай Боже щастья! Затѣмъ отодвинули рюмки на середину стола и болѣе уже не прикасались къ нимъ. Выпили по крючку и довольно! Если-бы представился какой нибудь благовидный предлогъ: крестины, свадьба, какая нибудь выгодная продажа или что нибудь подобное, они выпили бы, конечно, гораздо больше; но такъ просто, безъ оказіи они не привыкли напиваться, каждый уважалъ въ себѣ достоинство зажиточнаго хозяина и порядочнаго человѣка, отца семейства и бывшаго прежде или современнаго должностнаго лица въ общинѣ.

Въ самой серединѣ этой группы помѣщался Петръ Джурджа; рядомъ съ нимъ, облокотившись на столъ руками, развалился

Максимъ Бодрукъ, дальше на лавкѣ сидѣлъ старый Лобода и два его взрослые сына, уже давно женатые, за ними еще нѣсколько другихъ и наконецъ въ самомъ углу хаты, куда меньше всего достигалъ свѣтъ, сидѣлъ Степанъ Джурджа. Онъ всегда старался держаться вмѣстѣ съ найболѣе уважаемыми и обходительными жителями села, вмѣстѣ съ ними принимать участіе въ разговорахъ о дѣлахъ общественныхъ и играть дѣятельную вліятельную роль въ селѣ. Смѣлый и самолюбивый, онъ постоянно стремился къ тому, чтобы что нибудь значить, чѣмъ нибудь управлять; но не смотря на то, что ему было уже около сорока лѣтъ, онъ все таки никогда не могъ достичь желанной цѣли. Его угрюмость и вспыльчивость отталкивали отъ него людей, подрывали также уваженіе къ нему и значеніе въ обществѣ его дурныя отношенія къ женѣ и малочисленность семейства. Правда у него было одно дитя, но такое, что онъ считался бездѣтнымъ, а для крестьянина бездѣтность прежде всего Божіе неблагословеніе, а затѣмъ близкое и неизбѣжное разореніе въ будущемъ. Совсѣмъ иначе смотрятъ люди на такую хату, въ которой подрастаютъ сильные парубки и работящія дивчата, чѣмъ на такую, гдѣ только двое одинокихъ людей, точно пара угрюмыхъ кротовъ, роютъ землю, безъ утѣхи въ настоящемъ, безъ надежды въ будущемъ. Въ такой хатѣ ни крестинъ, ни свадьбы, не слышно ни шумныхъ игръ юношей, ни звонкаго дѣвичьяго пѣнія. Сюда никогда не заходятъ люди и никогда не садятся вокругъ уставленныхъ всякими яствами столовъ. Будь тамъ, Богъ знаетъ, какое богатство, но какъ никогда не представляется никакого случая къ житейскимъ сношеніямъ, взаимнымъ одолженіямъ и пріемамъ, то поэтому и людская пріязнь и уваженіе не имѣютъ возможности проявиться, окрѣпнуть и возрасти. Но если ко всему этому въ хатѣ еще постоянныя ссоры и драки между супругами, Богу въ оскорбленіе, людямъ на посмѣшище, тогда уже бездѣтный и безнадежный крестьянинъ, обреченный на разореніе имущества и людскія насмѣшки, долженъ сидѣть молчаливо и печально среди самой веселой и многолюдной бесѣды, какъ сидѣлъ теперь Степанъ Джурджа въ

темномъ углу, мучимый тоскою и злостью. Онъ нѣсколько разъ начиналъ говорить и каждый разъ убѣждался, что никто не хотѣлъ его слушать. Между тѣмъ рѣчь шла о такихъ предметахъ, которые были ему извѣстны лучше, чѣмъ кому нибудь другому: о лугахъ и нивахъ, на которыя все сельское общество имѣло претензію и за которые намѣревалось объявить процессъ ихъ временному владѣльцу. Процессъ стоилъ дорого, расходы нужно было разложить на всѣхъ жителей села, пропорціонально той части, какую долженъ былъ получить каждый. Степанъ быстрѣе всѣхъ другихъ дѣлалъ такого рода ариѳметическія вычисленія, наконецъ лучше всѣхъ зналъ эти земли и луга, а между тѣмъ обходились безъ его помощи и совѣта, заглушали его слова, а когда онъ пробовалъ перекричать другихъ, даже толкали его локтемъ, заставляя молчать. Сосѣдъ его, молодой крестьянинъ, не любившій заводить ссоры, отодвинулся отъ него на аршинъ, опасаясь, чтобы злость Степана не вызвала его на перебранку; тоже сдѣлалъ Антонъ Бодрукъ, братъ Максима, сельскій староста. Степанъ Джурджа почувствовалъ себя одинокимъ и оскорбленнымъ, выругался въ полголоса, отодвинулся подъ самую стѣнку, потребовалъ себѣ цѣлую кварту водки и пилъ молча, какъ волкъ сверкая въ темнотѣ глазами.

Совсѣмъ иначе держалъ себя Петръ Джурджа. Онъ въ теченіи шести лѣтъ исполнялъ должность сторосты и поэтому хорошо зналъ степень состоятельности всѣхъ крестьянъ и сразу могъ опредѣлить, какую долю общихъ расходовъ долженъ былъ каждый принять на себя. Антонъ Бодрукъ, еще недавно сдѣлавшійся старостою, совѣтовался съ нимъ о томъ, о семъ, другіе слушали, одобрительно качая головами. Со сложенными на колѣнахъ руками, съ длинными волосами, которыхъ сѣдыя пепельныя пряди спадали на черный бараній воротникъ кожуха, съ блѣднымъ опухлымъ лицемъ, оживленнымъ на этотъ разъ бесѣдою и недавно выпитою рюмкою, Петръ разсказывалъ пространно и обстоятельно, слова лились изъ его устъ медленно и протяжно, какъ бы лѣнивый, тихо струившійся ручей. Онъ припоминалъ, когда и какія земли и луга отошли отъ Сухой До-

лины, какъ разсказывали объ этомъ отцы, соображалъ, какія выгоды для села могло-бы принести ихъ возвращеніе, даже вздыхалъ, вычисляя ихъ,—такою заманчивою казалась ему эта перспектива.

Однако, не смотря на довольно сильное стремленіе къ земнымъ благамъ, Петръ не забывалъ и небесныхъ; поднявъ къ верху указательный палецъ, онъ заключилъ свое разсужденіе такими словами:

— На все воля Божа! Якъ Богъ схоче, то й покаже намъ таку ласку, а не схоче, то й не дасть ничого. И терпи чоловиче, бо така вже воля Божа...

И за тѣмъ прибавилъ:

— Противъ Бога, якъ той казавъ, ничого не зможешъ. Нечисту силу хочъ святымъ хрестомъ переможешъ, а Божои то вже ничимъ не подужаешъ... Якъ Богъ схоче, такъ воно й буде.

Эти слова всегда вызывали вздохъ у слушателей, что не мѣшало имъ однако разсуждать о земныхъ выгодахъ съ живымъ и даже страстнымъ интересомъ. Вздыхалъ также и Петръ, но его сѣрые глаза подъ густыми нависшими бровями сіяли по временамъ такимъ веселіемъ, какое показывалось въ нихъ очень рѣдко. Это выраженіе появлялось въ нихъ каждый разъ, когда онъ случайно или съ намѣреніемъ взглядывалъ въ тотъ конецъ корчмы, гдѣ веселилась и забавлялась небольшая группа молодежи. Нѣсколько взрослыхъ *парубковъ* и душъ пять *дивчатъ*, окруживъ сидѣвшаго въ углу музыканта, то требовали, чтобы онъ игралъ, и начинали танецъ, то вдругъ прерывали его для какой нибудь забавы, или гонялись другъ за другомъ, подымая съ полу цѣлое облако пыли, а темный дымъ разлетался клубьями во всѣ стороны отъ пылающей смолистой лучины. Среди этой забавы поминутно раздавались восклицанія мужчинъ и пискливые женскіе возгласы, громкій смѣхъ, шутливые споры, топотъ ногъ и непрерывный пискъ скрипача. Бѣлыя рубахи и синія юбки дѣвушекъ мелькали въ пыли и дыму между сѣрыми или синими одеждами мужчинъ. Климъ распоряжался танцами въ этомъ немногочисленномъ кружкѣ веселившейся моло-

дежи. Шесть недѣль назадъ поднялся онъ послѣ тяжелой болѣзни, которой на немъ уже не было замѣтно и слѣда. Во время болѣзни онъ безчисленное множество разъ держалъ въ рукахъ зажженную восковую свѣчку, выпилъ безчисленное множество травъ, какія приносили ему бабы со всего села, исповѣдывался и готовился къ смерти и потерялъ кварту крови, которую выточилъ привезенный изъ мѣстечка фельдшеръ. Все это время старое евангеліе лежало на подушкѣ надъ самою его головою; отецъ заказалъ для него въ церкви три заздравныя обѣдни; наконецъ онъ выздоровѣлъ, поправился и черезъ двѣ недѣли выглядѣлъ, какъ ни въ чемъ не бывало. Съ той поры Петръ любилъ подробно и пространно разсказывать о болѣзни и выздоровленіи сына. По его словамъ, она вызвана была нечистою силою, которую побѣдила Божеская сила. Говоря о первой, онъ сжималъ кулаки, отплевывался съ отвращеніемъ, глаза его сверкали гнѣвомъ и ненавистью; напротивъ къ Божеской силѣ онъ чувствовалъ глубокую благодарность и благоговѣніе и при воспоминаніи о ней наклонялъ голову, а глаза невольно подымались къ небу. Теперь Климъ былъ первымъ въ играхъ и танцахъ и его поминутно можно было видѣть вдвоемъ съ красивою Настею Бодруковою, дочерью Максима. То они стояли передъ музыкантомъ, заставляя его играть для себя и приготовляясь къ танцамъ, то онъ гнался за нею и со всего размаху опрокидывалъ ее на лавку, такъ что она вскрикивала отъ боли, и какъ будто разсердившись, отходила въ уголъ и поворачивалась къ нему спиною, а онъ извинялся, стоя за нею, и звалъ опять въ игру, скрививши, какъ будто плакалъ, а самъ заливался громкимъ смѣхомъ на всю хату. Петръ съ видимымъ удовольствіемъ смотрѣлъ черезъ головы сидѣвшихъ передъ нимъ сосѣдей на шутки сына, замѣтно развлекавшія его среди разговора. Смѣясь тихимъ груднымъ смѣхомъ, онъ любовался видомъ прекрасной пары, какую представляли Климъ съ Бодруковой. Дѣвушка должна была принести съ собою въ домъ мужа довольно значительное приданое, сверхъ того она была красивая и работящая, держала себя прилично и Гапка очень любила ее.

Поэтому, если-бы Климъ женился на ней, то, кромѣ всѣхъ прочихъ выгодъ, было-бы обезпечено согласіе между свекровью и невѣсткою. Проектъ этого брака давно уже складывался въ головѣ у Петра, какъ вдругъ ни съ сего, ни съ того открылись какія-то ухаживанія Клима за Приською, бѣдною дѣвушкою, внучкою одного изъ самыхъ послѣднихъ жителей села и въ добавокъ вора. Едва Климъ оправился послѣ болѣзни, Петръ спросилъ у него:

— Чи ты тую Приську зъ якими думками зачипавъ, чи такъ соби?

Юноша сильно застыдился и отвѣчалъ, закрывъ лице рукою:

— Такъ соби!

— А не думавъ зъ нею оженитись!

— Нехай зъ нею чортъ жениться, а не я! прозвучалъ сердитый отвѣтъ.

— Ну, а Настю Бодрукову хочешъ взяти? продолжалъ отецъ свой допросъ.

Климъ прикрылъ рукою ротъ и засмѣялся.

— Чому ни, тату?

Даже глаза его заблестѣли отъ радости. Настя была очень красивая дѣвушка, но онъ думалъ также и о богатомъ приданомъ. Рѣшили посылать сватовъ тотчасъ по окончаніи Филиппова поста.

Теперь молодежь, взявшись за руки, стала въ кругъ посреди избы, куда вскочила въ шутку для всеобщей потѣхи какая-то старая приземистая баба, съ маленькой подушечкой въ рукахъ, взятой для этого у шинкаря. Подъ быструю рѣзкую музыку скрипокъ кругъ танцующихъ съ сильнымъ топотомъ вертѣлся вокругъ этой бабы, которая также прыгала, подбоченившись одною рукою, а другою высоко подымая подушечку, и съ потѣшными гримасами запѣвала:

Подушечки, подушечки,
А вси пуховіи...
Молодыци, молодыци,
Зовсимъ молодіи...

Среди публики раздался громкій хохотъ, такъ мало соотвѣтствовали слова пѣсни этой сморщенной, приземистой, хотя еще сильной и веселой бабы, которая продолжала пѣсню.

Кого люблю, кого люблю,
Того поцилую:
Подушечку пуховую
Тому подарую.

Съ послѣднимъ словомъ пѣсни она бросила подушкою въ Ивася Джурджу и, обхвативъ его руками, хотѣла нѣсколько разъ обкружиться съ нимъ, согласно съ правилами танца. Но онъ счелъ для себя позоромъ, что такая непривлекательная танцорка подарила его своимъ вниманіемъ, оттолкнулъ ее кулакомъ и съ глуповатымъ видомъ, съ разгнѣванными глазами, стоялъ какъ столбъ посреди хаты. Почтенныя хозяйки, сидѣвшія вдоль стѣны на лавкѣ, просто ложились отъ смѣху; даже мущины прекратили дѣловой разговоръ и съ улыбкою на лицѣ смотрѣли на шумныя игры молодежи.

Опять составился кружокъ, только на этотъ разъ въ серединѣ его стояла Настя Бодрукова, которую насильно вытолкнули впередъ другія дѣвушки. Скрипки продолжали играть, а высокая дѣвушка съ толстою косою на спинѣ, съ грудью, увѣшанною стекляными бусами, подняла вверхъ подушечку и не прыгая, какъ первая танцорка, а кружась медленно и граціозно, громко запѣла, заглушая топотъ ногъ.

Подушечки, подушечки,
А вси пуховіи...
Молодыци, молодыци,
Зовсимъ молодіи...

Тутъ цѣлый кружокъ подхватилъ пѣсню и началъ хоромъ вторить голосу дѣвушки, покрывавшему всѣ другіе голоса.

Кого люблю, кого люблю,
Того поцилую;
Подушечку пуховую
Тому подарую.

Подушечка въ клѣтчатой наволокѣ, брошенная рукою дѣвушки, ударила Клима въ лице такъ сильно, что онъ весь покраснѣлъ, а густые золотистые волосы разбились у него надъ головою. Настя тотчасъ схватила его за плечи обѣими руками, онъ обхватилъ ее за талію и они кружились такъ долго, что уже и правила танца не требовали этого. Но расходившемуся парубку и этого было мало. Онъ приказалъ музыканту играть *ворона* и пустился со своею танцоркою въ этотъ быстрый головокружительный танецъ, который исполняется почти на одномъ мѣстѣ и прерывается прогулкою въ двоемъ вокругъ избы. Золотистые волосы парубка развѣвались надъ его головою, длинная коса дѣвушки съ красною лентою на концѣ летала въ воздухѣ, стекляные бусы звенѣли у нея на шеѣ, вмѣстѣ съ блестящими позолоченными крестиками и образками. А когда, утомленные продолжительнымъ круженіемъ на одномъ мѣстѣ, они начинали ходить вокругъ хаты, онъ подымалъ вверхъ горящее лице, а голубые глаза его сіяли радостнымъ блескомъ; она, обнявъ его одною рукою, сжимала въ ней его синій кафтанъ, другою отирала передникомъ катившійся по лицу потъ. Такъ они обходили два-три раза вокругъ избы медленными, мѣрными шагами, по временамъ притопывая ногами и напоминая собою молодой дубъ и бѣлую березу. Теперь уже всѣ старшіе обратились въ эту сторону и смотрѣли на танцующую пару. Петръ Джурджа, поднеся къ губамъ еще полъ-рюмки водки, смѣялся своимъ тихимъ, спокойнымъ груднымъ смѣхомъ; Максимъ Бодрукъ какъ бы безпечно поглядывалъ на дочь, а между тѣмъ глаза его свѣтились радостью. Оба сосѣда невольно переглянулись между собою, поняли другъ друга и кивнули головою.

— Якъ-бы тилько воля Божа... произнесъ Петръ.

— Чому не мае бути воли Божои? отвѣчалъ Бодрукъ.

Жена его, которая сидѣла подъ стѣною вмѣстѣ съ другими женщинами и еще раньше выпила рюмку водки, прослезилась и съ чувствомъ обратилась къ сосѣдкамъ.

— Я вже того Клима якъ свого ридного сына люблю, далеби, однаково...

Въ эту самую минуту вошли въ корчму Яковъ Шишка и Семенъ Джурджа. Никто не обратилъ на нихъ ни малѣйшаго вниманія. Уже по одной ихъ одеждѣ можно было узнать, что они занимали послѣднее мѣсто въ томъ обществѣ, среди котораго жили. Кожухи на нихъ были старые, изношенные, безъ воротниковъ, лоснящіеся отъ грязи; сапоги дырявые и повидимому употреблявшіеся въ теченіи многихъ лѣтъ для ходьбы только зимою въ морозы и снѣгъ, даже шапки въ заплатахъ, съ изорванною бараньею опушкою. О фигурахъ и лицахъ ихъ нечего и говорить. Правда старый Шишка держался прямо и всегда принималъ нѣсколько торжественную осанку, но онъ былъ малаго роста, худощавый, смотрѣлъ на свѣтъ маленькими, блестящими глазами какъ-то изъ подълобья, быстрымъ и недовѣрчивымъ взглядомъ, съ блуждающею неискреннею усмѣшкою на старыхъ сухихъ губахъ. Что касается Семена, походка его была тяжелая и несмѣлая, цвѣтъ лица желтый, глаза красные и постоянно влажные; во всемъ лицѣ замѣчалось выраженіе угнетенности, когда онъ былъ трезвымъ, и настойчиваго упрямства, какъ только водка начинала шумѣть въ головѣ. На этотъ разъ онъ былъ еще не много выпивши и потому робко, почти согнувшись, пробрался чрезъ общую комнату и вмѣстѣ съ Яковомъ вошелъ чрезъ узкую дверцу въ другую, значительно меньшую, въ которой помѣщался шинкарь съ семействомъ. Оттуда слышно было, какъ оба они громко и запальчиво говорили съ евреемъ, перебивая и подталкивая другъ друга локтями, поминутно начиная ссору съ хозяиномъ, который также громко и сердито требовалъ денегъ отъ обоихъ, особенно отъ Семена. Это однако не помѣшало дать имъ по двѣ рюмки водки. Выпивши свою порцію, Семенъ сталъ со слезами жаловаться на горькую долю свою и своихъ дѣтей, затѣмъ потребовалъ еще одну рюмку, а когда шинкарь не хотѣлъ больше давать въ долгъ, началъ громко ругаться, грозя кулаками. Еврей уступилъ и еще далъ водки, акуратно записывая каждую рюмку мѣломъ на дверяхъ. Семенъ выпилъ, его влажные глаза развеселились и заблестѣли, онъ надвинулъ шапку по самыя брови и нетвердыми, большими

шагами вышелъ изъ корчмы. Нѣсколько минутъ стоялъ онъ въ нерѣшимости передъ корчмою и, казалось, о чемъ-то раздумывалъ, бормоча что-то про себя и съ большимъ напряженіемъ вглядывался въ ту сторону, гдѣ темнѣло среди поля одинокое жилище кузнеца; потомъ быстрыми шагами устремился по тропинкѣ, ведущей къ нему между клунями и огородами. Шелъ онъ сначала скоро и рѣшительно, потомъ все медленнѣе и медленнѣе, опустя голову и все время бормоча про себя что-то непонятное. Раза два онъ пошатнулся и долженъ былъ ухватиться руками за плетень, наконецъ остановился передъ кузницею и снова задумался. Очевидно его мучило какое-то безпокойство; онъ поднялъ руку, перекрестился и сдѣлалъ еще нѣсколько десятковъ шаговъ. Въ трезвомъ состояніи онъ непремѣнно воротился-бы съ полъ-дороги, а можетъ быть и совсѣмъ не пошелъ-бы въ ту сторону, но водка придавала ему смѣлости и отымала разсудокъ. Положа руку на щеколду двери, онъ еще разъ перекрестился и вошелъ въ хату кузнеца.

Самого Ковальчука не было дома; согрѣтая теплотою печи въ этотъ длинный зимній вечеръ, Оксана незамѣтно уснула на своемъ сѣнникѣ. Прялка съ золотистою пряжею торчала надъ ея сѣдою головою, только что опущенное веретено свѣшивалось съ печи на крѣпкой ниткѣ; подъ руками ея, распущенными на подобіе крыльевъ, скорчившись, какъ прозябшія птички, спали двѣ маленькія, румяныя дѣвочки. Тишина и полумракъ наполняли хату, горѣвшій въ печи огонь отражался блѣдными искрами въ оконныхъ стеклахъ, которыя морозъ расписалъ самыми замысловатыми, фантастическими узорами и листьями. Сидя на стулѣ передъ огнемъ, Василина чинила одежду своего семейства и время отъ времени посматривала на кипѣвшій въ печи ужинъ; у ногъ ея лежало нѣсколько дѣтскихъ рубахъ, а сама она обшивала зеленою тесьмою кафтанъ мужа. Нѣсколько истекшихъ мѣсяцевъ значительно измѣнили выраженіе ея лица: узкій лобъ утратилъ прежнюю кроткую ясность, а въ очертаніи губъ замѣчалась тихая, но глубокая грусть. Однако она сохраняла прежнюю свѣжесть, румяное лице ея и стройная фигура по пре-

жнему дышали силою и здоровьемъ молодости. Прокалывая грубое сукно толстою иголкою и протягивая руку съ ниткою, она протяжно напѣвала въ полъ-голоса грустную крестьянскую балладу.

Мати сына зтиха научае:
«Чомъ ты, сыну, жинки не караешъ?»
«Ой маю, маю нагайку малую,
Та буду карати жинку молодую!»
Зъ вечора комора крикомъ застогнала,
А зъ пивночи постиль громко говорила,
А сьвитаючи Ганнуся не жила.

Пѣвица смолкла на минуту, вдѣла нитку въ иголку, посмотрѣла на огонь сѣрыми глазами и, снова наклонившись надъ шитьемъ, затянула протяжнымъ тономъ:

«Эй мати, мати, покійныця въ хати,
Порадь-же теперъ, де жинку сховати?»
«Завези Ганнусю у чисте поле,
Скажуть люде, що Ганнуся пшеныцю поле,
А самъ ïдь на торгъ до Янова»...
У Янови браты Ганнуси похожають,
Та у затя сестры своеи пытають:
«Де подивъ Ганнусю, нашу сестру?»
Прыихавъ до дому. Слуги мои вирніи,
Подайте мени кони вороніи,
Поиду я до Ганнуси въ поле.
Подайте мини скрипку гримкую,
Заграю я свою долю гиркую...
Бодай-же ты, мати...

Дверь хаты отворилась съ протяжнымъ скрипомъ, Василина прервала пѣсню и, повернувъ голову, увидѣла входившаго Семена. Она хорошо знала его и не удивлялась его приходу; можетъ быть, подумала, онъ пришелъ по дѣлу къ ея мужу, и привѣтливо кивнула головою.

— Добры вечиръ, дядьку! Якъ ся маете?

Семенъ не отвѣчалъ ни слова, колеблющимися шагами подошелъ къ Василинѣ и пристально всматривался въ нее, раскрывъ ротъ. Въ мутныхъ глазахъ его смѣшивалось выраженіе любопытства и тревоги, дикаго желанія и нѣжной чувствительности, отъ чего онъ казался отчасти и страшнымъ и въ тоже время смѣшнымъ. Сильный запахъ водки шелъ изъ открытаго рта прямо въ лице Василины. Спрятавъ руки въ рукава кожуха, онъ началъ тревожно и вмѣстѣ съ задоромъ.

— Василино, я до тебе зъ прозьбою...

— А чого хочете? спросила она.

— Щобъ ты мени грошей позычила... Ходивъ нынька до мирового у судъ... Каже, довгъ заплатити треба... Землю продадуть, каже... Не продадуть, кажу, бо ще не выкуплена, зъ казны, значить, не выкуплена. А винъ, щобъ ему ноги покрутило, каже довгъ платити... Я до старшины...

Такъ говорилъ онъ довольно долго, по нѣсколько разъ повторяя одно и тоже; Василина слушала его терпѣливо, занятая своимъ шитьемъ, наконецъ подняла голову и спросила

— То що-жъ я можу вамъ порадити, дядьку?

— Позычъ грошей, повторилъ крестьянинъ, подступая ближе.

— Нема, далеби нема; дежъ-бы въ мене гроши взялись? Вси знають, що мене чоловикъ взявъ въ самій спидныци, въ драній свитыни. И въ ёго нема, далеби нема. Достатокъ въ хати, дякувати Богу, есть, а грошей немае... Мы ще обое молоди... Коли-жъ намъ було грошей придбати?

— Брешешъ! проворчалъ Семенъ; въ тебе грошей багато, скилько душа забажае.

И перемѣняя сердитый тонъ на просящій, прибавилъ:

— Позычъ, Василино, змилуйся, позычъ... Що тоби пошкодить, якъ ты своему пріятелеви скажешъ, щобъ тоби бильше грошей прынисъ? Винъ заразъ и принесе...

Молодая женщина съ изумленіемъ устремила глаза въ лице крестьянина, которое отъ водки и волненія начинало покрываться кирпичнымъ румянцемъ.

— Чи вы збожеволили? Якій-же то въ мене пріятель, щобъ мени гроши носивъ?

Семенъ поднялъ руку ко лбу, какъ-бы желая перекреститься и отвѣчалъ съ глуповатымъ видомъ, тихимъ отъ страха голосомъ:

— А чортъ-же! Га? Або-жъ винъ тоби грошей не носить, га?

При этихъ словахъ Василина, какъ опаренная, вскочила со стула, съ широко раскрытыми глазами, и вскрикнула, протянувъ руки впередъ, какъ-бы защищаясь отъ чего-то.

— Що ты выгадуешъ, чоловиче? Бійся Бога, схаменись...

— А таки носить .. повторялъ Семенъ, подступая еще ближе и не сводя съ нея глазъ.

Она быстро и громко заговорила:

— Мене въ церкви Божій охрещено! Мене змалку що-дня хрестили на ничъ святымъ хрестомъ! Я души своеи жаднымъ смертельнымъ грихомъ не загубила.

— А таки носить! повторилъ крестьянинъ, стоя уже прямо передъ нею,—я самъ бачивъ нынька, якъ винъ, такій огненный, летивъ у коминъ до твоеи хаты...

Въ широко раскрытыхъ глазахъ Василины отразился испугъ.

— Брешешъ! крикнула она и, видно было, ей страстно хотѣлось, чтобы слова эти тотчасъ же оказались ложью.—Брешешъ! признавайсь, що сбрехавъ!

— Накажи мене Богъ, бачивъ... отвѣчалъ Семенъ, ударивъ себя въ грудь и опять началъ свое.

— Позычъ, Василино, змилуйся, позычъ... Я вже й на бисови гроши згожусь, абы вылизты съ теи гиркои недоли... дай хочъ бисовыхъ...

Онъ продолжалъ наступать, толкая ее къ стѣнѣ, приближая лице къ ея лицу и обдавая ее запахомъ водки.

— Я до тебе, якъ до матери, Василино; хочъ ты й видьма, але я до тебе, якъ до ридпои неньки... порятуй... нехай вже й на мени буде той великій грихъ... подилымось зъ тобою и

грошима и грихомъ... Я до тебе, якъ до матери и заступныци... Хочъ ты и видьма, але я до тебе, якъ до матери...

Гнѣвъ, страхъ, отвращеніе къ этому пьяницѣ, который своимъ порокомъ приводилъ въ нищету жену и дѣтей и подстерегалъ летающихъ надъ ея крышею чертей,—всѣ эти чувства разомъ охватили Василину и пробудили въ ней необычайную для нея самой силу.

— Геть! крикнула она съ сверкающими глазами, топнувъ о полъ ногою, и схвативъ его за кожухъ, отперла дверь и вытолкала въ темныя сѣни. Впрочемъ, это было не такъ трудно: пьяный крестьянинъ очень не твердо держался на ногахъ; онъ зашатался въ темныхъ сѣняхъ, такъ что едва удержался за наружную дверь и оттуда крикнулъ еще разъ:

— Не даси? таки не даси грошей?

Но Василина уже заперла дверь изнутри на желѣзную задвижку. Семенъ подошелъ подъ замерзшее окно и продолжалъ, то выкрикивая, то бормоча въ полъ-голоса:

— Я до тебе... вимьмо ты... якъ до матери... дай грошей... змилуйся... дай хочъ бисовыхъ.. Не даси? таки не даси? Чуешъ? Василино! мировый каже, довги поплатити треба... Я до старшины... старшина каже, земли не продамъ, а господарство попродамъ... въ самихъ сорочкахъ зостанетесь... Ой, гирка-жъ моя доля й моихъ диточокъ! Василино! чуешъ? дай грошей... Що тоби пошкодыть? Твій пріятель принесе тоби знову, скильки сама забажаешъ... Не даси? таки не даси? Ну, почекай-же, я тоби дамъ, пропаща твоя душа... невирна... нечистій сыли запродана.. Памьятай-же!

Онъ медленно, шатаясь направился по тропинкѣ, ведущей къ корчмѣ и въ село, и размахивая въ воздухѣ сжатыми кулаками, поминутно повторялъ, то сердито вскрикивая, то бормоча про себя:

— Не дала! таки не дала! Проклята іи душа... бисова вира... нечистій сыли запродана... Дамъ я ій .. памьятатиме.

Василина уже больше двухъ мѣсяцевъ ни разу не ходила въ село. Страхъ обнималъ ее при одной мысли о встрѣчѣ съ

людьми и бабушка нѣсколько разъ повторяла ей, чтобы она держалась тихо, какъ рыбка на днѣ рѣки. Однако недѣлю спустя послѣ памятнаго посѣщенія Семена Джурджи, ей необходимо нужно было сходить къ Лободамъ; надо было отнесть *тальки*, которыя Оксана выпряла для Лободихи и которыхъ нельзя было дольше держать, не подвергаясь упрекамъ и осужденіямъ. Въ сумерки, пока мужъ еще работалъ въ кузницѣ, Василина обратилась къ старухѣ:

— Пиду, бабуню, нынька вже доконче пиду до Лободихи.

Это рѣшеніе видимо было не по сердцу Оксанѣ, но она все таки отвѣчала послѣ минутнаго молчанія:

— Иди, коли вже треба... тилько не налазь тамъ людямъ на очи... по-за токами йди.

— Пиду по-за токами, повторила Василина, надѣла кожухъ и сапоги, накрыла голову платкомъ, забрала мотки и вышла.

Оставшись съ дѣтьми на печи почти въ совершенной темнотѣ, Оксана начала разсказывать имъ сказку про змія. Это была длинная и страшная сказка, послѣ которой началась другая, такая смѣшная, что двое старшихъ дѣтей заливались отъ смѣха, а меньшая, Оленка, смѣялась вмѣстѣ съ ними, хоть и не могла еще хорошенько понять, въ чемъ дѣло. Маленькій Абрамко запищалъ въ своей люлькѣ и Оксана послала Стецька покачать брата. Мальчикъ спустился съ печи, взобрался на тапчанъ, подлѣ котораго висѣла люлька и вскорѣ мѣрный скрипъ крючковъ началъ вторить въ темнотѣ хриплому голосу старухи, разсказывавшей уже третью сказку. Вдругъ подъ окномъ и затѣмъ въ сѣняхъ послышался топотъ быстро бѣгущихъ ногъ, дверь съ шумомъ растворилась и вѣроятно осталась не запертою, потому что въ хату ворвалась струя холоднаго воздуха и въ темнотѣ раздался глухой крикъ, сдавленный отчаяніемъ и страхомъ.

— Господи! рятуйте! Ой я нещасна! вже бъють! кіями бъють. Ой, Боже мій милосердный!

Это былъ голосъ Василины, должно быть она упала на полъ, потому что глухой стукъ послышался среди хаты. Оксана,

на минуту онѣмѣвшая отъ испуга, заговорила дрожащимъ голосомъ.

— А що тоби, Василино? що тоби? Господи, помилуй насъ гришныхъ! що тоби?

Испуганная крикомъ и стукомъ, трехлѣтняя Оленка разразилась громкимъ плачемъ, за нею немного тише заплакалъ Абрамко; громкій, повелительный голосъ слѣпой старухи слышался отчетливо, не смотря на рѣзкій плачъ дѣтей.

— Не казись, Василино! Запали свитло. Диты плачуть поночи.

Тяжело, съ подавленнымъ стономъ поднялась съ земли молодая женщина, руки ея дрожали какъ въ лихорадкѣ, пока она разводила огонь и вставляла лучину въ расщелину печи. При дрожащемъ свѣтѣ разгоравшагося огня лице ея отчетливо выступало среди окружающей темноты, блѣдное какъ полотно, съ глубокими складками на лбу, съ сверкающими глазами. Платокъ упалъ съ головы, спутанные волосы покрывали шею и падали на лице, всего двѣ слезы блестѣли на рѣсницахъ, а между тѣмъ все тѣло ея тряслось отъ сильныхъ рыданій. Засвѣтивъ лучину, Василина обѣими руками схватилась за голову и какъ сумасшедшая заметалась по хатѣ. Она то останавливалась посреди хаты, держась за голову, съ широко раскрытыми глазами, то бросалась лицемъ на лавку или на столъ, то кидалась къ печи и, какъ-бы умоляющимъ жестомъ, протягивала къ бабушкѣ обѣ руки и въ тоже время говорила, какъ въ горячкѣ—быстро, безпорядочно, не переставая, то вскрикивая, то снова понижая голосъ до шепота. Такъ разсказывала она свое приключеніе, а Оксана, слушая этотъ разсказъ, выпрямлялась, какъ струна, на своемъ сѣнникѣ, губы ея двигались все чаще и чаще, а желтыя руки, можетъ быть, безсознательно искали головокъ маленькихъ внучатъ, которые молча, въ испугѣ сами прятались ей подъ руки и прижимались къ груди.

Василина разсказывала, что благополучно дошла къ Лободамъ, отдала *тальки*, поклонилась всѣмъ, какъ слѣдуетъ, но въ разговоры не вступала и сейчасъ-же отправилась назадъ тою же дорогою. На пути ее поджидали люди, очевидно знав-

шіе, что она будетъ возвращаться этою дорогою; они притаились за плетнемъ огорода и, когда она проходила мимо, кто-то ударилъ ее палкою по спинѣ два раза такъ сильно, что она упала на землю. Ударилъ ее Семенъ Джурджа, она хорошо узнала его, не смотря на сумерки, но за его спиною раздался смѣхъ Степана; Параска говорила что-то о деньгахъ и покупной юбкѣ, а Варка проклинала ее и называла вѣдьмою; кромѣ нихъ еще двое людей смѣялись и говорили что-то, но она не знаетъ уже, кто именно, потому что, поднявшись съ земли, бросилась бѣжать изо всѣхъ силъ. А они перелѣзли черезъ плетень на дорожку и преспокойно пошли въ корчму, медленно, не спѣша, какъ ни въ чемъ не бывало. Били уже, начали бить палками; Что тутъ дѣлать? за что ей такое несчастье?

Василина горько плакала, ломая руки; видно было, что страшное волненіе мутило ея разсудокъ и парализовало. Старуха зашептала на печи.

— Парубче Прокопе... ой, парубче Прокопе... чому я теперъ зновъ пригадала соби слезы й розмовы твоеи матери Прокопихи?

Бѣлые глаза раскрылись еще шире и она произнесла тѣмъже повелительнымъ голосомъ, что и раньше.

— Ставай на колина та молись Богу!

Она приказывала такъ, какъ будто внучка была еще маленькою дѣвочкою, а та въ свою очередь слушала ее, какъ ребенокъ, и тотчасъ опустилась на колѣни.

— Не такъ, замѣтила старуха, не такъ. Зними Оленку зъ печи, Абрамка визьми на руки, старшихъ поkличъ до себе... обними дитей руками и показуй Богу милосердному... Кажи *Отче нашъ!* и дитей Богу показуй... Ты мати... пожалься Боже малихъ диточокъ!...

Держа спящаго малютку одною рукою, а другою обнимая старшаго мальчика и двухъ младшихъ дѣвочекъ, молодая женщина стояла на колѣняхъ посреди хаты, а слова молитвы ускользали изъ ея измученной памяти, не приходили на дрожащія уста. Слѣпая старуха начала сама своимъ хриплымъ, дрожащимъ голосомъ.

— Отче нашъ, иже еси на небеси! Да святится имъя твое, да прыйде царствіе твое.

За нею повторялъ сперва слабый, потомъ все болѣе отчетливый голосъ молодой женщины.—Аминь, произнесли обѣ въ одинъ голосъ съ горячею вѣрою, затѣмъ старуха сказала:

— Ну, вставай! Може Господь милосердный почувъ... и дитей побачивъ... прибавила она тише.

Въ хатѣ на минуту воцарилась тишина. Василина укладывала малютку въ колыбель, старшіе дѣти сбились въ одинъ уголъ, тѣсно прижавшись другъ къ другу, какъ испуганныя овечки.

— А де Михайло? спросила Оксана.

— У кузни.

— Не знае, що зъ тобою трапилось?...

— А не знае...

Нѣсколько мѣсяцевъ назадъ она со всѣми своими печалями и страхомъ, также какъ и съ каждою радостью и веселіемъ бѣжала-бы прямо къ мужу, прежде всего и безъ малѣйшаго колебанія. А теперь! о! теперь онъ не такъ уже относится къ ней, какъ прежде... Ей нельзя уже бѣжать къ нему, дѣлиться каждымъ впечатлѣніемъ. Увѣренность въ его любви уменьшалась въ ней съ каждымъ днемъ, а вмѣсто прежняго счастья на сердцѣ становилось такъ горько, точно кто полынемъ посыпалъ.

— Ходи до мене, дитино, поговоримо!... кликнула Оксана.

Василина отошла отъ люльки, вскочила на *тапчанъ*, а отсюда легко уже было взобраться на край печи. Обѣ сидѣли молча другъ противъ друга; бѣлые глаза слѣпой старухи, казалось, съ напряженіемъ вглядывались въ заплаканное, взволнованное лице молодой женщины. Наконецъ Оксана заговорила послѣ долгаго раздумья.

— Василино! тожъ то завтра велике свято.

— Але, бабуню.

— Стритенье, великій храмъ и ярмарокъ въ мистечку.

— Але, бабуню.

— Святый отпустъ въ церкви, а на ярмарку буде народу сила.

— И зъ Сухои Долины пойдуть люде до церкви й на ярмарокъ.

Старуха опять замолкла и, казалось, пережевывала своими желтыми челюстями какіе-то мысли и планы.

— Слухай, сказала она наконецъ, вже тоби немае иншого рятунку, тилько удатись до Бога и просити, щобъ винъ самъ посвидчивъ за тебе передъ людьми. Нехай самъ Богъ посвидчить, що ты жаднымъ смертелнымъ грихомъ души не згубила. Пидешъ до церкви, одстоишъ службу Божу на колинахъ, высповидаешся и запричастишся св. Таинъ... Чуешъ?

— Чую, бабуню. Добре, бабуню; зроблю, якъ кажете.

— Але! Якъ высповидаешся и запричастишся въ попа, то и самій полегшае на серци, и вси люде побачять, що ты не ворогуешъ зъ Богомъ. Нехай побачять, що ты молисся, якъ слидъ, и що пипъ допустивъ тебе до причастія. Тоди побачять, що ты зовсимъ не те, що вони выгадали и що не маешъ ани смертельного, ани жадного великого гриха на души. Тоди самъ Господь оступиться за тобою и посвидчить передъ людьми.

— Добре, бабуню, добре,—повторила Василина, уже значительно успокоенная и, склонивъ свою измученную голову на колѣни бабушки, поцѣловала ей руку. Старуха начала гладить ее рукою по головѣ. Обѣ молчали. Потомъ молодая женщина заговорила первая.

— Попросю Приськи, щобъ доглянула дитей и хаты и наварила ѝсти, а сама пиду въ-досвита до мистечка.

— Може й Михайло пиде?

— Надись не пиде. Ему треба питы до того пана, що то мае дати якусь велику роботу.

— Добре було-бъ, якъ бы й винъ пишовъ. Разомъ-бы помолились и высповидались, щобъ вернулось колишне добро...

Обѣ снова замолчали, погрузившись въ раздумье. Дѣти начали шептаться между собою въ углу и грызть сырую рѣпу, которую Стецько отыскалъ гдѣ-то въ сѣняхъ, никто не обратилъ вниманія на мужскіе шаги, послышавшіеся за дверьми.

Василина тогда только подняла голову съ колѣнъ бабушки, когда кузнецъ вошелъ въ хату. На лицѣ Михайла не было уже и слѣда прежней веселости и беззаботности. Недовольство и безпокойство затемняли блескъ его черныхъ глазъ, сжатыя губы подъ чорными усами выказывали наклонность къ гнѣву и упрекамъ. Дѣти бросились къ нему на встрѣчу; онъ погладилъ ихъ по головкѣ и, оглянувшись по хатѣ, съ удивленіемъ произнесъ:

— А то що? тожъ то вечери ще й заводу нема!

Дѣйствительно, одна только лучина освѣщала хату слабымъ, дрожащимъ свѣтомъ; въ глубинѣ печи было темно и пусто.

— Ой, Господи! вскрикнула Василина, спрыгивая съ печи, тожъ я нынька и забула про вечерю, хочъ убый, забула.

И бросилась разводить огонь и наливать воду въ горшокъ такъ поспѣшно, что даже руки у нея дрожали. Первый разъ въ жизни случилось ей забыть о домашнихъ обязанностяхъ и она даже не могла разсказать мужу причину этой забывчивости. Онъ также ничего не спрашивалъ, только проговорилъ, садясь на лавкѣ:

— Отъ вже, дякувати Богу, и про вечерю для чоловика забуваешъ, а диты, зъ твоеи ласки, грызуть сыру рипу... неначе батько въ нихъ якій старець, або що.

Съ этими словами Михайло посадилъ Стецька къ себѣ на колѣни, взялъ рѣпу у него изъ рукъ и бросилъ въ уголъ. Замѣчаніе его женѣ не было ни грубымъ, ни рѣзкимъ, а она можетъ быть предпочла-бы, что-бы онъ совсѣмъ разсердился, лишь-бы послѣ опять ласково заговорилъ съ нею; но онъ уже не обращался къ ней больше, только время отъ времени заговаривалъ съ дѣтьми. Василина между тѣмъ спѣшила съ ужиномъ, насыпала крупъ въ горшекъ, принесла яицъ и начала приготовлять яичницу съ саломъ, чтобы какъ можно скорѣе подать что-нибудь мужу. Оксана нѣсколько разъ пробовала заговорить съ Ковальчукомъ.

— А що нынька въ кузни робивъ? а кого бачивъ? А чи поидешъ завтра на храмъ?—спрашивала она Михайла.

Онъ отвѣчалъ двумя-тремя словами, въ которыхъ не видно было невѣжливости, но не было и любезности; если и говорилъ, то такъ себѣ, лишь-бы отдѣлаться, неохотно и растягивая слова. Зажигая лампу, приготовляя и подавая ужинъ, Василина двигалась, какъ всегда, ловко и быстро, а сама между тѣмъ смотрѣла, какъ неживая. Она не проронила ни слова за все время, ступала тихо и боязливо и опускала глаза, стоя передъ мужемъ, а когда онъ взглядывалъ на нее, видно было, что она вся дрожала отъ страха. Однако-же она хорошо знала, что онъ не будетъ ни бить, ни даже бранить ее. Чего-же ей было бояться? Можетъ быть, этого взгляда, который становился такимъ пристальнымъ, когда обращался къ ней; иногда онъ казался сердитымъ, а въ другой разъ такимъ грустнымъ, что она съ трудомъ сдерживала слёзы, встрѣчая этотъ взглядъ. Что-же стало между ними такою стѣною? Это Василина хорошо понимала. Михайло, какъ ремесленникъ, въ которомъ больше всего нуждаются крестьяне, постоянно видѣлся съ людьми, бывалъ повсюду вмѣстѣ съ ними и, разумѣется, слышалъ всѣ ихъ росказни. Самъ любопытный и разговорчивый, онъ всегда узнавалъ все рѣшительно, такъ что иные въ шутку говорили о немъ, что онъ слышитъ, какъ трава растетъ. Тѣмъ скорѣе слышалъ онъ все, что касалось его жены и семейства. Людскіе толки о Василинѣ не разъ приводили его къ шумнымъ столкновеніямъ, а однажды довели даже до драки. Потомъ онъ уже пересталъ спорить, дѣлалъ видъ, будто не слышитъ, но все, что дѣлалось у него на душѣ, отражалось въ подвижныхъ чертахъ его лица и открытыхъ, не пріученныхъ къ скрытности глазахъ. Ковальчукъ былъ очень самолюбивъ; поэтому-то главнымъ образомъ онъ и трудился такъ усердно, украшалъ хату и старался наполнить ее всякими удобствами, мечталъ даже о томъ, чтобы со временемъ отдать Стецька въ школу. И вдругъ, его постигъ такой позоръ. Притомъ, кто знаетъ, какія еще воспоминанія или сомнѣнія бродили въ его головѣ? Правда онъ не вѣ-

рилъ, въ то, что говорили люди о его женѣ, но все таки смотрѣлъ на нее такъ, какъ будто хотѣлъ насквозь пронзить ее взглядомъ и въ тоже время избѣгалъ всякаго сближенія съ женою, точно его отталкивалъ какой-то инстинктъ. Иногда, напротивъ, тоска сдавливала его сердце, подымалась къ глазамъ и горлу и тогда онъ становился печальнымъ, какъ на похоронахъ. Однако, никогда не желая показать этого, онъ, смотря по времени, или уходилъ изъ дому, или поскорѣе ложился спать. Теперь Василина подала яичницу на столъ и, опустивъ глаза, стояла передъ мужемъ, ожидая, пока онъ положитъ себѣ на тарелку, чтобы раздать остальное кушанье дѣтямъ и бабушкѣ. Опуская оловянную ложку въ миску съ кушаньемъ, онъ смотрѣлъ на нее грустнымъ и проницательнымъ взглядомъ.

— Ой, Василино, Василино! началъ онъ, качая головою, що зъ тобою сталось? до чого ты теперъ подобна? Волосся роспатлане, неначе зъ кимъ побилась, очи понапухали одъ плачу. Чого плакала? га?

Она быстро отвернулась, ничего не отвѣчая, и стала спиною къ нему передъ огнемъ. Это молчаніе въ отвѣтъ на самый сердечный вопросъ мужа видимо обидѣло его, потому что черезъ минуту, не найдя хлѣба подъ рукою, онъ крикнулъ грубымъ голосомъ:

— Подай хлиба! чуешъ? Чого стоишъ, склавши руки, якъ та пани!

А когда она подала хлѣбъ, закричалъ опять:

— Давай дитямъ ѣсти! Не старци вони, щобъ черезъ чортъзна яку мати сыдили до пивночи не ѣвши.

Это уже было оскорбленіе и самое тяжелое, потому что было обращено къ ея материнскому сердцу, но Василина и на этотъ разъ не отвѣтила ни слова. Она роздала ужинъ бабушкѣ и дѣтямъ, перемыла и уставила на полкѣ посуду, вытерла столъ, потушила лучину и лампу и, усѣвшись на *тапчанѣ*, начала кормить проснувшагося Абрамка. Огонь догоралъ въ печи и распространялъ по хатѣ мерцающій полусвѣтъ. Оксана лежала на своемъ сѣнникѣ; спала она или не спала, но лежала

молча и неподвижно. Дѣти уснули сейчасъ-же послѣ ужина, одинъ Михайло не шелъ ко сну. Онъ охотно поужиналъ, потомъ развалившись на столѣ, курилъ папиросу за папиросою, раза два даже промурлыкалъ что-то сквозь зубы. Ничто, повидимому, не печалило его, а между тѣмъ онъ и не думалъ идти спать, продолжалъ курить папиросы и все думалъ, опустивъ голову на руки. Василина принялась укачивать ребенка, напѣвая въ полъ-голоса грустную колыбельную пѣсенку, которой монотонный, протяжный мотивъ расходился волнами среди глубокой тишины и колеблющагося полусвѣта. Ребенокъ вскорѣ уснулъ, Василина поднялась съ *тапчана*, тихонько подошла къ мужу босыми ногами и также тихо окликнула его.

— Михалку!

— Га? спросилъ онъ, подымая голову и устремляя на нее взглядъ.

— Я хочу завтра въ-досвита пити у мистечко...

— Чого?

— До церкви на одпустъ. Попросю Приську, щобъ доглянула дитей и господарство.

Ковальчукъ продолжалъ смотрѣть на нее, но въ темнотѣ нельзя было различить выраженія его глазъ.

— Чого се тоби такъ забажалось до церкви?

Василина отвѣчала послѣ минутнаго молчанія.

— Хочу высповидатись и запричаститись. Нехай мени самъ Богъ стане добрымъ свидкомъ передъ людьми...

Слезы градомъ посыпались у нея изъ глазъ, она отирала ихъ передникомъ, едва удерживая рыданія.

— Зновъ плачешъ, замѣтилъ Михайло, отъ яка ты теперъ плаксива стала... зовсимъ не така, якъ була...

— Не така, повторила Василина и черезъ минуту робко прибавила:

— И ты не такій, якъ бувъ.

— А не такій!

Глубокая грусть звучала въ этихъ немногихъ словахъ, которыми они сознавались другъ передъ другомъ въ потерѣ преж-

няго счастья. Ковальчукъ по прежнему пристально вглядывался въ нее.

— Таки справди высповидаешся и запрычастишся завтра?

— А якъ-же, отвѣчала Василина и сдѣлала движеніе, чтобы отойти, но мужъ остановилъ ее.

— Василино!

— А що?

— Сидай биля мене, поговоримо.

Молодая женщина удивилась и робко присѣла рядомъ съ нимъ на краю скамьи.

— Слухай, Василино, началъ онъ. Чи то мы вже завжды такъ житимемъ, мовъ ти звири у лиси?... Того ще тилько бракуе, щобъ мы почали грызтись на сьмихъ людямъ, якъ отъ на прикладъ Степанъ Джурджа изъ своею жинкою... Такъ не можна, Василино, такъ не годиться. Ты мати дитямъ и я мушу тебе шанувати...

Она слушала съ такимъ вниманіемъ, какъ будто каждое слово мужа было для нея приговоромъ, а когда онъ кончилъ, она сложила руки на передникѣ и прошептала:

— Що-жъ я зроблю, Михалку, коли ты вже мене бильше не любишъ?..—Сказавши это, Василина нѣсколько минутъ ожидала отвѣта, затаивъ дыханіе, но кузнецъ не отвѣчалъ ни слова; онъ громко вздохнулъ, бросилъ на средину хаты недокуренную папиросу и молчалъ, опустивъ голову на руки. Не получая возраженія на свои слова, Василина съ подавленнымъ стономъ опустилась на землю и заговорила страстнымъ шопотомъ:

— Михалку, серце, я вже давно бачу, що ты мене бильше не любишъ, що я вже обридла, що я тоби мовъ каминь за плечима. Нема вже твоеи веселости; не чуть твого сьмиху, твоеи розмовы. Такій ты часомъ смутный, що якъ гляну на тебе, то краще-бъ мени вже пидъ землею лежати. Мени тебе шкода бильше, якъ власного життя; не хочу, щобъ ты марно пропадавъ черезъ мене... Якъ ты мене не любишъ, то лучше я соби пиду зъ хаты... пиду соби одъ тебе, сьвитъ за очи... А ты тилько бабуни доглянь до смерти... Не довго вже ій на цимъ

сьвити животиты... и одну дитину позволишъ мени взяти зъ собою, на памъятку... ой, тилько на памъятку! Якъ колись бабуня зо мною по сьвити ходила, та на двохъ заробляла, такъ само и я зъ дитиною ходитиму, та на двохъ зароблятиму... А якъ зайду десь далеко, ажъ на край сьвита, щой вистки про мене не буде, то люде думатимуть, що мене вже й на сьвити нема, и тоби вильно буде взяти другу жинку, другу господыню въ хату, и все робити, що схочешъ... Серце, Михалку, пиду я соби одъ тебе, пиду я соби зъ хаты, на край сьвита пиду зъ одныею дитиною... коли ты вже мене не хочешъ... ой, пиду...

При этой страстной рѣчи Василина не разъ обнимала и цѣловала его колѣни, а когда время отъ времени подымала голову, лице ея, не смотря на неподдѣльную тоску, дышало такою искренностью и силою, что, казалось, она вотъ-вотъ вскочитъ съ полу, схватитъ на руки которое нибудь дитя и выбѣжитъ изъ хаты. Однако она не сама поднялась съ земли, подняли ее и посадили на скамью двѣ сильныя руки. Сжимая, какъ въ клещахъ, ея руки своими сильными руками, кузнецъ заговорилъ, видимо насильно принуждая себя смѣяться:

— Що ты верзешъ! що ты выгадуешъ? Отъ дурна, чисто божевильна! Пиде вона зъ хаты! пиде на край сьвита! такъ-бы я тебе й пустивъ зъ хаты! Самъ швидче вмру...

Въ одинъ мигъ Василина бросилась къ нему на шею.

— То я ще тоби, бачу, не зовсимъ обридла!

— Ты мени мила такъ само, якъ и перше...

Оба прямо посмотрѣли другъ другу въ глаза при слабомъ свѣтѣ погасающаго огня. Она убѣдилась, что мужъ говорилъ правду и глаза ея въ одинъ мигъ высохли отъ слезъ, заблестѣли и сдѣлались снова такими-же веселыми, открытыми и выразительными, какъ прежде.

— Ой ты брехуха! Або-жъ ты мене за якого злодія, або розбійника маешъ, щобъ я такъ таки зъ одного разу усе чисто забувъ и серце зминывъ? Хиба-жъ ты не чекала на мене, на сьмихъ людямъ, шисть годъ, горюючи по чужихъ людяхъ, и для мене не погордувала багатымъ господаремъ?

— Але! прошептала молодая женщина.

— Хиба я тебе яку небудь погану взяв, або найпослиднійшу одъ усихъ? Ты була чиста, якъ вода кринична, безъ ніякои плямы, гожа та веселенька, якъ та пташка.

— Але...

— Симъ годъ живъ я зъ тобою и одного смутного дня не бачивъ, ажъ поки зъ нами оце нещастя скоилось; николи злости въ тебе на лыци не бачивъ, недоброго слова отъ тебе не чувъ...

— Але...

— Ты мени четверо диточокъ породила и пильно годувала, рукъ не покладала, доглядаючи господарства, и ввесь достатокъ разомъ зо мною придбала...

— Але...

— Отъ бачишъ! Той чому-жъ бы я тебе не любивъ? Ой, дурненька! хтила йти одъ мене зъ хаты... а я пишовъ бы за тобою, догнавъ и вже-жъ тоди побивъ... далеби, побивъ-бы, тоди-бъ вже тоби бувъ шабашъ! побивъ бы тебе, вернувъ назадъ и въ хати посадивъ. Сиди, бабо, коли тоби добре! отъ що!

При послѣднемъ словѣ раздался по хатѣ громкій поцѣлуй; Михайло обнялъ и поцѣловалъ жену и спросилъ:

— Ну, кажи теперъ, чого такъ плакала, що ажъ очи понапухали? Чи зновъ тоби хто зробивъ щось злого? га?

Хотя уже увѣренная въ томъ, что онъ любитъ ее по прежнему, съ блестящими отъ счастья глазами, Василина все еще колебалась съ признаніемъ. Наконецъ старая привычка все разсказывать мужу взяла верхъ и она расказала свою страшную обиду, закрывая руками лице отъ стыда, но уже безъ слезъ. Михайло вскочилъ съ лавки и ударилъ кулакомъ по столу внѣ себя отъ гнѣва.

— Забъю! крикнулъ онъ, на смерть забъю тихъ розбишакъ! Чого вони до тебе чипляються, тіи злодіи, хамы?...

Онъ называлъ крестьянъ хамами, какъ будто самъ не былъ уже крестьяниномъ. Дѣйствительно, онъ считалъ себя чѣмъ-то высшимъ надъ тою средою, къ которой принадлежалъ по рожденью. Василина схватила его за руки, упрашивая никого не

бить и не задѣвать за нее. Ковальчукъ сѣлъ на лавку, глаза его горѣли, жилы на лбу налились кровью; онъ тяжело переводилъ духъ и порывистымъ, нервнымъ движеніемъ зажегъ папиросу. Потомъ продолжалъ браниться, выпуская дымъ изо рта.

— Дурни хамы! такій дурныци вирять! Я не вирю, далеби не вирю, щобъ були на сьвити якись видьмы... Часомъ приходило й мени на думку, що се може бути правда... помижъ дурнями и найрозумнишій чоловикъ часомъ здуріе... Але-жъ я таки добре знаю и розумію, що усе те выгадки. Темный народъ та й годи! То само по соби, а бида сама по соби! И соромъ мени, неначе якому пъяныци, або голодрабцеви, битись съ людьми по шинкахъ та по дорогахъ, и ничого зъ того не выйде... Дурнямъ ихъ дурныци зъ головы не выбъешъ, хочъ-бы якъ бивъ... Що тутъ въ сьвити робити?

— Завтра высповидаюсь и запричастюсь передъ усима, подсказала Василина.

Михайло махнулъ рукою.

— Що воно поможе? одинъ побачить, а другій на одпусти за тиснотою и не побачить. Хто бувъ лютый або заздростный на тебе, той такъ и зостанеться. Занудишься въ людській крывди, а ще коли нибудь зновъ таки скривдять тебе, якъ отъ нынька... Нехай Богъ милуе...

Онъ крѣпко потеръ лобъ рукою и принялся теребить волосы.

— Хиба покинути хату й господарство, а самимъ збиратись та йти сьвитъ за очи... произнесъ онъ нерѣшительно.

— Покинути хату й господарство! вскрикнула Василина.

— А що-жъ? що-жъ такого?

Отвѣтъ былъ произнесенъ повидимому беззаботно, а между тѣмъ онъ обвёлъ хату глазами, полными слезъ. Ему дорога была эта хата, теплая, зажиточная, украшенная всѣмъ, что онъ въ теченіи стольких лѣтъ приносилъ сюда, какъ птица въ гнѣздо. Дорогъ былъ ему и отцевскій участокъ земли, на которомъ онъ такъ радъ былъ поселиться послѣ долгихъ странствій солдат-

ской жизни. Послѣ продолжительнаго молчанія онъ обнялъ жену и спросилъ:

— Якъ бы мени тутъ зле було жити, пишла-бъ ты зъ мною де инде?

— А якъ-же! вскрикнула Василина.

— Ну, а якъ тоби тутъ зле, то я пиду зъ тобою де инде. Землю найму, якъ отъ тоди, якъ ишовъ у військо, а зъ моимъ ремествомъ хочъ увесь свитъ обійду, скризь буде хлибъ и для насъ, и для дитей. Де небудь сяду въ мистечку, та й буду кувати, а тебе не дамъ скривджувати, або, борони Боже, бити...

Молодая женщина наклонилась и начала цѣловать его руки.

— Якій ты добрый, ой, якій ты добрый! кращого вже мабуть и на сьвити нема... Я по лицю твоему побачила, по твоій розмови почула, по всёму въ тоби пизнала, що ты такій добрый. Черезъ тежъ я тебе такъ и полюбила, на вики, ажъ до смерти, що вже николи жаденъ чоловикъ не бувъ мени милый, а безъ твого кохання мени такъ само, якъ отъ безъ ясного сонця...

Ковальчукъ подняль ея наклоненный станъ и обнялъ его руками.

— Иди завтра до мистечка, выслухай службу Божу, выспов идайся, а писля церкви заверни до моеи сестры Ганны, що тамъ замижью за хвельчеромъ, роспитайся въ неи, чи добре-бъ мени було систы въ мистечку... значить, зъ моимъ ремествомъ систы... чи тамъ треба коваля... А якъ не треба, то я соби можу погодитись зъ тимъ паномъ, що то завтра пиду до ёго вмовлятись про роботу. Великій двиръ и велике господарство... тамъ завжды бувъ коваль, а теперъ нема, то може мене визьмуть. Хотивъ бы й я съ тобою разомъ на одпустъ пити, такъ треба до того двору... то ты вже йди завтра своею дорогою, а я пиду своею, а тамъ, не гаячи часу, бабуню зъ дитьми заберемо на визъ, та й гайда въ дорогу. Отъ тоби й дорога, що ты надумала! Пидешъ ты по сьвиту кращои доли та людей шука-

ти, тилько не одна душею, а зо мною, зъ бабунею, зъ усима дитьми и зъ моею працею, а зъ неи буде завжды добрый шматокъ хлиба...

— Спасыби тоби, Михалку, спасыби за твою добристь.. якъ бы тильки могла тоби чимъ небудь виддячити....

(Окончаніе слѣдуетъ).

Библіографія.

Жизнь А. С. Пишчевича, имъ самимъ описанная. 1764—1805. Въ трехъ частяхъ. Съ предисловіемъ и примѣчаніями Нила Попова. Москва. 1885 г.

Въ свое время мы давали отчетъ о мемуарахъ Семена Степановича Пишчевича, участника въ дѣлѣ колонизаціи новороссійскихъ степей во второй половинѣ прошлаго столѣтія. Нынѣ явилось въ продажѣ жизнеописаніе сына его, Александра Семеновича, изданное московскимъ обществомъ исторіи и древностей подъ редакціей проф. Попова, наблюдавшаго и за изданіемъ жизнеописанія Пишчевича-отца. Постоянные читатели «Кіевской Старины» не забыли, можетъ быть, и автора названнаго нами въ заголовкѣ сочиненія, т. е. Пишчевича-сына, перу котораго принадлежатъ «Примѣчанія на новороссійскій край», многочисленные дневники и замѣтки о чумѣ 1813 года, о бугскихъ козакахъ и украинскихъ уланахъ, напечатанные въ нашемъ журналѣ отчасти въ извлеченіяхъ и выдержкахъ, отчасти дословно. Пользуясь собственными его автобіографическими показаніями, попробуемъ теперь передать его *curriculum vitae,* въ томъ предположеніи, что оно можетъ послужить средствомъ къ опредѣленію цѣнности напечатанныхъ раньше его трудовъ.

А. С. Пишчевичъ родился въ 1764 году 31 мая, въ городѣ Порѣчьѣ смоленской губерніи. Отецъ его, родомъ сербъ, до конца жизни плохо владѣвшій русскимъ языкомъ, вышелъ изъ Австро-Венгріи въ царствованіе Елисаветы. Воспитаніе молодаго Александра Пишчевича началось въ десятилѣтнемъ возрастѣ обученіемъ французскому языку при помощи неизбѣжнаго тогда француза, котораго онъ впрочемъ очень хвалитъ за ласковость обращенія и за умѣнье заниматься; черезъ полгода послѣ начала занятій съ нимъ, мальчикъ могъ уже «все разумѣть и самъ

изъясняться на французскомъ языкѣ». Въ 1777 году отецъ взялъ его съ собою въ Петербургъ. Тамъ 13-лѣтній Пишчевичъ «увидѣлъ себя совсѣмъ въ другомъ свѣтѣ: людство, великолѣпіе, театры, дворъ и проч. служило все къ моему удивленію», замѣчаетъ онъ. Отецъ не преминулъ представить его князю Потемкину, и блестящій вельможа обласкалъ «юнака». Затѣмъ Пишчевичъ отданъ былъ въ Петербургѣ же въ училище преподавателя инженернаго кадетскаго корпуса Массона, «почитавшееся изъ лучшихъ въ столицѣ», по его замѣчанію. Въ пансіонѣ Массона учили языкамъ французскому и нѣмецкому, математикѣ, рисованію, географіи, исторіи, танцамъ и музыкѣ. Новый ученикъ, пройдя математику, по собственному влеченію занимался фортификаціей и тактикой и, по его словамъ, «на 15-мъ году... уже былъ знакомъ со всѣми великими предводителями», хотя самъ, однако, никогда такимъ не сдѣлался. «Исторіи и географіи я съ великимъ прилежаніемъ и охотою учился», говоритъ онъ, за то алгебру находилъ скучною; «впрочемъ, замѣчаетъ нашъ авторъ, танцованіе составляло мое удовольствіе»; что касается русскаго языка и Закона Божія, то этимъ предметамъ не учили совсѣмъ, какъ это частенько впрочемъ водилось въ то время въ пансіонахъ, содержимыхъ обыкновенно иностранцами; такимъ образомъ, по замѣчанію Пишчевича, «добронравіе оставалось позади скрипки, алгебры и пр»., ибо и вообще не заботились о воспитаніи сердца. Изъ дурныхъ качествъ характера, оставшихся у него на всю жизнь, откровенный авторъ нашъ упоминаетъ о вспыльчивости и о женолюбіи; о послѣднемъ недостаткѣ, повидимому, онъ не очень сокрушался, судя по чрезмѣрному числу «утѣхъ», не безъ удовольствія разсказанныхъ въ жизнеописаніи. Въ дѣлахъ нравственности и религіи онъ не чуждъ былъ распространеннаго тогда въ Россіи «вольтеріанства»: «имамъ, пасторъ, гелюнгъ, рабинъ—все сіе въ моихъ глазахъ было равно», признается онъ. Онъ много читалъ, о чемъ нѣсколько разъ говоритъ въ своихъ мемуарахъ, но какія книги—о томъ умалчиваетъ и въ одномъ только мѣстѣ упоминаетъ о «Недорослѣ» Фонвизина; кажется, вольтеріанство его было довольно умѣренное, и въ этомъ отношеніи, какъ и во всѣхъ остальныхъ, Пишчевичъ не выдвигался изъ средняго уровня «образованнаго», въ смыслѣ екатерининскаго времени, человѣка. Веселымъ, въ достаточной степени вѣтренымъ и мотоватымъ онъ рисуется читателю его автобіографіи отъ начала ея до конца; никогда не бывши казнокрадомъ, хотя много разъ встрѣчалъ поводы и искушенія къ поживѣ на счетъ казны, онъ однако искренно жалѣетъ, зачѣмъ не сдѣлался игрокомъ, потому что, играя навѣрняка, могъ бы имѣть деньги; мало честолюбивый и не очень способный къ службѣ, Пишчевичъ не

устроилъ себѣ хорошей карьеры. Отецъ его, по одному случаю, лишился благоволенія Потемкина, и молодой Александръ Семеновичъ началъ службу въ с.-петербургскомъ драгунскомъ полку, участвовалъ въ занятіи крымскаго полуострова въ 1783 г., потомъ отправился съ полкомъ на зимовку въ Алексѣевскую крѣпость. Разсказывая о дорожныхъ приключеніяхъ на пути туда, авторъ нашъ, между прочимъ, упоминаетъ о томъ, какъ, потерявъ дорогу въ сугробахъ снѣгу, они набрели на запорожскій зимовникъ, гдѣ нашли 10 козаковъ; «по праву сильнаго, я выгналъ запорожцевъ изъ землянки», признается онъ, что однако не помѣшало одному изъ выгнанныхъ служить потомъ провожатымъ для нихъ. По окончаніи зимовки, проведенной нашимъ авторомъ главнѣйше въ любовныхъ осадахъ, приступахъ и побѣдахъ, онъ переводится въ Грузію, гдѣ съ большимъ успѣхомъ продолжаетъ разъ начатое дѣло. Въ 1788 г. Пишчевичъ ѣздилъ къ Потемкину въ Елисаветградъ съ донесеніемъ по службѣ, а главное—въ надеждѣ на полученіе капитанскаго чина. «Былъ тогда, разсказываетъ онъ, въ великой милости у князя Потемкина докторъ Шаровъ, вылѣчившій весьма удачно племянницу его свѣтлости графиню Браницкую отъ отчаянной болѣзни; сей г. Шаровъ предъ моимъ пріѣздомъ взялъ у отца моего двухъ жеребцовъ, за которые деньги еще не были заплочены; и такъ отецъ мой положилъ, чтобы я сими лошадьми доѣхалъ до капитанскаго чина»... Съ письмомъ отца является Пишчевичъ къ Шарову и потомъ посѣщаетъ его ежедневно впродолженіи трехъ недѣль, пока не надоѣло, а капитанскаго чина такъ и не получилъ и возвратился на Кавказъ. Въ 1790 году онъ снова ѣздилъ въ имѣніе отца и въ Елисаветградъ, гдѣ успѣлъ познакомиться съ молдавскимъ господаремъ Маврокордато; потомъ, на Злынку и Ольвіополь, направился въ Бендеры къ Потемкину, также съ служебнымъ порученіемъ и съ мечтою о чинѣ. О Потемкинѣ онъ говоритъ коротко и сообщаемое имъ о времяпрепровожденіи, причудахъ, роскоши и сластолюбіи этого баловня судьбы не ново. Здѣсь онъ посѣщаетъ переднюю секретаря свѣтлѣйшаго, Попова, по приказанію котораго слѣдуетъ потомъ за Потемкинымъ въ Яссы, а такъ какъ Поповъ вслѣдъ за тѣмъ уѣзжаетъ въ Петербургъ, то Пишчевичъ самъ подаетъ Потемкину просьбу о чинѣ и на этотъ разъ будто-бы чинъ былъ назначенъ, но—увы—бумага о томъ выкрадена... Не получивъ и на сей разъ чина, злосчастный Пишчевичъ отправился обратно; на р. Бугѣ онъ нашелъ ледоходъ и съ трудомъ переправленъ былъ на лодкѣ запорожцемъ. Въ Ольвіополѣ отправился къ пограничному почтъ-директору, родомъ сербу, Пулевичу; «сей старикъ, разсказываетъ Пишчевичъ, былъ презабавный балагуръ, старавшійся насъ увѣрить, что своею рѣ-

шимостью и арміей, состоящей изъ 10 или 15 почталіоновъ, удерживалъ онъ въ страхѣ польскихъ два батальона пѣхоты и четыре эскадрона конницы, въ Богополѣ расположенныхъ, которые сей ради причины не начинали тогда еще дѣйствовать противъ войскъ императрицы». Хорошо еще, что храбрый почтмейстеръ не просилъ ни чиновъ, ни орденовъ... Изъ Ольвіополя на Елисаветградъ Пишчевичъ направился на мѣсто служенія, гдѣ участвовалъ въ приступѣ къ Анапѣ и совсѣмъ было получилъ Георгія 4-й степени, но, по злой насмѣшкѣ судьбы, раньше попалось на глаза имя его брата, которому и достался орденъ, а нашему автору только одобрительный листъ. Потомъ Пишчевичъ переведенъ съ полкомъ въ Саратовъ; по дорогѣ туда былъ въ Царицынѣ и въ Сарептѣ; въ саратовской губерніи онъ нашелъ остатки пугачевщины или, по крайней мѣрѣ, наглое разбойничество; ѣздилъ къ раскольникамъ на Иргизъ, былъ на Дону, гдѣ происходило также броженіе. Затѣмъ Пишчевичъ отправляется въ Петербургъ хлопотать о переводѣ, при чемъ, не одобряя гатчинскихъ порядковъ, готовъ былъ служить и въ Гатчинѣ, но не успѣлъ; поэтому на Харьковъ и Екатеринославъ отправился въ Тульчинъ, къ Суворову, но на дорогѣ получилъ извѣстіе о восшествіи Павла I, а Суворова нашелъ въ немилости и не былъ имъ принятъ. Потомъ онъ снова въ Петербургѣ—въ поискахъ службы и въ хожденіяхъ по дѣламъ отца. Здѣсь онъ получаетъ вѣсть о смерти отца, но остается на мѣстѣ, очень двусмысленно волочится, при чемъ сообщаетъ скандальныя свѣдѣнія о предметѣ своей любви, съ которымъ наконецъ сочетавается узами брака. Жизнеописаніе кончается скучнымъ разсказомъ семейныхъ недоразумѣній и дрязгъ по поводу выполненія духовнаго завѣщанія отца.

Изложенное нами въ существенныхъ чертахъ жизнеописаніе Пишчевича представляетъ собою сводъ отдѣльныхъ этюдовъ, а можетъ быть и дневниковъ его. Въ семейномъ архивѣ А. Плат. Пишчевича, внука его, пишущій эти строки видѣлъ отдѣльныя тетради, посвященныя Потемкину, коронаціи Павла I, кавказской войнѣ; что же касается остающихся въ наличности дневниковъ, то они обнимаютъ только первые годы текущаго столѣтія и не заходятъ въ XVIII вѣкъ. Можетъ быть, по мѣрѣ того, какъ подвигалась работа надъ составленіемъ автобіографіи, дневники уничтожались; а что Пишчевичъ при составленіи своего жизнеописанія имѣлъ подъ руками какія-то, ранѣе сдѣланныя, замѣтки, въ этомъ убѣждаетъ насъ, во первыхъ, мелочная точность въ передачѣ подробностей, которыя безъ того навѣрное были бы позабыты, и во вторыхъ, его двукратное упоминаніе о своихъ запискахъ. На стр. 40 онъ говоритъ: «сверхъ моей должности, остальное время я прово-

ждалъ записываніемъ всего того, что находилъ любопытства достойнымъ въ службѣ и въ разговорахъ»—довольно ясное указаніе на то, что велся дневникъ; на стр. 50 находимъ менѣе ясное выраженіе: «я продолжалъ привыкать сообщать бумагѣ мои мысли».

При всей внѣшней обстоятельности изложенія, автобіографія А. С. Пишчевича уступаетъ своими достоинствами таковой же отца его. Тотъ болѣе принадлежалъ югу Россіи, вращался и дѣйствовалъ среди лицъ и интересовъ болѣе значительныхъ, нежели Пишчевичъ-сынъ, до своей отставки и женитьбы являвшійся здѣсь только на короткіе промежутки времени. По характеру и уму сынъ также уступаетъ отцу; взоръ его скользитъ по поверхности событій и лицъ; свѣдѣнія общаго интереса попадаютъ въ его трудъ случайно, онъ поглощенъ своими «веселостями» и мелкими армейскими интрижками; онъ не любитъ юга Россіи: «всякій разъ, когда я сію страну оставляю, говоритъ онъ, чувствую душевное удовольствіе, во всемъ тѣлѣ здоровье, память свѣжѣе. Казалось-бы, что при началѣ моей жизни мнѣ вдохновеніе сдѣлано не терпѣть сію часть Россіи, въ которой люди между собой живутъ злодѣями; злоба и зависть одного противъ другого суть два порока, коими ихъ головы, чувства и сердца занимаются.... Родные меня вовсе не привязываютъ, а напротивъ своею между собой несогласицей моей душѣ омерзѣли. Сербы, мои земляки, своею скупостью противны моимъ глазамъ, а къ тому разсчетами о древности происхожденій ихъ фамилій, дурацкими дипломами и другими знаками ихъ глупости надоѣли до самаго нельзя. Малороссіяне, сосѣди Новой Сербіи, напоивши свои сердца ябедами, доносами и тяжбами, живутъ въ вѣчной между собой войнѣ»...

Таковы были въ Россіи прошлаго столѣтія сербы второй генераціи. Въ разбираемой нами книгѣ можно найти еще одинъ образецъ серба новой формаціи въ лицѣ екатеринославскаго губернатора, Іосифа Ивановича Хорвата, сына того Хорвата, который былъ иниціаторомъ колонизаціоннаго движенія австрійскихъ сербовъ. Впрочемъ, и то надо сказать, что казнокрадство Хорвата и вольтеріанство Пишчевича были тогда въ духѣ времени: это были два полюса, между которыми вращалось наше общество.

В. Ястребовъ.

Исторія Новой Сѣчи или послѣдняго Коша Запорожскаго, А. Скальковскаго. Изданіе третье. Часть II. Одесса, 1885 года.

Въ апрѣльской книжкѣ нашего журнала мы говорили о вышедшей тогда въ свѣтъ 3-мъ изданіемъ первой части этого сочиненія и указали на тѣ незначительныя измѣненія, какія сдѣланы въ ней авторомъ. Теперь явилась уже вторая часть столь извѣстнаго сочиненія. Мы ожидали ее тѣмъ съ большимъ интересомъ, что авторъ обѣщалъ въ ней болѣе важныя измѣненія, въ частности переработку главы о гайдамачествѣ, сообразно новымъ о немъ изслѣдованіямъ.—Что-же находимъ въ новомъ изданіи второй части «Исторіи Новой Сѣчи?»

Введеніе осталось безъ перемѣны. Въ первой главѣ опущена пѣсня о Константинѣ Гордѣенкѣ, во второй пѣсня объ алешковскомъ Кошѣ, но по какимъ соображеніямъ, неизвѣстно. Въ пятой главѣ не находимъ уже разсказа о похожденіяхъ и судьбѣ двухъ приверженцевъ гетмана Мазепы, Феодора Мировича и Феодора Нахимовскаго, и о наблюденіи за ними со стороны Запорожья, сообщавшаго добытыя свѣдѣнія русскому правительству (стр. 175—177 во 2-мъ изданіи и стр. 151 въ 3-мъ). Первый отдѣлъ седмой главы 2-го изданія заключаетъ собою шестую главу въ изданіи 3-мъ. Глава седмая значительно дополнена, въ нее вошла статья «Секреты Коша Запорожскаго», напечатанная въ февральской книжкѣ «Кіевской Старины» за текущій годъ; глава заканчивается разсказомъ о смутахъ въ Буджацкой ордѣ, распряхъ ея съ ордою Едисанскою и проч., перепечатаннымъ буквально изъ 2-го изданія. Въ восьмую главу 3-го изданія введено начало седмой главы изъ 2-го изданія, въ которомъ говорится о числѣ запорожцевъ, присягавшихъ при вступленіи на престолъ императрицы Екатерины; далѣе введенъ разсказъ объ участіи запорожцевъ въ коронаціи; остальная часть этой главы прошла безъ измѣненія. Девятая глава 2-го изданія разрослась въ 3-мъ въ двѣ главы: первая посвящена собственно гайдамачеству, а вторая уманской рѣзнѣ 1768 года; послѣдняя наименѣе подверглась поправкамъ, хотя въ нее введено нѣсколько новыхъ данныхъ, напр., о судьбѣ Максима Желѣзняка послѣ 1768 года, объ участіи въ народномъ движеніи игумена мотронинскаго монастыря Мелхисидека Значка-Яворскаго по даннымъ «Архива юго-западной Руси» и изслѣдованію Ѳ. Г. Лебединцева. Десятая глава, заключающая въ себѣ акты о гайдамачествѣ, была отчасти напечатана въ октябрской книжкѣ «Кіевской Старины» за 1885 годъ. Авторомъ сдѣлано еще нѣсколько поправокъ въ примѣчаніяхъ, но они такъ малозначительны, что мы не видимъ нужды указывать на нихъ подробнѣе.

Кромѣ отмѣченныхъ уже перемѣнъ, въ настоящемъ изданіи мы не нашли также карты земель или, вольностей войска запорожскаго низоваго» 1770 года. Виньетка обложки также измѣнена: вмѣсто живописной группы запорожцевъ у водопоя, какъ было во 2-мъ изданіи, теперь изображенъ козакъ, слѣзшій съ коня и держащій его подъ уздцы, а пику вольно, какъ будто по воинскимъ артикуламъ о кавалерійской службѣ; самая наружность козака какая-то дисциплинированная. Не находимъ уже и прежняго эпиграфа, рисующаго наружность запорожца; въ новомъ эпиграфѣ выражается завѣтная дума удалаго парубка-гайдамаки погулять въ степи съ козаками, насколько позволитъ «ридненькая мати».

Изъ всѣхъ сдѣланныхъ въ настоящей части измѣненій и дополненій болѣе важны конечно тѣ, которыя касаются исторіи гайдамачества. Къ сожалѣнію, мы находимъ здѣсь больше дополненій, чѣмъ измѣненій; сущность работы—мнѣніе о значеніи и роли гайдамачества—осталась неприкосновенной. Почтенный бытописатель Запорожья не убѣдился ни обстоятельнымъ разборомъ его мнѣнія, сдѣланнымъ М. А. Максимовичемъ еще въ 1845 году, ни новыми изслѣдованіями въ этой области проф. В. Б. Антоновича и Н. И. Костомарова. Онъ по прежнему смотритъ на гайдамакъ, какъ на простыхъ разбойниковъ, помрачившихъ славу Запорожья, которое онъ всѣми силами старается обѣлить и не желаетъ видѣть въ ихъ наѣздахъ, какъ общепризнано теперь въ наукѣ, выраженія народной реакціи противъ тяготѣвшаго еще надъ правобережной Украиной гнета. Доказательство чисто разбойническаго характера гайдамакъ г. Скальковскій видитъ отчасти въ ихъ нападеніяхъ на козацкія и принадлежавшія Россіи владѣнія, а также на козаковъ и русскихъ купцевъ; но ясно, что гайдамаки дѣлали въ такихъ случаяхъ нападенія на Запорожье и русскія владѣнія изъ мести за преслѣдованія, которымъ они подвергались со стороны тѣхъ и другихъ, за стѣсненія ихъ дѣйствій и поддержаніе установившихся отношеній между ними и ихъ сосѣдями, Польшей и Турціей. Мы имѣли уже случай указать на значеніе гайдамачества въ исторіи Украйны, разсматривая въ одной изъ своихъ рецензій «Матеріалы о гайдамакахъ», изданные г. Андріевскимъ; но мы тогда же оговорились, что къ дѣлу, начатому съ единственной цѣлью служенія какой-нибудь высокой идеѣ, всегда присоединяются низменные инстинкты и личные корыстные интересы. Послѣ сего намъ нѣтъ надобности входить по этому вопросу въ полемику съ уважаемымъ историкомъ, тѣмъ болѣе, что ошибочность его взгляда раньше и лучше насъ доказалъ такой знатокъ южно-русской исторіи,

какимъ былъ покойный М. А. Максимовичъ, въ «Извѣстіяхъ о гайдамакахъ», критической статьѣ по поводу другой работы г. Скальковскаго «Наѣзды гайдамакъ на западную Украйну въ XVIII столѣтіи», помѣщенной въ «Москвитянинѣ» и перепечатанной оттуда въ собраніи сочиненій «М. А. Максимовича» [1]).

Впрочемъ, дѣлая эти и другія указанія, мы не имѣли въ виду ни входить въ критическую оцѣнку вообще названнаго труда г. Скальковскаго со стороны плана, содержанія и изложенія, ни тѣмъ болѣе ставить въ укоръ то или другое маститому историку, но только желали освѣдомить читателей, что они могутъ найти въ настоящемъ выпускѣ «Исторіи Новой Сѣчи» и чего не найдутъ по сравненію даже съ предъидущимъ изданіемъ. Каждый дѣлаетъ по мѣрѣ силъ и средствъ даннаго времени, а г. Скальковскій принадлежитъ къ числу научныхъ дѣятелей весьма отдаленнаго времени. Свое дѣло онъ сдѣлалъ въ свое время и его трудъ, не во всемъ отвѣчающій, можетъ быть, современнымъ взглядамъ въ наукѣ, сохранитъ всегда значеніе документальнаго въ большей части сказанія о судьбахъ Запорожья въ намѣченную имъ эпоху. Иное дѣло полная исторія Запорожья, которой для уясненія всей южно-русской и вообще русской исторіи надо желать и ждать; но это дѣло новаго труда и новыхъ силъ и возможно, какъ было у насъ не разъ уже говорено, при полномъ изданіи запорожскихъ актовъ, хранящихся въ общественныхъ и частныхъ архивахъ, въ томъ числѣ и у автора разсматриваемаго изданія. Такая исторія должна обнять гораздо большій промежутокъ времени, чѣмъ какой охватываетъ «Исторія Новой Сѣчи»,— почти съ начала XV и до половины XIX ст., если къ исторіи Запорожья присоединить и исторію гайдамачества. Запорожье пережило въ своемъ существованіи: 1) періодъ своего образованія до 1576 г., 2) періодъ борьбы противъ Польши за религіозно-національную независимость южной Руси отъ 1576 до 1657 г., 3) періодъ участія въ борьбѣ 1657—1711 г. за такую же независимость правобережной Украйны, 4) періодъ борьбы за собственное существованіе 1711—1775 г., характеризующійся ослабленіемъ прежней козацкой доблести, развитіемъ осѣдлости и выдѣленіемъ изъ низоваго товариства элементовъ, продолжавшихъ старыя зопорожскія традиціи о религіозно-національной борьбѣ и принявшихъ форму гайдамачества, въ виду ограниченія запорожской вольности со стороны Польши, Россіи и Крыма и преобладанія гнета въ правобережной Украйнѣ, вызывавшаго необходимость отставить на-

[1]) Томъ I, стр. 572—594.

родъ *armata manu* отъ Польши, и 5) періодъ окончательнаго упадка и исчезновенія (1775—1861 г.) какъ запорожцевъ, такъ и гайдамакъ, изъ которыхъ первые постепенно обращаются въ мирныхъ поселенцевъ, живущихъ славными воспоминаніями, а вторые проявляютъ свое существованіе въ грабежахъ разбойническихъ шаекъ и крестьянскихъ движеніяхъ въ первой половинѣ текущаго столѣтія, прекращающихся окончательно лишь съ освобожденіемъ крестьянъ, и создаютъ, какъ отголосокъ далекаго прошлаго, такіе типы разбойниковъ, какъ Гаркуша и позднѣе Кармелюкъ.—Остается пожелать чтобы для обработки исторіи Запорожья въ этихъ болѣе широкихъ рамкахъ скорѣе явились и новыя силы, и новые матеріялы.

И. Каманинъ.

Буковинскій Альманахъ. Черновцы. 1885 г.

Эта книга издана въ ознаменованіе десятилѣтней дѣятельности студенческаго общества «Союзъ», состоящаго при университетѣ въ Черновцахъ. Общество возникло съ 1875 г., т. е. съ перваго года открытія университета въ столицѣ Буковины. Задачей своей «Союзъ» ставитъ соединеніе всѣхъ русскихъ студентовъ университета въ тѣсную связь для товарищескаго житья и научнаго совершенствованія. Цѣль его—воспитывать русскія чувства въ сердцахъ русской молодежи, поддерживать любовь ко всему русскому. Идеаломъ общества служитъ такой нравственный закалъ своихъ членовъ, при которомъ они всегда и вездѣ въ своей будущей дѣятельности выступали-бы открыто и явно, какъ русскіе, и направляли-бы эту дѣятельность на пользу своего народа.

По мѣрѣ своихъ силъ «Союзъ» принималъ участіе въ главнѣйшихъ проявленіяхъ умственнаго и гражданскаго быта народа. Онъ откликался и на событія, затрогивавшія такъ или иначе все славянство и у себя, на родинѣ, принималъ дѣятельное участіе въ такихъ предпріятіяхъ, какъ сборы въ пользу имѣющейся открыться русской гимназіи въ Коцмани, снабженіе книгами сельскихъ читалень и т. п.

Поддерживаемое усиліями маленькой группы патріотовъ, Общество очень не богато средствами. Оно существуетъ только членскими взносами; но и членовъ не много. Въ Буковинѣ нѣтъ средней русской школы, а существуютъ школы румынская и нѣмецкая. Здѣсь нѣтъ дворянства, а крестьянскія дѣти, по недостатку средствъ на продолжительное ученіе, лишены возможности поступать въ высшія школы. Духовенство,

изъ котораго въ остальной Галиціи вышла почти вся интеллигенція, здѣсь въ большей части настроено недружелюбно ко всему русскому. По какой-то дикой ироніи судьбы представители греко-восточнаго исповѣданія направляютъ здѣсь всѣ усилія къ руманизаціи согражданъ. Неудивительно, поэтому, что вокругъ знамени народной идеи собраны здѣсь пока только немногіе просвѣщенные ея сторонники.

Всѣхъ членовъ «Союзъ» насчитываетъ около ста. Какъ къ вспомогательному средству, общество обращается иногда къ устройству чтеній, спектаклей и вечеровъ. Въ свою десятилѣтнюю годовщину оно издало теперь, въ видѣ прекрасной попытки, литературный сборникъ.

Комитетъ общества обратился съ приглашеніемъ ко многимъ украинскимъ писателямъ, которые и отозвались своимъ безкорыстнымъ содѣйствіемъ. Собранный литературный матеріалъ, по словамъ предисловія къ «Альманаху», изъ котораго мы заимствуемъ эти свѣдѣнія, не могъ быть весь обнародованъ теперь и послужитъ содержаніемъ слѣдующаго выпуска.

Въ составъ «Альманаха» вошли поэма и сказка въ стихахъ, мелкія стихотворенія, разсказы и очерки въ прозѣ и одна популярно-научная статья.

Въ главѣ прозаическаго отдѣла стоитъ дорогое намъ имя Н. И. Костомарова. Здѣсь помѣщена, сообщенная покойнымъ историкомъ, замѣчательная народная малорусская легенда «Сорокъ лѣтъ», записанная имъ еще въ 1842 году на своей родинѣ, въ острогожскомъ уѣздѣ воронежской губерніи. На эту тему впослѣдствіи Н. И. написалъ небольшую повѣсть, появившуюся въ журналѣ и въ отдѣльномъ изданіи. Легенда «Альманаха» есть народный первообразъ этой повѣсти. Будущимъ издателямъ сочиненій покойнаго писателя напомнимъ еще двѣ его маленькія малорусскія вещицы, именно сказки «Торба» и «Ловы», явившіяся когда-то въ «Молодикѣ» Бецкаго, въ 1843 году.

Извѣстный буковинскій новеллистъ Федьковичъ далъ въ «Альманахъ» маленькій очеркъ. Особенности оригинальнаго таланта этого писателя извѣстны и въ Россіи, гдѣ повѣсти его были изданы, а самый разсказъ читатели нашего журнала встрѣтятъ ниже, въ отдѣлѣ «Извѣстій и замѣтокъ».

Интересною новинкой является повѣсть анонимнаго автора «Карпатскій Гончарь», построенная на мотивахъ галиційскихъ событій 1846 года. Это очень недурной эскизъ польско-шляхетскихъ инсуррекціонныхъ вспышекъ и первыхъ проблесковъ пробужденія національно-самобытнаго сознанія въ тамошнемъ русскомъ населеніи. Старикъ-ру-

синъ прикидывается шляхтичемъ и становится участникомъ маленькой панской революціонной эскапады, съ цѣлью проучить тогдашнихъ рабовладѣльцевъ и угнетателей народа и обратить ихъ затѣю на пользу угнетенныхъ. Къ сожалѣнію, авторъ, обнаружившій дарованіе, далъ разсказу какой-то ненужно-романтическій пошибъ, руководясь, пожалуй, знакомыми ему нѣмецкими беллетристическими образцами. Въ то время, когда поэзія стала на почву свѣжаго реализма, романтическая манера не рѣжетъ глазъ только тогда, когда она выкупается первоклассными литературными достоинствами, какъ у великихъ романтиковъ, напр. Жоржъ Зандъ и другихъ. Нѣмецкій романтизмъ казался приторнымъ всегда, а теперь, при полномъ упадкѣ германской поэзіи, и подавно. Литературныя школы, которыя могутъ теперь дать нѣчто писателю въ смыслѣ пріемовъ, суть англійская, русская, французская и польская. По нѣсколькимъ простымъ и симпатичнымъ штрихамъ въ изображеніи горной природы и обыденныхъ нравовъ у автора замѣтны задатки вполнѣ удовлетворительные для реальнаго писателя.

Очень недурненькій очеркъ К. Устіяновича «Межи добрыми людьми», рисуетъ, совершенно вѣрное, къ сожалѣнію, положеніе бѣдняка и человѣка страдающаго въ людскомъ обществѣ. Несомнѣнно, что можно погибнуть сто разъ «между добрыми людьми» и что никто изъ этихъ добрыхъ людей не почувствуетъ себя и капельку виновнымъ въ вашей погибели.

«Альманахъ» богатъ стихями, что вовсе не означаетъ, что онъ богатъ поэзіей. Къ поэзіи несомнѣнной относятся только пять стихотвореній Кулиша. Какъ выдѣляются эти, отмѣченныя могучимъ словомъ и сильною мыслью, пьесы отъ всего остального! Различныя фазы воззрѣній ветерана украинской литературы даютъ поле для возраженій и полемики; но никто, прочитавши хоть эти стихи, не скажетъ, чтобъ ослабѣлъ его талантъ. Особенной силою отличается пьеса, названная «Кобзарскій Заповитъ». Вмѣсто похвальныхъ надписей, надъ его могилой, на пахучихъ липахъ, поэтъ проситъ повѣсить многострунную бандуру. Тихо будетъ колыхать ее вѣтеръ и говорить съ ней объ умершемъ.

И хлиплючи про все вона ему роскаже:
Якого горя мы и щастя въ двохъ дознали...
Якъ умирали мы и знову воскресали.
И буде винъ іи тихесенько гойдати,

Якъ изъ сестрою братъ про мене розмовляти,
Обнявшись плакати и тугу розважати...

Изъ мѣстныхъ писателей стихи въ «Альманахѣ» помѣстили г.г. Устіановичъ, Маслякъ, Блонскій, Пасѣчинскій, Поповичъ. Большая историческая поэма «Тимошъ Хмельницкій» написана Даниломъ Млакой.

Л—тъ.

Извѣстія и замѣтки

(ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЯ, ЭТНОГРАФИЧЕСКІЯ И ИСТОРИЧЕСКІЯ).

ДОВБУШЕВЪ КЛАДЪ.

(*Гуцульская легенда Осипа Федьковича*)[1].

Ходитъ молва, что Олекса Довбушъ, самый удалой воинъ и опришекъ на всѣ гуцульскія горы, закопалъ въ землю огромный кладъ. Тамъ столько серебра и золота, сколько можетъ повезти шестьдесятъ лошадей. Но гдѣ закопанъ тотъ кладъ, никто не знаетъ: одни говорятъ, что возлѣ Черногорскаго озера, другіе думаютъ, что возлѣ камня съ надписями, между Бѣлоберезкою и Яворомъ, а третіи твердятъ, что подъ Сокольскимъ. Одно достовѣрно, что до сихъ поръ находятся еще люди, больше изъ молодежи, которыя ищутъ тотъ кладъ. Объ одномъ изъ такихъ парней хочу разсказать вамъ и я.

---

1) Довбушъ или Добушъ—знаменитый атаманъ опришковъ, опоэтизированный народной фантазіей. Съ своей удалой шайкой, онъ верховодилъ среди гуцуловъ, въ юго-восточной Галиціи и въ горахъ Буковины въ половинѣ XVIII вѣка. Народная пѣсня прославила его подвиги и сдѣлала его народнымъ героемъ. Потомки горца Стефана Дзвонки, убившаго его, еще и теперь живутъ въ селѣ Космачь особнякомъ, подъ народной опалой. О зарытомъ имъ кладѣ, Довбушъ, умирая сказалъ: „лежитъ онъ въ полонинѣ, въ Черногорахъ. Гдѣ? Вѣдаетъ Богъ и я знаю. Да только земля будетъ имъ пользоваться, а не люди“.

Предлагаемый въ переводѣ очеркъ г. Федьковича представляетъ романическій эпизодъ на основѣ народныхъ разсказовъ объ искателяхъ этого клада. Въ немъ отразилась, какъ обычная писательская манера автора, прозваннаго „буковинскимъ Шевченкомъ“, такъ и черты повѣрій и нравовъ буковинскихъ селянъ.—*Переводч.*

I.

Жилъ въ нашемъ селѣ очень богатый и уважаемый хозяинъ, Петро Косованъ по прозванію, человѣкъ добрый, честный и умный, да однимъ только грѣшный—большою гордостью. Не богатствомъ чванился онъ, а знатнымъ и славнымъ своимъ родомъ, изъ котораго вышло не мало священниковъ и чиновниковъ, и сельской старшины, и даже офицерства.

Косованъ былъ вдовецъ и всего дѣтей у него было однимъ одна дочка, какъ душа одна,—Олена по имени. Нѣжная, бѣленькая, тоненькая, хрупкая какъ райская птичка, несмѣлая, боязливая, она боится, бывало, и слово промолвить, не то что чужимъ, а и родному отцу. За то прозвали ее люди Лиліей. И правда, похожа была она совсѣмъ на ту святую, бѣлую Лилію.

Косованъ любилъ дочь больше, чѣмъ самого Господа Бога; но, какъ умный человѣкъ, не могъ не гадать о будущемъ и видѣлъ, что скоро прійдется отдать ее въ люди. Самой Лиліи замужество не приходило еще никогда и въ голову. Только и было у ней на мысли, что батько, котораго любила она больше жизни, да прекрасныя наши пѣсни. Какъ защебечетъ ихъ, бывало, своимъ серебряннымъ голоскомъ,—кроитъ сердце безъ ножа и безъ кинжала и не только молодому, но и старому. Такая-то была святая, прекрасная наша Лилія.

А какъ минуло ей семнадцать лѣтъ и пошелъ восемнадцатый, сталъ Петро то сюда, то туда въ гости ѣздить, навѣщать обширную свою родню, совѣтываться, хлопотать, разспрашивать, присматриваться къ парубкамъ, а передъ Успеніемъ и говоритъ Оленѣ: «Олеся, дитя мое! Ты знаешь, что ты одна моя радость на свѣтѣ и что хотѣлъ-бы я не разлучаться съ тобою до самой моей смерти. Да не такъ Божій законъ велитъ; пора тебѣ идти замужъ, а потому на Успеніе, чрезъ недѣлю отъ сегодняшняго дня, жди старостъ. Съѣдется къ тому дню и вся наша обширная и знатная родня; устрой же все такъ, дочка моя милая, чтобъ не набраться намъ стыда. Поваровъ и булочниковъ найму я изъ города. Погребъ нашъ не пустъ, полны и амбары, а обо всемъ остальномъ старайся ты, моя голубка»! Сказавши это, Петро ушелъ на село, оставивши бѣдную дѣвушку на волю мечтамъ и думкамъ.

II.

Лилія. какъ я сказалъ уже, была дѣвушка тихая, робкая. Оставшись еще въ колыбели сиротою послѣ матери, выросла она при отцѣ и не видѣла ничего на свѣтѣ дальше своего села, да и то только идучи съ отцемъ въ воскресенье или въ праздникъ въ церковь, а изъ церкви домой. Пріятелекъ у ней было мало, такъ какъ въ Петровъ домъ рѣдко кому былъ доступъ. Жилъ онъ съ людьми хорошо, но держался отъ нихъ поотсторонь. Такъ и выросла Лилія, не зная ни печали, ни радости, заботилась только о томъ, какъ-бы угодить своему батьку, котораго уважала и любила больше всего на свѣтѣ.

А какъ ей Петро сказалъ про замужество, то она, бѣдняжка, ничего, вѣрно, и не поняла. Слышала она, что другія дѣвицы выходятъ замужъ,—отчего-жъ не идти и ей? Къ тому же и думать много было некогда, такъ какъ уже дня черезъ два, стали являться и повара и булочники и ближайшія тетки и блюдолизы всякіе. Не было времени бѣдной дѣвушкѣ и раздумывать. Всякаго надо было устроить или приставить къ дѣлу, а это не такъ легко, какъ кажется. Только на канунѣ самаго Успенія, вечеромъ, когда все уже было налажено такъ, что и старая однозубая тетка Варвара ни къ чему не могла придраться, тогда только вышла усталая Лилія погулять въ свой большой садъ. Былъ тотъ садъ густо обсаженъ кругомъ яворами, липами и красной калиной.

А гуляя по саду запѣла Лилія одну изъ нашихъ пѣсень прекрасныхъ, что такъ и льются мелодической волною, какъ райскіе ручьи по цвѣтущимъ лугамъ. Да вотъ чудо!—едва успѣла она запѣть своимъ чистымъ голоскомъ, какъ изъ-за явора, сталъ вторить ей звонкій, мужской голосъ, такой пріятный и милый, что у дивчины закружилась головка.—Слушать? или убѣжать скорѣе?—эти мысли сразу пришли ей въ умъ, но рѣшать некогда было, такъ какъ въ ту-жъ минуту появился передъ нею молодой красавецъ, одѣтый пышно, какъ рыцарь или какой царскій сынъ.

— Ты кто? спросила, вздрогнувши, дѣвушка.

— Тотъ, что тебя вѣрно полюбилъ, пташка моя райская, единое солнышко молодой моей жизни!... Лилія! тебя Богъ создалъ для

меня, а меня для тебя, я прочелъ это въ твоихъ небесныхъ глазахъ!... полюбила ли ты меня, Лилія?

— А какъ же тебя звать? вымолвила она, зарумянившишь, какъ пунцовая роза, первый разъ, можетъ быть, въ жизни... Красивый парень угадалъ, какъ волшебникъ, всѣ мысли, что шевельнулись и вдругъ разцвѣли въ невинномъ дѣвичьемъ сердцѣ.

— Меня? спросилъ парубокъ понуро и грустно; зачѣмъ тебѣ знать? Зачѣмъ теперь тебѣ знать это?

— Мнѣ надо знать сегодня.

— Для чего-же, роза ты моя майская? Для чего сегодня?

— Отецъ хочетъ завтра обручить меня, вѣрно, съ какимъ нибудь богатымъ парубкомъ изъ знатнаго рода. А я не могу идти противъ воли отца, безъ важной причины. Можетъ быть ты бѣдный или не изъ такого рода, какъ хочется отцу и потому боишься сказать мнѣ, какъ тебя зовутъ. Не бойся, милый мой! Отецъ мой не такой злой, какимъ его считаютъ и любитъ меня слишкомъ сильно, чтобъ противиться моему счастію. И объ имуществѣ твоемъ онъ не спроситъ, потому что самъ богачъ, лишь бы твой родъ...

— Ха, ха, ха!... засмѣялся парень, да такъ горько, что дѣвушку кольнуло въ самое сердце. Такъ ты говоришь завтра?

— Завтра въ полдень съѣдется вся наша родня, прійдетъ и женихъ съ старостами.

— А любишь ли ты меня?

— Развѣ бы я стояла здѣсь и говорила съ тобою, если-бъ не любила тебя?

— Такъ завтра въ полдень и услышишь мое имя, а я узнаю, вѣрно ли ты меня любишь. О, если бы хоть на сотую долю такъ, какъ я тебя люблю!...

Сказавъ это, вздохнулъ парень глубоко и тяжко, поклонился Лиліи и скрылся за яворами, а дивчина, не помня себя, пошла тихо въ хату.

III.

На другой день, на святое Успеніе, съѣхалась вся многочисленная и знатная Косованова родня. Были тутъ и священники, и чиновники, и всякое начальство, а между ними, самый почетный гость, одинъ капитанъ, усатый-преусатый щеголь, родной братъ Петра.

А тетушекъ да сестрицъ, и горбоносыхъ и красноносыхъ, и зубатыхъ и беззубыхъ, налетѣло столько, что наврядъ ли кто могъ бы списать и на бумагѣ.

Къ полдню, пока тетки и сестрицы наряжали да убирали цвѣтами Лилію, пріѣхалъ съ старостами и женихъ. Былъ парень видный, пристойный и не уродъ, хоть рыжій, какъ лисъ, да за то сынъ богатаго отца, изъ хорошаго семейства; самъ родомъ изъ дальняго села. Косованъ встрѣтилъ его, какъ сына, а когда старосты проговорили свои законныя рѣчи, велѣлъ онъ призвать въ свѣтлицу Лилію. Вошла наконецъ и Лилія, да совсѣмъ не боязливая и робкая, какъ ждала родня, а такая смѣлая, гордая и пышная, что самъ Петро изумился и какъ будто даже испугался. Только когда Лилія, наклонившись, поцѣловала его въ руку, тогда только онъ отозвался къ ней и сказалъ:

— Вотъ этотъ молодецъ, Филиппъ Коломыйчукъ, хочетъ быть твоимъ мужемъ, пойдешь ли ты за него?

Лилія не отвѣчала ни слова, но глянула на двери, не идетъ ли тотъ, кого она полюбила больше жизни. Не видно никого, а Петро сталъ вести свою рѣчь дальше:

— Пугливое и робкое у меня дитя, но ты не дивись этому, славный молодецъ. Она росла у меня все равно, что въ монастырѣ.— Подойди-жъ, сынъ мой и поцѣлуй свою нареченную невѣсту!

— Стойте! крикнулъ усатый капитанъ, надо исполнить законъ. Твоя дочь, братъ Петро, громко должна сказать, пойдетъ ли она за этого парня.

— Ну, скажи-жъ, дочка, отозвался Косованъ, не очень то довольный вмѣшательствомъ брата.

— Скажи твоему отцу, что ты моя! раздался голосъ изъ дверей и возлѣ Лиліи сталъ тотъ самый юноша, что бесѣдовалъ съ нею въ саду.

— Тебѣ что тутъ нужно, проходимецъ? крикнулъ разгнѣванный Петро.

— Твою дочь! Ее хочу я взять себѣ въ супруги, отвѣчалъ гордо парубокъ, взявши Лилію за руку.

— Ахъ ты бродяга, крикнулъ Петро, ахъ ты голякъ! повторила родня; ты смѣешь безчестить такъ Петра Косована?

— Стойте! крикнулъ громче всѣхъ капитанъ. Нѣтъ тутъ никакого безчестія, хоть царскую дочь желать взять себѣ въ законныя супруги. Пускай рѣшаетъ сама дѣвушка.

— Да говори-же! крикнулъ дочери Петро, выведенный изъ себя.

— Я люблю только этого парубка и за него только и пойду, сказала Лилія, смѣло приблизясь къ пришедшему.

— Да развѣ ты знаешь его? спросилъ Петро, удивленный больше, чѣмъ разсерженный; знаешь, кто онъ такой и какъ зовется?

— Я Марко Золотарь прозываюсь, отозвался парубокъ учтиво, родомъ изъ здѣшняго села, сынъ честныхъ, хоть и бѣдныхъ людей. Отецъ мой, Нтколай, завѣщалъ мнѣ, умирая искать Довбушевъ кладъ, что зарытъ подъ Сокольскимъ. Вотъ третій годъ, какъ я ищу его, и долженъ найдти въ этомъ году, такъ какъ отецъ является мнѣ и во снѣ и не даетъ покою. А пока что, нашелъ я кладъ еще болѣе драгоцѣнный, дочь твою, Петро Косованъ, и прошу ее у тебя себѣ въ жены. Не смотри на то, что я бѣденъ теперь; не пройдетъ и года, какъ я буду богаче тебя.

— Хорошо, Марко, сказалъ Петро, даю тебѣ сроку годъ. Если черезъ годъ отъ сегоднишняго дня, на святое Успеніе, положишь здѣсь на столѣ передо мной три тысячи червонцевъ, дочь моя будетъ твоею. Если же нѣтъ, то уходи изъ нашего села и такъ далеко, чтобъ и слуху о тебѣ не было. Согласенъ ты?

— Идетъ, отвѣчалъ Марко, подавая руку Петру. Черезъ годъ отъ сегоднишняго дня, на Успеніе, не далѣе полуночи.

— Ура, крикнулъ капитанъ, подавая руку Марку. Если черезъ годъ я не протяну ноги, то буду тоже непремѣнно здѣсь.

IV.

Съ того дня сталъ выбиваться Марко изъ силъ, разыскивая Довбушевъ кладъ. День и ночъ видали его съ заступомъ, буравомъ или свердломъ то подъ Сокольскимъ, то у камня съ надписями, то на Чорногорьи, обливающагося кровавымъ потомъ. Не разъ уже готовъ онъ былъ отчаяться въ своей работѣ, не разъ не хватало у него ужъ и силы на этотъ тяжкій трудъ, но Лилія, которую любовь превратила изъ робкой въ смѣлую, рѣшительную дѣвушку, все ободряла его, все убѣждала надѣяться. Да что съ того?—Довбушевого клада нѣтъ, какъ нѣтъ, а тутъ завтра ужъ и Успеніе.

Пока наступитъ полночь, надо или положить Петру на столъ три тысячи червонцевъ или на вѣкъ проститься съ милой и съ родными горами.

Цѣлый день Божій копаетъ Марко и кровавый потъ, а порою и слезы застилаютъ ему очи, а тутъ наступаетъ ночь такая холодная, сырая и угрюмая, какія рѣдко бываютъ даже и въ горахъ. Но Марко не смотритъ на то, копаетъ себѣ и копаетъ, когда видитъ, вдругъ блысь! сверкнулъ какой то огонекъ и къ нему подходитъ кто-то одѣтый служанкою, въ бѣлой юпкѣ.

— Лилія, Лилія, зачѣмъ ты здѣсь? Вѣдь ты иззябнешь! крикнулъ Марко, узнавши свою милую, вооруженную большимъ фонаремъ и дрожащую отъ холода.

— Дальше, дальше! копай, Марко, о копай, здѣсь онъ, тотъ Довбушевъ кладъ, такъ мнѣ открылось сегодня во снѣ и такъ ясно, что я вскочила съ постели, что-бъ бѣжать къ тебѣ. О копай, Марко! Отецъ съ капитаномъ ожидаютъ тебя. Я бы помогала тебѣ, но не въ силахъ. Стужа такъ пробрала меня, что я едва держусь на ногахъ. Копай, Марко! Богородица Пресвятая поможетъ тебѣ; копай!...

Сказавши это, пошла бѣдная дѣвушка домой, неся фонарь. Она дрожала всѣмъ тѣломъ и, въ горячкѣ, повторяла все: «копай, Марко, копай»!...

И копалъ несчастный Марко, копалъ до потери силъ, да что съ того? Клада все нѣтъ и нѣтъ, а въ селѣ стали уже кричать первые пѣтухи. Тогда Марко кинулъ и заступъ и буравъ и пошелъ въ деревню, что-бъ сдержать данное старому Косовану слово. Едва переводя духъ, блѣдный какъ смерть, явился онъ наконецъ къ Петру и говоритъ: «пришелъ я поблагодарить тебя на прощанье за данный мнѣ срокъ и сказать тебѣ, что Лилія свободна; слова даннаго тебѣ я сдержать не могу. Видитъ Богъ, какъ я трудился... Да что съ того?... Вѣрно такъ онъ судилъ, что-бъ не была Лилія моею!... О, даруй ей, Царь Небесный, хоть счастливую долю!...

— Сынъ мой, говоритъ Петро, заплакавши, я знаю, какъ ты друдился и какъ страдалъ цѣлый годъ. Прости меня за мое упорство. Я только измучилъ имъ тебя и доставилъ тебѣ горе. Но за то отдаю тебѣ все мое имущество и мою Олену, которая стоитъ тебя также, какъ и ты ее. Эй, дивчата! Позовите мнѣ сей часъ сюда мою дочь; пусть пріиметъ, какъ должно, своего жениха и друга.

Да не меня благодари, Марко мой, а дорогого моего брата. Онъ навелъ меня на умъ, а безъ него Богъ знаетъ, до чего бы довели меня собственныя мысли...

Пока Марко кланялся капитану, а капитанъ обнималъ Марка, вбѣжали въ свѣтлицу испуганныя дивчата и объявили, что Лиліи въ домѣ нѣтъ нигдѣ.

— Огня, крикнулъ Марко, дайте огня, факеловъ, ради святого Бога! моя душа чуетъ не доброе. И пока сбѣжались слуги, пока засвѣтили фонари и зажгли факелы, Марко передалъ полумертвому Петру, какъ приходила къ нему Лилія, какъ дрожала отъ стужи и какъ ушла отъ него.

— За мной, крикнулъ капитанъ и всѣ, съ Маркомъ впереди, бросились бѣжать, сколько хватало силы.

Да не далеко пришлось имъ бѣжать; не въ дальнемъ разстояніи отъ Петрова жилья нашли они Лилію, уже мертвую. Какъ сѣла отдохнуть на бѣлый камень, такъ и почила на вѣки. Только фонарь свѣтился еще возлѣ нее.

На третій день хоронили Лилію. Марко пропалъ безъ вѣсти. Видѣли только, какъ плыла внизъ по Черемшу его шляпа. Довбушевы сокровища еще и до сихъ поръ покоятся въ землѣ, а бѣлый камень, на которомъ въ послѣдній разъ отдыхала Петрова дочка, народъ назвалъ могилой Лиліи. Вѣчная ей память!

ЧЕРНИГОВСКІЯ ГУБЕРНСКІЯ ВѢДОМОСТИ НА НЫНѢШНІЙ ГОДЪ И НОВЫЕ ВЪ НИХЪ ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧСКІЕ МАТЕРІАЛЫ.

Съ 1886 г. Черниговскія Губернскія Вѣдомости возобновили у себя неофиціальную часть, прекращенную уже болѣе 10 лѣтъ. Въ 50-хъ и 60-хъ годахъ эта часть названнаго изданія наполнялась очень содержательнымъ историко-археологическимъ и бытовымъ матеріаломъ, на цѣнность котораго не разъ указывалось въ разныхъ историко-археологическихъ трудахъ. Но, какъ извѣстно, успѣхъ изданій этого рода чисто случайный: появится въ губерніи новый администраторъ и проникнется любовію, конечно, платони-

ческою къ Губернскимъ Вѣдомостямъ, или случайно попадетъ въ губернскій городъ какой-либо безкорыстный труженикъ и любитель литературы, которому по обстоятельствамъ не къ чему больше приложить свой трудъ и познанія,—тогда Губернскія Вѣдомости оживляются и даже процвѣтаютъ; а не случится этого, ихъ листки по праву идутъ на заворачиваніе сельдей, масла, сальныхъ свѣчей и другихъ предметовъ мелочной торговли. Нѣчто подобное случилось, и, полагать надо, не въ первый уже разъ, и съ Черниговскими Вѣдомостями. Мы не знаемъ обстоятельствъ настоящаго ихъ обновленія; знаемъ только, что на этотъ разъ веденіе возобновленной неофиціальной части находится въ рукахъ учителя мѣстной гимназіи г. Соловскаго и что Черниговскія Губернскія Вѣдомости съ начала нынѣшняго года выходятъ два раза въ недѣлю, по воскресеньямъ и четвергамъ. Повидимому, редакція располагаетъ и достаточнымъ числомъ сотрудниковъ; но постоянные-ли они, или случайные, на чемъ основана ихъ связь съ редакціею и насколько она продолжительна и прочна, это остается также неизвѣстнымъ. Насъ впрочемъ интересуетъ самый фактъ улучшенія мѣстнаго изданія, посвященнаго между прочимъ мѣстной исторіи, этнографіи и археологіи, и мы хотимъ настоящею замѣткою обратить на это вниманіе людей занимающихся мѣстною и исторіею сдѣлать нѣкоторыя частнѣйшія для нихъ указанія.

Начнемъ съ общей статьи г. Демкова, помѣщенной въ трехъ первыхъ №№, гдѣ онъ старается уяснить, чѣмъ должны быть Губернскія Вѣдомости вообще и какъ нужно поставить въ частности неофиціальную часть. Для уясненія этихъ вопросовъ авторъ обращается къ извѣстной уже исторіи происхожденія Губернскихъ Вѣдомостей и приходитъ къ совершенно справедливому заключенію, что въ умѣлыхъ рукахъ такое изданіе легко сдѣлать не только полезнымъ пособіемъ для исторіи, этнографіи, статистики и археологіи, но и полной картиной всего совершающагося въ губерніи. Но г. Демковъ не уясняетъ матеріальной стороны изданія Губернскихъ Вѣдомостей, а между тѣмъ отъ такой или иной постановки ея и зависитъ все дѣло. Извѣстно, что въ большей части Губернскихъ Вѣдомостей, если не во всѣхъ почти, авторы не получаютъ гонорара за свои статьи и вся чистая выручка объ обязательной подписки идетъ на усиленіе канцеляріи губернскихъ правленій.

При такомъ условіи редакція должна довольствоваться только безплатными и по тому самому случайными матеріалами и статьями. Въ такомъ-ли положеніи находится и новая редакція неофиціальной части Черниговскихъ Губернскихъ Вѣдомостей, мы не знаемъ; но изъ вышедшихъ доселѣ №№ не видно, чтобы она располагала содержательнымъ и значительнымъ матеріаломъ какъ по части исторіи и археологіи, такъ особенно для изображенія текущей внутренней и внѣшней жизни губерніи, а это указываетъ на случайность какъ сотрудниковъ изданія, такъ и помѣщаемыхъ въ немъ матеріаловъ и статей.

Переходя къ обзору содержанія вышедшихъ №№, мы не коснемся ни статей, направленныхъ къ разъясненію вопросовъ мѣстной общественной жизни, ни тѣмъ болѣе статей общаго интереса, какъ: о силѣ слова, нервности, легочной чахоткѣ и т. под., которыя съ одинаковымъ удобствомъ могутъ печататься въ Нью-Іоркѣ, какъ и въ Черниговѣ, но остановимся лишь на отдѣлѣ «Къ исторіи края». Тутъ, кромѣ нѣсколькихъ гетманскихъ универсаловъ изъ архива графа Григорія Александровича Милорадовича, изъ разряда документовъ крѣпостныхъ, или касающихся поземельныхъ споровъ, находимъ заслуживающую особаго вниманія статью извѣстнаго знатока исторіи Малороссіи и въ частности черниговщины, А. М. Лазаревскаго, подъ заглавіемъ: «Историческіе очерки селъ конотопскаго уѣзда. 1. Села Великій и Малый Самборы, 2. Село Дептовка» (№№ 5, 6, 8, 15, 20—21). Не смотря на спеціальность предмета и кропотливость работы, снабженной массою ссылокъ и документальныхъ данныхъ, въ ней не мало свѣдѣній, имѣющихъ общій историческій интересъ и мы ознакомимъ читателей съ ея содержаніемъ, слѣдуя изложенію самаго автора.

Села Великій и Малый Самборы расположены при рѣчкѣ, которая уже въ началѣ XVI в. носила названіе Самбора (Дворц. Разр., т. II, стр. 899), почему и можно-бы думать, что названіе свое они получили отъ рѣчки; но легко могло случиться, что это названіе занесено на лѣвый берегъ Днѣпра или выходцами изъ древняго галицкаго Самбора, славившагося своими солеварнями (Starozytna Polska, т. II, стр. 635—642), или бѣжавшими сюда въ одно изъ татарскихъ нашествій съ праваго берега Днѣпра, съ древняго также города Самбора, на мѣстѣ котораго находится теперь с. Лѣсовичи кіевской губерніи, таращанскаго уѣзда (Кіев.

Губ. Вѣд., 1846 г., № 27, стр. 250. Похилевичъ, Сказ. о насел. мѣстн. кіев. губ., стр. 424). Въ началѣ XVII в. одинъ изъ конотопскихъ Самборовъ упоминается въ перечнѣ имѣній князя Іереміи Вишневецкаго, и по предположенію г. Лазаревскаго это былъ называемый теперь Малымъ. Во второй половинѣ XVII в., въ періодъ чигиринскихъ войнъ, «за переходами военными великороссійскихъ людей подъ Чигиринъ», это село, лежавшее «на трактѣ великомъ», опустѣло, какъ гласитъ мѣстное преданіе, записанное въ 1721 г. со словъ малосамборскихъ «старинцевъ». Въ періодѣ чигиринскихъ войнъ и запустѣнія Малаго Самбора, по мнѣнію г. Лазаревскаго, поселенъ былъ и другой Самборъ, называющійся теперь Великимъ, который вслѣдствіе ухода жителей изъ Стараго Самбора, сталъ многолюднѣе послѣдняго и потому былъ названъ *великимъ*.

При Мазепѣ оба Самбора, равно и с. Корибутовъ, взяты были «на булаву», т. е. на содержаніе гетмана, и изъ нихъ образовано отдѣльное самборское староство, причисленное къ батуринской волости. По смерти Скоропадскаго, это староство вмѣстѣ съ батуринскою волостью находилось въ распоряженіи малороссійской коллегіи до половины 1726 г., когда батуринская волость отдана была во владѣніе Меньшикова (Арх. прав. сената, Баранова, т. II, № 1789). При немъ, услужливостью устроителя волости Андрея Гудовича и злоупотребленіями поставленнаго имъ старостою Семена Калницкаго, въ первый разъ наложена была рука и на самборскихъ козаковъ, которые сами стали называть себя «належными до дворца», т. е. ставшими въ положеніе близкое къ посполъству. Въ концѣ 1727 г. батуринская волость, послѣ паденія Меньшикова, взята была въ казну; но отъ этого положеніе козаковъ не измѣнилось, а скорѣе ухудшилось. Самборскіе старосты находили себѣ сильную поддержку у членовъ министерскаго правленія малороссійскихъ дѣлъ, для которыхъ удѣляли не малую часть продуктовъ самборскаго хозяйства, конечно не забывая при этомъ и себя». Злоупотребленія старосты Калницкаго и управителя Тарицына довели упадокъ хозяйства въ батуринской волости до крайней степени. Въ 1739 г. «министерское правленіе» вынуждено было перемѣнить въ ней администрацію. Управляющимъ назначенъ былъ генералъ-майоръ Юрій *Вейсбахъ*, который прежде всего постарался привести

въ извѣстность экономическое положеніе волости. Показанія великосамборскихъ жителей, опрошенныхъ Вейсбахомъ, выяснили наглядно причины упадка. Вотъ что между прочимъ они говорили:... «казенныя пашенныя поля мало и поздно засѣены отъ того, что уже четвертый годъ, описныя дворцовыя поля на батуринскаго управителя Тарицына и на старосту Пучковскаго, пахали казенными волами, и сѣяли и молотили напередъ, а напослѣ казенныя ко двору, и всегда какъ рожь, такъ и яровой засѣвали на лучшихъ земляхъ на управителя и на старосту, а на худыхъ—ко дворцу. Казенный немолотенный хлѣбъ въ скирдахъ погнилъ и хотя они подданные и спрашивали, чтобъ тотъ казенный хлѣбъ отдали имъ молотить изъ мѣрки, только молотить не дали... А дворецъ государевъ опалъ строеніемъ за неподчинкою, а найбольше казенное гумно все обветшало и кругомъ его ничего не огорожено за тѣмъ, что они, подданные, работаютъ на управителя, старосту и войта; и отъ тѣхъ тягостей многіе порозошлись и дворы ихъ опустѣли, а найпаче отъ того, что многіе отъ мірскихъ повинностей старостою уволены, а въ ревизіи стоятъ». Такимъ же образомъ уменьшено было и заведенное здѣсь овцеводство. Изъ показанія старосты Максима Пучковскаго видно, что онъ отсылалъ овецъ и барановъ, собирая съ подданныхъ, «въ Глуховъ къ министрамъ, по ихъ требованію, князю Алексѣю Ивановичу Шаховскому и князю Ивану Федоровичу Барятинскому; да отсылалъ ягнятъ въ Кіевъ къ генеральшѣ Александра Ивановича Румянцова». Казенныхъ овецъ разбирали въ маетности графа фонъ-Миниха и генерала А. И. Румянцева значительными партіями. На самборскихъ степяхъ выпасывались лошади и рогатый скотъ кн. Барятинскаго и Румянцева. Хищеніе казеннаго имущества производилось старостами посредствомъ фиктивной купли.

Вейсбахъ, послѣ тщательнаго изслѣдованія хозяйства въ самборскомъ старосввѣ, съ помощью новыхъ надсмотрщиковъ, въ 1740 г. составилъ подробную опись обоихъ Самборовъ, какъ относительно земельныхъ угодій, такъ и состава подданныхъ и денежныхъ и натуральныхъ сборовъ съ нихъ, а равно и земельныхъ угодій и инаго имущества, принадлежащаго къ великосамборскому казенному дворцу. Этотъ важный документъ приведенъ г. Лазаревскимъ цѣликомъ. Опуская въ высшей степени любопытныя данныя этой описи, замѣ-

тимъ только, что козаки въ ней уже прямо называются *подданными*, наравнѣ съ крестьянами, и тѣмъ не менѣе не видно никакихъ современныхъ протестовъ съ ихъ стороны по этому поводу, потому, быть можетъ, какъ думаетъ г. Лазаревскій, «что формы первоначальнаго ихъ подданства» были на столько мягки, что они даже предпочитали это новое для нихъ положеніе прежнему, требовавшему отъ козаковъ нелегкой по тогдашнимъ порядкамъ воинской службы. Впослѣдствіи самборскіе козаки и стали было заявлять свои протесты противъ обращенія ихъ въ крестьянство, но было уже поздно». Эти попытки дѣлались во время управленія края Румянцевымъ и повидимому онъ относился къ нимъ сочувственно; но дальнѣйшаго слѣдствія онѣ не имѣли. До 1853 г. бывшіе самборскіе козаки были крѣпостными крестьянами Разумовскихъ (съ 1750 г., когда батуринская волость была отдана въ числѣ прочихъ имѣній гетману Разумовскому), а съ этого года, когда батуринская волость взята была въ казну за долги князя Андрея Разумовскаго, самборцы сдѣлались государственными крестьянами.

Изъ исторіи самборскаго староства во время управленія Вейсбаха можно отмѣтить еще тотъ фактъ, что имъ былъ устроенъ здѣсь казенный конскій заводъ, для ремонта гвардейской кавалеріи, именно исключительно лейбъ-гвардіи коннаго полка, по назначенію государственной военной коллегіи. Управляющимъ заводомъ назначенъ былъ поручикъ *фонъ-Лоссоеъ*, который съумѣлъ хорошо поставить заводъ и въ короткое время довелъ его до 1000 головъ. Въ виду того, что для такого количества лошадей было недостаточно степей староства, Вейсбахъ сталъ присоединять къ этому староству земли сосѣднихъ селъ, въ которыхъ крестьянство оставалось еще свободнымъ отъ частнаго владѣнія. Такимъ образомъ были присоединены къ староству села: Дептовка, Галенка, Дмитровка, Рябуха и др. Съ передачей батуринской вости Разумовскому казенный конскій заводъ прекратилъ свое существованіе.

О с. Дептовкѣ г. Лазаревскій высказываетъ то весьма правдоподобное предположеніе, что поселеніе его можетъ быть отнесено къ половинѣ XVII в., такъ какъ нѣтъ названія этого села въ перечнѣ имѣній князя І. Вишневецкаго, и что по своей близости къ Самбору она никому другому не могла принадлежать, еслибы суще-

ствовало въ то время. Время поселенія его «захожими» людьми съ праваго берега Днѣпра онъ относитъ ко времени войнъ Хмѣльницкаго. На существованіе этого села въ концѣ XVII в. есть документальныя данныя, указывающія и на то, что въ то время оно было значительнымъ поселеніемъ: имѣло своего ктитора, атамана и войта, а это значитъ, что здѣсь была уже церковь и населеніе настолько значительное, что у козаковъ былъ свой атаманъ, а у посполитыхъ крестьянъ свой войтъ. Во время Вейсбаха Дептовка была присоединена къ самборскому староству и потомъ раздѣляла съ нимъ свою судьбу.

Кромѣ капитальной статьи г. Лазаревскаго, въ отдѣлѣ «Къ исторіи края» не лишены интереса два документа, относящіеся ко времени проѣзда сперва имп. Екатерины II и потомъ великаго князя Павла Петровича чрезъ черниговскую губернію въ Кіевъ (№ 17). Это два оповѣщенія черниговскому уѣздному дворянству отъ его предводителя о томъ, «въ какомъ убранствѣ прилично дворянину сопровождать высокихъ путешественниковъ и какъ себя держать при этомъ». Первый документъ отъ 17 декабря 1786 г., подписанный предводителемъ Иваномъ Дунинъ-Борковскимъ, гласитъ, что по распоряженію губернскаго предводителя А. А. Полетики, собраніемъ дворянъ черниговскаго уѣзда избрано 20 человѣкъ, «господъ дворянъ молодыхъ и видныхъ, для встрѣчи ея величества и для сопровожденія отъ станціи до станціи. Для того же, чтобы «не могло воспослѣдовать разнообразія, сообразуясь приличію», предводитель въ увѣдомленіи наставлялъ избранныхъ дворянъ, «что къ верховой лошади прилично итѣть уборъ краснаго сукна, чепракъ обложенный серебреннымъ галуномъ, а по краямъ вокругъ обшитой черною съ серебромъ бахрамою», при чемъ дворяне должны быть въ губернскомъ мундирѣ. «Для учиненія осмотра и приведенія въ найлучшую исправность, равно и для устроенія порядка, какимъ образомъ во время шествія ея величества поступать», на 3 января 1787 г. назначенъ былъ смотръ дворянъ въ с. Бѣлоусѣ у предводителя. Второй подобный же документъ подписанъ предводителемъ И. Рашевскимъ, отъ 8-го февраля 1788 г., по случаю проѣзда великаго князя Павла Петровича, при чемъ для встрѣчи его высочества предписывалось назначеннымъ дворянамъ въ конвой явиться въ с. Вибли. Оба документа сообщены Н. А. Константиновичемъ изъ его семейныхъ бумагъ.

Изъ числа историко-этнографическихъ замѣтокъ въ вышедшихъ №№ Черн. Губ. Вѣдомостей заслуживаютъ вниманія два сообщенія изъ Сосницы г. Никанора Сорокопуда: «Замѣтка о предразсудкахъ и суевѣріяхъ малоруссовъ» (№ 14) и «Коляды въ Малороссіи» (№ 2). Въ первой замѣткѣ авторъ обстоятельно излагаетъ предразсудки и суевѣрія малорусскаго населенія сосницкаго уѣзда и связанныя съ ними обычаи, а во второй, послѣ краткаго описанія обстановки, при которой поются рождественскія коляды, и обычаевъ, соблюдаемыхъ при этомъ пѣніи, авторъ передаетъ два варіанта колядъ, записанныхъ имъ въ Сосницѣ. Одинъ изъ этихъ варіантовъ отдаетъ такою стариною, что мы приведемъ его здѣсь цѣликомъ.

Що въ пана хозяина
Святый вечоръ!
Да одинъ сынокъ есть,
Да и той въ військо иде,
Его мати выпроважае
Та такъ сынка научае:
Ой мій сыночку (имя рекъ)
Попередъ війска не выхопляйся,
А позаду не оставайся,
Бо попередъ війска сичуть, рубають,
А позадъ війска огнемъ палають,
А въ середини війска пьють, да гуляють.
А винъ матери не послухавъ,
Да загравъ конемъ передъ королемъ,
Да стрелнувъ лучкомъ передъ козачкомъ.
Якъ дочуется самъ турській король,
Почавъ тоди промовлять:
Коли-бъ мени взнать, чій сынъ воювавъ,
То-бъ я тому свою дочку отдавъ
И ще пивъ-королевства отписавъ!—
Що-бъ же ты, король, сего не дождавъ,
Що-бъ я за себе бусурманку взявъ...
Да бувай здоровъ, молодець (имя рекъ),
Зъ милымъ Богомъ, зо всимъ родомъ,
Зъ Іисусомъ Христомъ, святымъ Рождествомъ.

Въ вышедшихъ №№ Черн. Губ. Вѣдомостей встрѣчаются статьи, которыя могли бы имѣть живой интересъ мѣстный инте

ресъ, если бы не носили на себѣ слѣдовъ простой компиляціи, не дающей ничего новаго. Такова статья: «Елецкій монастырь въ г. Черниговѣ», іеромонаха Иннокентія, печатавшаяся прежде въ малораспространенномъ изданіи «Благовѣсть». Изъ нѣсколькихъ статей о церковно-приходскихъ школахъ, перепечатанныхъ или передѣланныхъ изъ журналовъ и газетъ: Народной Школы, Церковнаго Вѣстника, Московскихъ Вѣдомостей, нѣтъ ни одной, которая хотя-бы только упомянула объ устройствѣ современной церковной школы въ предѣлахъ черниговской губерніи и о дѣятельности духовенства въ этомъ отношеніи; нѣтъ ни малѣйшаго намека и на прошлую судьбу церковно-приходской школы, между тѣмъ церковно-приходская школа въ черниговской губерніи несомнѣнно имѣетъ свою исторію, которая уже значительно и разработана въ трудахъ Сухомлинова, Владимірскаго-Буданова и др.

Во всякомъ случаѣ, какъ видно изъ представленныхъ нами данныхъ, Черниговскія Губ. Вѣдомости въ своей неофиціальной части подъ новою редакціею возвращаются замѣтно къ своему прежнему образцу и даютъ извѣстное количество историко-этнографическаго матеріала, освѣщая въ тоже время и въ извѣстной мѣрѣ картину современной мѣстной жизни и подготовляя матеріалъ для мѣстной исторіи въ будущемъ. Отъ души желаемъ редакціи усиленія въ хорошихъ рабочихъ силахъ и не менѣе въ средствахъ матеріальныхъ, *достоинъ бо есть дѣлатель мзды своея* и трудиться вотще никому не въ охоту.

L.

ПРЕСЛѢДОВАНІЕ ЛАПТЕЙ КОЛОНИЗАТОРАМИ НОВОРОССІИ.

Колонизація Новороссіи или бывшей «Запорожской вольницы», начавшаяся въ исходѣ первой половины прошлаго столѣтія устройствомъ запорожскихъ хуторовъ, поланокъ и зимовниковъ, форпостовъ и ретраншаментовъ русской арміи, изъ которыхъ выросли цѣлые городки и наконецъ поселеніемъ четырехъ кавалерійскихъ полковъ изъ вышедшихъ сюда австрійскихъ сербовъ, усилилась повсемѣстно съ уничтоженіемъ Запорожья въ 1775 г. и безмездною раздачею обширнѣйшихъ его земель, участками отъ 6 и 12, до 100 и 200

тысячъ десятинъ всѣмъ, кто по тогдашнимъ понятіямъ признавался правоспособнымъ владѣть землею и чувствовалъ въ себѣ охоту заселить занятый имъ участокъ людьми, не имѣвшими права владѣть землею, т. е. крестьянскаго званія. При этой раздачѣ огромныя лѣсныя пространства по берегамъ рѣкъ и балокъ, въ томъ числѣ Великій Лугъ, Черный Лѣсъ и Гута, перешли изъ общенароднаго въ частное владѣніе, въ степныхъ же мѣстахъ вновь учрежденной новороссійской провинціи чувствовался и тогда такой же почти недостатокъ лѣса, какъ и теперь. Понятно, что охотниковъ на степныя пространства, являлось мало, да и въ тѣхъ мѣстахъ, которыя были заняты, неумѣнье обходиться безъ древеснаго топлива на первыхъ порахъ служило поводомъ для переманиванія ново-поселенцевъ въ предѣлы Польши, изъ за чего возникли было пограничныя недоразумѣнія и переписка. Большинство разбиравшихъ запорожскія земли, а вмѣстѣ и желавшихъ селиться на нихъ, устремлялись туда, гдѣ были лѣса; но въ числѣ новыхъ колонистовъ, кромѣ вышедшихъ изъ Австріи сербовъ, а изъ Украйны и Польши—малороссовъ, было нѣсколько и великороссовъ, по большей части раскольниковъ. Эти послѣдніе не могли отстать отъ привычной имъ, свойственной лѣсистому сѣверу, обуви—лаптей, и для изготовленія оной сдирали кору съ пригодныхъ для того деревьевъ. Тогдашніе колонизаторы Новороссіи усмотрѣли въ этомъ порчу, грозящую уничтоженіемъ лѣсовъ и воздвигли гоненіе на лапотниковъ.

Въ бумагахъ елисаветградскаго архива, хранящихся въ библіотекѣ кіевскаго университета, намъ попался именно такой документъ. Это циркулярный приказъ правившаго тогда новороссійскою губерніею генералъ-майора Василія Алексѣевича Черткова. Одинъ экземпляръ этого приказа присланъ въ елисаветградскую провинціальную канцелярію, которая за «извѣстіе» сообщала комендантской того же имени канцеляріи, что генералъ-майоромъ Чертковымъ «велено для сбереженія лѣсовъ, которые драньемъ лыкъ наиболѣе повреждаются, во всей сей провинціи запретить жителямъ носить лапти, а употреблять, подобно малороссійскимъ, кожаные постолы, а по возможности и сапоги». Въ отвращеніе сего убытка приказывалось тѣхъ, «кто съ деревъ лыки драть станетъ, по поимкѣ штрафовать за каждое ободранное и срубленное дерево по 5 копѣекъ». Какъ великъ былъ вредъ, наносимый лѣсамъ великороссійскими поселенцами Ново-

россіи, судить объ этомъ трудно по неизвѣстности точнаго ихъ числа. Во всякомъ случаѣ число это, судя по уцѣлѣвшимъ доселѣ великорусскимъ слободамъ, было ничтожно и вредъ отъ изготовленія ими лаптей самый незначительный, скорѣе же надо видѣть въ этомъ скаредность кого либо изъ колонизаторовъ, внушившихъ Черткову необходимость подобной мѣры. Впрочемъ приказъ Черткова имѣлъ и другую цѣль: при сей оказіи предписывалось внушать жителямъ, чтобы они старались сѣять и садить лѣса, вспомоществуя другъ другу, «ибо, говорилось въ приказѣ, кто произращеніе лѣса учинитъ, тотъ, въ силѣ плана новороссійской губерніи, не только право имѣть будетъ на всякія нужды употреблять, но и въ вѣчномъ владѣніи останется». Странно только, что это внушеніе дѣлалось тѣмъ, которые, не имѣя собственной земли, физически не могли исполнить благой совѣтъ начальства, такъ какъ подъ именемъ *жителей* очевидно разумѣются здѣсь крестьяне, а не помѣщики—дворяне, для обозначенія которыхъ былъ бы употребленъ другой терминъ. Не безъинтересно наконецъ и то, что упоминаемый приказъ Черткова посланъ былъ заурядъ полковымъ и ротнымъ командирамъ и секундь-майорамъ гусарско-сербскихъ: чорного, желтаго, молдавскаго и елисаветградскаго полковъ съ приказомъ учинить запрещеніе также сдирать лыки и здѣшнимъ гарнизоннымъ и артиллерійскимъ служителямъ (не носившимъ конечно никогда лаптей) подъ таковымъ же штрафомъ и взысканіемъ по поимкѣ денегъ».

Такова была забота прежнихъ администраторовъ и дѣятелей юга Россіи объ охраненіи и разведеніи лѣсовъ!

ЕЩЕ ОТПИСКА О РОЖДЕНІИ УРОДА.

Въ іюльской книжкѣ «Кіевск. Старины» на этотъ годъ г. Дорошенко опубликовалъ документъ, свидѣтельствующій о томъ, какую тревогу возбудило въ 1719 г. неисполненіе указа Петра I о препровожденіи въ Петербургъ для кунстъ-камеры рождающихся въ государствѣ уродовъ. Указъ былъ изданъ въ 1718 году, и нѣтъ ничего удивительнаго, что на другой годъ по опубликованіи его въ лубенскомъ

полку его помнили хорошо, тѣмъ болѣе, что съ царемъ надо было держать ухо востро. Интересно, что неисполненіе распоряженія Петра Великаго вызывало въ сердцахъ провинціальнаго начальства подобное же тревожное чувство и долго спустя послѣ смерти виновника указа, въ послѣдней четверти столѣтія. Свѣдѣніе объ этомъ мы нашли въ перепискѣ новороссійской провинціальной канцеляріи съ елисаветградскою комендантскою канцеляріею, въ числѣ бумагъ елисаветградскаго архива, хранящихся въ кіевской университетской библіотекѣ. Вотъ какъ было дѣло.

16 іюля 1773 г. священникъ слободы Бешкинскихъ Вершинъ Михаилъ Ѳедотовъ въ домѣ своемъ старостѣ Выродову объявилъ: «оной де слободы жена вдова Настасія Яковлева приходила къ нему священнику для взятья молитвы пороженицы, однодворца Василія Брусенцова жены Христины, коя родила незнаемо какого урода мужескаго полу, у коего голова и глаза большіе, ушей нѣтъ, ротъ вдоль къ носу, на рукахъ и ногахъ когти псовые, черевы и печень сверху брюха». Священникъ не сталъ молитвы давать, а по осмотрѣ приказалъ хоронить. Урода похоронили; тѣмъ бы дѣло и кончилось, но надоумило священника разсказать объ этомъ старостѣ, а тотъ донесъ по начальству. Поднялась тревога; вспомнили объ указѣ блаженныя и вѣчныя славы достойныя памяти государя императора Петра Великаго 1718 г. февраля 13 дня, а по силѣ этого указа слѣдовало онаго родившагося монстра положить въ спиртъ и конечно препроводить въ Петербургъ въ кунстъ-камеру уродовъ. Какъ же быть, когда монстръ давно въ землѣ? Канцелярія новороссійской губерніи поторопилась послать немедленно «нарочнаго рисовальнаго подмастерья, что-бы онъ, обще съ лѣкаремъ, отрылъ могилу и, осмотря того монстра, по крайней мѣрѣ, когда въ спиртъ положить уже не можно, снялъ съ онаго, для представленія куда надлежитъ, рисунокъ»; но посланный, возвратясь, рапортомъ представилъ, «что хотя онъ ту могилу и откопалъ, но нашелъ его, монстра, черезъ долгое лежаніе въ землѣ, сгнилаго, такъ что и рисунка съ него снять было уже не можно». Виновнымъ оказался священникъ, но провиціальной канцеляріи было отъ того не легче и она поспѣшила донести о томъ правительствующему сенату, а дабы «впредь священники рождающихся иногда таковыхъ монстровъ похоронять не осмѣливались, а представляли-бъ о томъ тотъ-часъ,

куда надлежитъ, по командѣ, постановила отнестись о семъ въ духовное екатериненской провинціи правленіе, сообщивъ вмѣстѣ съ тѣмъ и объ упущеніи, сдѣланномъ священникомъ Ѳедотовымъ, для поступленія съ нимъ по указамъ. Какому штрафу подвергся виновный священникъ и какое распоряженіе сдѣлано сенатомъ по поводу упущенія такого любопытнаго монстра, изъ переписки не видно; тѣмъ не менѣе канцелярія новороссійской губерніи елисаветградской канцеляріи предписала, «что-бъ по всѣхъ сей провинціи селеніяхъ, въ случаѣ рожденія монстровъ, поступать по силѣ вышеписаннаго указа».

Сооб. **В. Н. Ястребовъ.**

ИЗЪ РАЗСКАЗОВЪ О ЗАПОРОЖЦАХЪ И ГАЙДАМАКАХЪ.

Приводимые ниже разсказы о запорожцахъ и гайдамакахъ записаны мною со словъ моей матери, бывшей крестьянки д. Красновершки, елисаветградскаго уѣзда херсонской губерніи, сама-же мать моя передавала ихъ со словъ своей бабушки Денисихи, «попивны», бѣжавшей во время гайдамачины изъ села Кириловки, звенигородскаго уѣзда кіевской губерніи. Денисиха, бѣжавъ сюда, нашла пріютъ въ д. Красноглазовой елисаветградскаго уѣзда и, бѣгая отъ гайдамакъ, тамъ-же вышла замужъ за бывшаго гайдамаку.

Однажды я попросилъ свою мать спѣть мнѣ какую нибудь старую запорожскую пѣсню и она спѣла мнѣ слѣдующую:

Ой въ тысяча симсотъ девятому году
Сбиралося Запорожа,
Та сбиралося наше Запорожа,
Та на чистую воду.
Ой прощай, прощай,
Ты ричко мутная!
Мы пидемо чистую пити,
Та будемо вражого черкеса
По кручахъ, якъ зайця гонити.
Ой чи ты знаешъ, превражій черкесе,
А що цей козакъ значе?
Ой ты стоишъ въ лиси за деревомъ,
А винъ тебе й тамъ баче.
. . . .

Пѣсня очевидно относится къ моменту ухода запорожцевъ на Кубань, но годъ, здѣсь упоминаемый, означенъ не вѣрно и вѣроятно заимствованъ изъ другой пѣсни—о разореніи Запорожья послѣ измѣны Мазепы, по приказу Петра I.

На мои распросы о запорожцахъ мать моя отвѣчала обыкновенно:

— Що запорожци, що гайдамаки, то все однаково, а козаки козаками, якъ отъ бы то москали, тилько одежа и мова инша.

Я полюбопытствовалъ спросить въ частности о гайдамакахъ; но объяснить ихъ происхожденіе она не могла, а сохранила о нихъ представленіе, какое сложилось у ея бабки путемъ личнаго наблюденія и подъ вліяніемъ народныхъ того времени разсказовъ.

— Це таки люди, говорила она, що жили на воли, въ роскоши, весело, никого не боялись, пили, гуляли.

— А зъ чого-жъ вони жили? спросилъ я.

— Обдирали багатихъ панивъ, та ляхивъ, отъ такъ, якъ ото въ писни спиваютъ, що обидрали и вбили Саву; бо ци ляхи, шляхта обдирали биднихъ людей.

И мать моя запѣла хорошо знакомую ей пѣсню о Савѣ.

Ой пидняли пана Саву
На три списы въ гору,
Та вдарили пана Саву
Объ суху дорогу.

Оце-жъ тоби, пане Саво,
Чужіи пивмитки,
Що на тебе пряли жинки
И маліи дитки!

Полагая, что Запорожье, о которомъ мать моя пѣла часто, извѣстно ей болѣе, я повторялъ распрашивать ее о Сѣчи и сѣчевикахъ. На это мать моя дала мнѣ однажды слѣдующій, болѣе обстоятельный разсказъ, хотя также сливала въ своемъ представленіи запорожцевъ и гайдамакъ.

— Та такъ: кому надопекла панщина, та жинка, та диты, то вони втикали туды на Сичъ, жили соби на воли, пили та гуляли. Баба Денисиха росказуе було, що въ цихъ мисцяхъ було саме кишло (захожихъ, конечно) запорожцивъ; въ казеннимъ саду (садъ въ окрестностяхъ Елисаветграда), та въ саду Мануеля (тамъ-же рядомъ) були ихъ погрибы зъ добромъ; та коло Смоляной балки (12 верстъ отъ Елисаветграда къ сѣверо-востоку), въ лощини, були землянки запорожцивъ; та щей на Бутивци, по-надъ Ингуломъ, коло Кущивки (предмѣстье Елисаветграда) були ихъ потайни землянки. Тамъ десь выоравъ Хабеда (крестьянинъ) гайдамацьке добро. Баба Денисиха ще росказувала, що якъ у Красноглазовій було ще хатокъ съ пять, то дивчата ходили въ казенный садъ зъ глечиками за половницями; то це було выходять зъ кущивъ запорожци, та

таки убрани, та розодити въ жупаны, та й кличуть дивчатъ: «дивчата, дивчата, идить возьмить добре намисто!» и показують здорови пучки намиста; то котри смиливиши, пидійдуть и визьмуть, було. Жупаны у ихъ були сыни, та такого доброго сукна, що николи и не полиняе; отворы на рукавахъ (закавраши звали ихъ прежде) червони, червоный и поясъ, а штаны сыни китайчати на очкури. Отъ и у батька бувъ такій жупанъ: синетемный, а закарваши зелени, застебувався ажъ до верху на гаплики, тоненькій комирчикъ въ два пальци и на комирчику два крючечки и дви бабки, а дали ридше, такъ ажъ до пояса, та такъ щилненько пошито, що й не видко тихъ крючечкивъ. Якъ у кого, то поясъ бувъ зеленый, або якій другій, тильки батько носили разъ у разъ червоный и такъ имъ въ ёму гарно було; звали вони свій жупанъ каптанкомъ; рукава були узьки и на кинци застёбувались крючечками при самій руци. Та й дидъ такъ само одягались и гарно росказували; якъ почнуть було росказувать про Запорожа, та про Сичъ, то й заплачуть.

И мать моя вдохновилась, воспоминая объ отцѣ и дѣдѣ, и запѣла дрожащимъ отъ волненія голосомъ:

Ой жила вдова
Та й Аврамиха,
Та й одного сына мала;
Ой вона-жъ ёго у далекій край
У дорогу не пускала:
Ой не йдь, не йдь,
Ты-жъ мій сыночку,
У далекую дорогу,
Переднюй-же, ты-жъ мій сыночку,
Цей день середу зо мною!»
—Ой якъ мени, та моя мати,
Цей день середу днювати.
Уси козаченьки у Таганрози,
Авраменка тамъ не мае!
Ой за горою, та за крутою
Тамъ дви квиточки вьеця,
Ой у городи, у Таганрози
Тамъ Авраменко бьеця.
Ой винъ бьеця, та бьеця,
Ой оглянеця та позадъ себе,
Ажъ кривава ричка льеця.
Ой за горою, та за крутою
Дви квиточки звито,
Ой у городи, у Таганрози
Тамъ Авраменка вбито.

Я не преминулъ спросить, съ кѣмъ бился этотъ Авраменко, о которомъ она съ такимъ чувствомъ пѣла.

— Та все-жъ зъ тими погаными ляхами (вм. татаръ); винъ бувъ закоринный запорожець, а мати ёго не пускала битьця, бо винъ бувъ ще молодый.

Гр. Журинъ.

КАКЪ НАЧАЛОСЬ ЗНАКОМСТВО ВЕЛИКОРУССОВЪ СЪ ПѢСНЯМИ МАЛОРОССІЙСКИМИ.

Первые малороссіяне, переселившіеся въ Москву при царѣ Алексіѣ Михайловичѣ и патріархѣ Никонѣ, въ качествѣ справщиковъ богослужебныхъ книгъ, не могли конечно вселить въ томъ обществѣ, въ которомъ имъ жить пришлось, любви ни вообще къ малорусскимъ особенностямъ жизни, ни въ частности къ малорусскимъ пѣснямъ, которыя безъ сомнѣнія они знали и быть можетъ пѣли про себя, вспоминая далекую родину. Положеніе ихъ было не видное и даже исключительное; они могли только возбудить ненависть къ себѣ прежнихъ заправителей печатнаго дѣла и ихъ многочисленныхъ сторонниковъ при дворѣ и въ обществѣ.

Съ началомъ присоединенія Малороссіи къ государству московскому пріѣздъ знатныхъ малороссіянъ въ Москву учащался съ каждымъ годомъ. Самъ старый гетманъ не ѣздилъ на поклонъ къ царю, но посольства отправлялъ частыя и не рѣдко въ численномъ составѣ. Сношенія съ Москвою при его пріемникахъ усилились въ такой степени, что чиновные козацкіе послы съ многочисленною свитою живали подолгу въ Москвѣ, а нѣкоторые изъ нихъ вступали въ бракъ съ дочерьми московскихъ бояръ. Совмѣстные походы противъ поляковъ, татаръ и турокъ, постоянное почти пребываніе московской рати въ Украйнахъ обѣихъ половинъ Днѣпра, наконецъ назначеніе въ Малороссію московскихъ воеводъ и другихъ служилыхъ людей, устанавливали все большее и большее сближеніе и знакомство великороссіянъ съ малороссіянами, не смотря на происходившее между ними не рѣдко политическое несогласіе. Оригинальныя лица посѣщавшихъ Москву козаковъ, ихъ одежда и вооруженіе, рѣчь, нравы и привычки—все это привлекало вниманіе москвичей и москвитянокъ. Въ царствованіе Ѳедора Алексѣевича все малороссійское было въ большой модѣ и почетѣ на Москвѣ. «Сей благочестивый царь, читаемъ въ одной неизданной черниговской лѣтописи, такъ возлюбилъ малороссійскій народъ, что казалъ *напѣлы* малороссійскіе вездѣ по церквамъ на Москвѣ заводити, одежду малороссійскую боярамъ носити» и проч. Если были въ ходу *напѣлы* церковные и выполняли ихъ вызывае-

мые изъ Малороссіи пѣвцы, то не могли не войти въ обычай напѣвы и пѣсни мірскія. При взаимномъ жизненномъ сближеніи, въ минуты оживленія собесѣдниковъ и неизбѣжнаго въ ту пору бражничества, пѣсня выступаетъ на сцену сама собою, дѣйствуетъ неотразимо и перенимается скоро и легко. Петръ В., во время своихъ путешествій и походовъ, часто и подолгу бывавшій въ Малороссіи, ознакомился съ малорусскимъ языкомъ и любилъ вставить въ свою рѣчь малорусское словцо. Въ царствованіе Елисаветы Петровны положеніе малороссіянъ въ Петербургѣ получило особое значеніе вслѣдствіе особой близости ея къ графу Алексѣю Разумовскому. Какъ природный козакъ и потомъ пѣвчій, онъ не только зналъ и любилъ, но и мастерски пѣлъ малорусскія пѣсни. Сама императрица любила пѣніе и музыку вообще, въ частности малорусскія. При дворѣ ея былъ особый малороссійскій пѣвецъ, слѣпецъ Любистковъ, и особый бандуристъ; всѣ почти пѣвчіе были изъ малороссіянъ, масса прислуги, гайдуковъ и козаковъ также. Но малорусскія пѣсни распространялись и другими путями. Никогда Петербургъ не былъ такъ наполненъ малороссіянами, какъ въ это время: они толпились въ свитѣ обоихъ братьевъ Разумовскихъ, занимали нѣкоторыя придворныя должности, служили въ духовныхъ, гражданскихъ и военныхъ канцеляріяхъ, пріѣзжали и на время, но въ большомъ числѣ, по дѣламъ тяжебнымъ, для испрошенія маетностей и просто искать счастья. Высшія духовныя мѣста заняты были исключительно малороссіянами; малороссіянинъ былъ и самъ царскій духовникъ, протопопъ Дубянскій. А у архіереевъ, здѣсь жившихъ и сюда пріѣзжавшихъ, кромѣ свиты, были хоры пѣвчихъ, которые при гостяхъ своихъ патроновъ, наравнѣ съ духовными кантами, распѣвали и пѣсни малороссійскія.

Къ этому-то именно времени, къ половинѣ XVIII в. вообще и относятъ обыкновенно знакомство великорусскаго общества съ малорусскими пѣснями, и такое мнѣніе повторено недавно А. Н. Пыпинымъ въ его статьѣ «Очерки малорусской этнографіи» [1]). Мы думаемъ однако на основаніи сказаннаго выше, что не только простое житейское знакомство съ малорусскими пѣснями,

[1]) Вѣстн. Европы на 1885 г., № 8, стр. 754.

но даже записываніе ихъ на сѣверѣ Россіи, въ ея по крайней мѣрѣ столицахъ, идетъ гораздо дальше. Нельзя не остановиться въ данномъ вопросѣ на томъ случайномъ фактѣ, что при обыскѣ у соучастника извѣстнаго В. Монса, Егора Столѣтова, найдены были малороссійскія пѣсни, имъ собираемыя[1]). Не могъ же Столѣтовъ быть въ семъ случаѣ человѣкомъ исключительнымъ. Словомъ: намъ кажется, что знакомство великоруссовъ съ малорусскими пѣснями не безъ основанія можно отодвинуть къ началу XVIII ст. и если вспомнить долгое пребываніе на сѣверѣ Россіи такихъ популярныхъ южнорусскихъ святителей, ученыхъ и вообще дѣятелей, какъ мѣстоблюститель патріаршаго престоля, митрополитъ Стефанъ Яворскій, св. Димитрій Ростовскій, Ѳеофанъ Прокоповичъ и пр., въ произведеніяхъ которыхъ сквозитъ сильная примѣсь малорусской рѣчи, то такое мнѣніе наше не можетъ показаться ни очень смѣлымъ, ни маловѣроятнымъ.

А. М.

АРХЕОЛОГИЧЕСКІЯ ИЗСЛѢДОВАНІЯ ВЪ БАССЕЙНѢ СУЛЫ.

Громадное число кургановъ, разсѣянныхъ на площади южнорусскаго края, представляетъ обширный научный матеріалъ, пока еще изслѣдованный въ незначительной степени. Изъ областей, прилегающихъ къ среднему теченію Днѣпра, болѣе другихъ изслѣдована въ археологическомъ отношеніи кіевская губернія. Еще въ пятомъ десятилѣтіи текущаго столѣтія раскопки Иванишева и изслѣдованія Фундуклея и Грабовскаго привели въ извѣстность нѣкоторую долю историческаго матеріала, заключающагося въ нѣдрахъ кіевскихъ кургановъ; затѣмъ нѣсколько группъ могильныхъ было раскопано гг. Волошинскимъ, Немиричемъ, Самоквасовымъ, Руликовскимъ, Поповскимъ и другими, въ послѣднее-же время весьма важныя раскопки произведены въ бассейнѣ Роси графомъ А. А. Бобринскимъ. Тѣмъ не менѣе количество научно изслѣдованныхъ кургановъ въ кіевщинѣ составляетъ незначительную долю и сравни-

---

[1]) Семевскій. Разсказы изъ русской исторіи, вып. VIII, стр. 165.

тельно съ количествомъ тѣхъ кургановъ, которые приведены въ извѣстность иа площади этой губерніи, оно не превышаетъ правдоподобно $^1/_{200}$ доли ихъ. Гораздо еще скуднѣе числомъ изслѣдованія, произведенныя понынѣ въ полтавской губерніи. До недавняго времени, кромѣ нѣсколькихъ, понынѣ не опубликованныхъ, раскопокъ, намъ не случалось встрѣчать научныхъ свѣдѣній о содержаніи кургановъ полтавщины, между тѣмъ по количеству курганныхъ насыпей полтавская губернія превосходитъ вѣроятно всѣ другія губерніи, лежащія на среднемъ теченіи Днѣпра.

Въ послѣднее время, благодаря болѣе просвѣщенному отношенію русской интелигентной публики къ памятникамъ отечественной древности, систематическая раскопка кургановъ съ цѣлью ихъ научнаго изслѣдованія начата въ сѣверо-восточномъ углу полтавской губерніи и понынѣ дала богатый научный матеріалъ. Одинъ изъ землевладѣльцевъ роменскаго уѣзда, Сергѣй Аркадіевичъ Мазараки, въ теченіи двухъ лѣтъ посвятилъ много труда и средствъ для того, чтобы привести въ извѣстность богатый научный матеріалъ, скрывающійся въ группахъ кургановъ, расположенныхъ вдоль по теченію Сулы. Мѣстность, на которой производитъ изслѣдованія г. Мазараки, отъ г. Роменъ вверхъ и внизъ по Сулѣ, изобилуетъ могильными насыпями, сооруженными въ теченіе различныхъ періодовъ доисторической эпохи; здѣсь встрѣчаются курганы и каменнаго вѣка (на устьи рѣки Олавы въ Сулу) и позднѣйшіе славянскіе курганы до-христіанскаго времени, изобилующія серебрянными и бронзовыми украшеніями (у с. Липоваго) и особенно многочисленны такъ называемые скиѳскіе курганы, которыхъ 4 различные варіанта констатированы раскопками г. Мазараки (у селъ: Аксютинецъ, Поповки, Ярмолинецъ и Чеберяковъ). Послѣдняя группа (у Чебераковъ) интересна тѣмъ, что представляетъ типъ двухэтажныхъ кургановъ; въ верхней части ихъ погребены покойники позднѣйшіе, сожженные на кострахъ и способомъ погребенія напоминающіе сѣверянскіе курганы, изслѣдованные г. Самоквасовымъ, въ нижней-же части находятся болѣе древнія скиѳскія могилы.

Принимая участіе въ теченіи 2-хъ недѣль въ раскопкахъ г. Мазараки, мы имѣли возможность разсмотрѣть одинъ изъ похоронныхъ скиѳскихъ типовъ, констатированныхъ имъ (у с. Поповки). Могилы въ этихъ курганахъ сооружены ниже линіи горизонта; въ подпочвѣ

(желтой глинѣ) высѣчены были обширныя камеры, обложенныя дубовыми брусьями; кости покойниковъ сохранились весьма плохо; они по большей части разрознены и разбросаны по дну камеры; ни разу намъ не удалось видѣть полнаго скелета и не представилось возможности опредѣлить точно его положеніе; за то бытовыхъ предметовъ мы встрѣтили значительное количество: оружіе (копья и клинки) сдѣлано изъ желѣза, стрѣлы-же бронзовыя и въ одномъ случаѣ онѣ встрѣтились въ колчанѣ, съ ясными остатками деревянныхъ частей; затѣмъ въ значительномъ количествѣ встрѣчались особой формы желѣзныя удила, сопровождавшіяся богатымъ наборомъ бронзовыхъ украшеній конской збруи. Въ юго-восточной сторонѣ кургановъ встрѣчались постоянно въ значительномъ количествѣ бусы изъ корала и стекловидныхъ и глинистыхъ композицій, почти тождественныя съ бусами, находимыми въ могилахъ сѣверныхъ склоновъ Кавказа; совмѣстно съ бусами, иногда въ плоскодонныхъ сосудахъ, лежали куски сѣры и красной или оранжевой краски (аурипигмента и реальгара), а также низки раковины (cyprea moneta), служившей нѣкогда монетою на всемъ континентѣ Европы, за 3,000 лѣтъ назадъ. У сѣверной стѣны камеры мы встрѣчали постоянно кучку звѣриныхъ костей (дикой козы, овцы), представлявшихъ вѣроятно остатки тризны; кости были разрознены, не представляли полныхъ скелетовъ и принадлежали нѣсколькимъ экземплярамъ животныхъ. Наконецъ въ сѣверо-восточномъ углу камеръ встрѣчались высѣченныя въ ихъ стѣнахъ ниши, въ которыхъ стояли глиняные сосуды, достигавшіе громадныхъ размѣровъ (4—5 ведеръ вмѣстимости).

Раскопки г. Мазараки производятся весьма тщательно, принимаются всевозможныя мѣры для сохраненія въ цѣлости предметовъ, для реставраціи сосудовъ и другихъ вещей, пострадавшихъ отъ сырости и раздавленныхъ тяжестію насыпи; при производствѣ раскопокъ составляются весьма точные дневники, въ которыхъ тщательно опредѣлены размѣры и глубина камеръ и отмѣчены на планахъ очень точно мѣста нахожденія встрѣчающихся предметовъ; словомъ соблюдены до мелочи всѣ условія правильной научной раскопки. Мы не сомнѣваемся потому, что обнародованіе дневниковъ и выводовъ г. Мазараки, равно какъ и обозрѣніе составленныхъ имъ коллекцій составятъ одинъ изъ самыхъ цѣнныхъ вкладовъ въ науку

русской археологіи и не можемъ не порадоваться, что труды почтеннаго изслѣдователя происходятъ въ такой именно мѣстности нашего края, которая понынѣ была совершенно невѣдома въ области первобытной археологіи.

В. А.

ИЗЪ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСКУРСІИ ВЪ Г. ВЛАДИМІРЪ-ВОЛЫНСКІЙ.

Въ апрѣльской книжкѣ «Кіевской Старины» за настоящій годъ помѣщена была замѣтка г. Е. Д. о существующихъ въ Владимірѣ-Волынскомъ развалинахъ построеннаго здѣсь въ XII ст. подъ конецъ жизни владимірскимъ, а прежде великимъ кіевскимъ княземъ Мстиславомъ Изяславичемъ соборнаго храма во имя Успенія Божія Матери, бывшаго нѣсколько столѣтій каѳедрою владиміро-волынскихъ, до XVII ст. православныхъ, а потомъ уніатскихъ епископовъ. Въ этой замѣткѣ въ общихъ чертахъ представлена судьба этого храма и настоящее его положеніе, а въ концѣ заявлено объ учрежденіи на мѣстѣ особой коммисіи для выработки плана возобновленія этого храма въ его древнемъ византійскомъ стилѣ и собранія данныхъ для его исторіи въ письменныхъ памятникахъ, а также путемъ археологическаго раскрытія и изслѣдованія его остатковъ.

Одновременно съ помѣщеніемъ этой замѣтки почтенный предсѣдатель названной коммисіи, Е. Н. Дверницкій лично прибылъ въ Кіевъ съ цѣлію приглашенія мѣстныхъ ученыхъ для научнаго изслѣдованія развалинъ Мстиславова храма и плодомъ его усилій было то, что около 20 чиселъ минувшаго іюня, по особому приглашенію волынскаго преосвященнаго и губернатора, въ Владиміръ-Волынскій съ означенною цѣлію отправились изъ Кіева профессоръ В. Б. Антоновичъ, профессоръ А. В. Праховъ и секретарь кіевской археографической коммисіи О. И. Левицкій. При участіи означенныхъ лицъ и членовъ мѣстной коммисіи развалины храма, по очисткѣ ихъ отъ загромождавшаго въ громадномъ количествѣ мусора и всякой нечисти, изслѣдованы въ главныхъ частяхъ и благодаря личнымъ объясненіямъ главныхъ дѣятелей въ этомъ изслѣдованіи, А. В. Прахова и В. Б. Антоновича, мы имѣемъ возможность со-

общить теперь о главнѣйшихъ результатахъ предпринятой ими археологической экскурсіи.

Мстиславовъ Успенскій храмъ есть величественный и грандіозный памятникъ архитектуры XII в. Въ ширину онъ равняется кіево-софійскому собору, за исключеніемъ пристроекъ, а по длинѣ даже превосходитъ его. Строго византійскій стиль храма лишь мѣстами искаженъ позднѣйшими поправками уніатовъ, старавшихся сколько нибудь приблизить его къ храмамъ католическимъ. Крыша и купола храма давно обрушились, но стѣны его цѣлы и крѣпки, за исключеніемъ незначительныхъ поврежденій, и есть полная возможность возобновить храмъ въ прежнемъ его видѣ.

По очисткѣ мусора, высокимъ, въ нѣсколько аршинъ, слоемъ лежавшаго внутри, прежде всего усмотрѣны въ предъалтарной и сѣверной части храма остатки кафельно-мозаичнаго разноцвѣтнаго пола, свидѣтельствующаго о высокомъ вкусѣ строителей храма. Вся подпольная внутренность храма изслѣдована за тѣмъ посредствомъ восьми пробныхъ ямъ, при чемъ оказалось, что вся она буквально усѣяна гробницами умершихъ различнаго пола, званія и состоянія, въ такой степени, что мѣстами гроба стоятъ одинъ на другомъ. Въ оконечностяхъ сѣверной и южной стѣнъ открыто 6-ть великокняжескихъ гробницъ, въ олтарѣ двѣ гробницы епископскія, одна прямо отъ горняго мѣста, другая правѣе ея. Южная часть олтаря вся сплошь занята гробами уніатскихъ епископовъ. Осмотръ огромнаго числа гробницъ, то полусогнившихъ и развалившихся, то хорошо сохранившихся, но съ приподнятыми или сдвинутыми крышками, съ остатками костей, волосъ, одежды, украшеній, производитъ, по словамъ изслѣдователей, тяжелое, но вмѣстѣ величественное, возвышающее духъ впечатлѣніе. Гробницы самыя разнообразныя: каменныя, мраморныя, цинковыя, въ видѣ дубовыхъ долбленныхъ колодъ, въ которыя закладывался гробъ покрытый асфальтомъ, а въ томъ уже деревянный, обитый шелковой матеріей. Всѣ гробницы свидѣтельствуютъ сколько о богатствѣ и знатности похороненныхъ здѣсь лицъ, столько-же и объ усиліи ихъ самихъ или близкихъ имъ сохранить бренные останки на возможно болѣе продолжительное время. По сохранившимся кой-гдѣ надписямъ, по самымъ гробницамъ, по уцѣлѣвшимъ въ нихъ одеждамъ, головнымъ уборамъ, украшеніямъ и другимъ полагавшимся въ гробы вещамъ, можно заключать, что

тутъ погребена вся почти древняя, державная и просто богатая и знатная, волынская Русь. А между множествомъ другихъ гробницъ сохранилась съ надписью гробница Анны Сапѣжиной Сангушковой, воеводины витебской, похороненной здѣсь, какъ можно догадываться, въ концѣ XVI ст. Современные потомки этихъ двухъ родовъ и не подозрѣваютъ, гдѣ покоятся тѣла ихъ православыхъ русскихъ предковъ, и съ спокойною душею причисляютъ себя и свои роды къ польской націи и церкви католической.

Изслѣдованіе остатковъ Мстиславова владиміро-волынскаго храма далеко не окончено и продолжается членами мѣстной коммисіи, по указаніямъ гг. Антоновича и Прахова, послѣдній-же около половины августа снова отправляется туда для дальнѣйшихъ изысканій. Въ совершенную теперь экскурсію А. В. Праховъ составилъ точный планъ изслѣдованнаго храма, съ обозначеніемъ раскопанныхъ мѣстъ, найденныхъ гробницъ и остатковъ мозаичнаго пола, а равно сфотографировалъ фасадъ и профили зданія и нѣкоторыя внутреннія его части. Благодаря обязательнй его любезности, мы имѣли случай разсматривать какъ планъ, такъ и фотографическіе снимки и составить полное понятіе о красотѣ и величіи не пощаженнаго временемъ древнѣйшаго памятника нашего церковнаго зодчества.

На этомъ мы могли-бы и окончить наше сообщеніе, если-бы не случайное, но весьма важное открытіе, совершенное въ эту-же экскурсію тѣмъ-же профессоромъ Праховымъ. Вотъ въ чемъ дѣло.

Мстиславовъ храмъ, о которомъ мы говорили, былъ каѳедрою владимірскихъ епископовъ, но только съ конца XII в., а между тѣмъ архіерейская каѳедра учреждена здѣсь еще самимъ Владиміромъ св. въ 992 г., въ народѣ-же сохранилась доселѣ память о «стародавней катедрѣ», съ указаніемъ и самаго мѣста ея, извѣстнаго еще подъ именемъ Ѳедоровця, или Ѳедоровщины. Это не очень высокій, но обширный въ основаніи бугоръ, въ 2-хъ верстахъ отъ города, покрытый травою, но съ слѣдами мусора и щебня. По справкѣ съ сохранившеюся въ Владимірѣ уніатскою «визитою»[1]) 1695 г. оказалось что еще въ XVII вѣкѣ помнили о существованіи на мѣстѣ упомянутаго бугра «старой катедры» и что на томъ мѣстѣ была деревянная церковь во имя св. Ѳедора, развалившаяся еще въ 1683 г. Изслѣдуя позднѣйшую

---

[1]) Въ „визитахъ", по документамъ и словеснымъ показаніямъ, обстоятельно описывались, между прочимъ, состояніе и видъ осмотрѣнной церкви, ея строенія, земли и урочища.

по времени, хотя и XII вѣка, каѳедру епископовъ волынскихъ, нельзя было оставить безъ изслѣдованія «катедры стародавней», мѣсто которой такъ ясно указывалось народнымъ преданіемъ и актомъ XVII вѣка. По снятіи первыхъ слоевъ упомянутаго бугра мусоръ, чѣмъ глубже, становился замѣтнѣе и крупнѣе, а на глубинѣ 2-хъ аршинъ отрыто нѣсколько покойниковъ, что указывало уже на существованіе здѣсь кладбища и вмѣстѣ церкви, такъ какъ умершихъ по селамъ юго-западнаго края даже въ нынѣшнемъ столѣтіи погребали на церковномъ погостѣ, удержавшемъ и доселѣ названіе *цминтаря*—отъ греческаго κοιμητάριον, буквально кладбище. Дальнѣйшія раскопки обнаружили явственные слѣды существованія здѣсь обширнаго (36 арш. длины, 24 арш. ширины) каменнаго храма, именно: остатки толстыхъ стѣнъ древней кладки велико-княжескаго періода изъ кирпича того времени и толстаго слоя цемента съ розовыми крапинками. Доселѣ открыты: сѣверная стѣна, вышиною болѣе сажени, съ жертвенникомъ и боковымъ входомъ, часть западной съ главнымъ входомъ и южный пилонъ царской арки. Снаружи при входахъ найдены остатки кирпичныхъ колоннъ, а внутри храма по стѣнамъ слѣды фресковой живописи; кромѣ того въ грудѣ мусора попадаются куски штукатурки, съ частями буквъ, составлявшихъ надписи, но были ли то буквы и надписи греческія, господствовавшія въ церковной стѣнной живописи X—XII в., или замѣнившія ихъ послѣ XII в. славянскія, по найденнымъ доселѣ обломкамъ опредѣлить еще нельзя. Во всякомъ случаѣ уже теперь есть всѣ данныя, чтобы считать открытый нынѣ храмъ древнѣйшимъ храмомъ въ Владимірѣ-Волынскомъ, сооруженіемъ кого либо изъ первыхъ его князей, если не самаго Владиміра св., «стародавнею», по народному выраженію, «катедрою», первою епископскою каѳедрою временъ Владиміра св. Кто знаетъ, быть можетъ, дальнѣйшія раскопки развалинъ этого храма откроютъ въ подпольной его части гробницы князей и первыхъ епископовъ владимірскихъ и обогатятъ науку новыми данными археологическаго и историческаго характера. Профессоръ Праховъ, возвратясь въ Кіевъ, сдѣлалъ уже письменное, кому слѣдуетъ, представленіе о сдѣланномъ имъ открытіи и со стороны высшей администрація края приняты надлежащія мѣры для обезпеченія дальнѣйшихъ работъ почтеннаго изыскателя.

Ѳ. Лобода.

СТАРИННЫЙ КАНТЪ.

Часъ до дому часъ!
Поки будешъ тута жити? поки людей колотити?
Часъ до дому часъ! Часъ до дому часъ!

***

Веть ты знаешь, чтб мы тута;
Да прійдетъ-же та минута,
Что насъ позовуть! Что насъ позовуть!

***

Еще й тамъ отнять исхочешъ,
Еще кого поклопочешъ!
Не будеть того! Не будеть того!

***

Ахъ охотно, что взялъ, тое
Воротилъ-бы большъ, якъ втрое!
Да тамъ не беруть! да тамъ не беруть!

***

Ты думаешъ, что минется,
Не! сколько воплей тамъ пошлется:
Нельзя тому быть! Нельзя тому быть.

***

Вспомнимъ время и годину,
Что здѣлали за причину,
И будемъ тужить! И будемъ тужить!

***

Но что туга тамъ поможе,
Когда время пройдеть гоже?
Заключится дверь! Заключится дверь!

***

Туть-то треба наблюдати:
Годѣ-жъ бѣдниxъ угнѣтати!
Чтобы въ небо входъ достати,
Кинешься на те,—воротити все!

Сообщ. **С. Н. И.**

где приложена цедула и о дуеллѣ, чтобъ объ ономъ обстоятелно мене увѣдомилъ. Писалъ и до сина тожъ за № 14, строфуючи его о его шалостяхъ, и къ нему-жъ включилъ книжку «Зерцало юности».

30. За шматокъ гатласу блакитного и шолку золотникъ дано 35 коп.—Проезжались изъ Гудовичемъ за нѣсколко верстъ отъ города.

31. Писаны писма въ Глуховъ до Іосифа, въ Левенку до швагра Александра Корецкого, а въ Товкачеву до тамошнего старосты Іліи Паленского чрезъ прилуцкого жителя Івана Котлярева, о которомъ отъ обозного енералного и отъ мене писано особливо до генералной старшины, въ енералной канцеляріи присутствующыхъ.

Августъ.

1. Послѣ полдня, около вечерень, іхъ імператорскіе высочества, великій князь и великая княгиня прибыли изъ Пітергофа до С. П. Бурха въ лѣтный дворецъ.

2. Около полуночи противъ 3 числа изволила ея імператорское величество со всѣмъ своимъ придворнымъ штатомъ прибыть изъ Пітергофа въ свой лѣтный дворецъ до Санктъ-Пітеръ-Бурха при пушечной палбѣ.

4. Послѣ обѣдень были мы всѣ трое въ лѣтномъ государыни дворцѣ. По полдни былъ у мене секретарь Вынклеръ съ женою своею и у насъ былъ еще Ілія Журманъ.

4. Рано были въ дворцѣ и графу поздравляли щастливого возвращенія изъ Пітергофа.—Писано отъ мене писмо къ ассесору Шлидендорфу въ Киль, на его ко мнѣ писмо въ отвѣтъ, по латинѣ, кое сочинялъ Еміхъ.

5. Писма въ Киль, подъ разними выше-означенными числами, до сина, до отца Іова, Івана Політики и до ассесора Шлидендорфа для отправленія ихъ туда, въ Киль, отосланы чрезъ Грицка до секретаря Вынклера, а писма, въ Глуховъ и въ Козелецъ и въ Товкачовку писанные, вручены жителю прилуцкому Івану Котляреву.

6. По милости Божіей удостоился святого причащенія въ обители Невской, по отправленной тамъ же исповѣди предъ отцемъ намѣстникомъ Софроніемъ.—Въ лѣтномъ дворцѣ по отправленномъ набоженствѣ трактовани были обѣдомъ гвардіи преображенского полку

штабъ и оберъ офіцери ради праздника Преображенія Господня. Надъ вечери былъ весь дворъ и многіе господа въ комедіалномъ домѣ на комедіи.

7. Куплены Івану Рудому штапы замшевые за 70 коп.

8. Послѣ обѣда былъ у мене секретарь Вынклеръ и пѣвчій дворцовый (*пропускъ*), которій у мене же отобралъ полскую книгу Гвагнина.

9. Были на обѣдни въ дворцѣ, потомъ въ салѣ и у графа, да въ дворцѣ-жъ по полудни былъ куртажъ.

10. Рано я и Гудовичь были у графа и имѣли нужные розговоры, и о справѣ своей, где засталъ насъ баронъ Іванъ Антоновичь Черкасовъ и Василій Івановичь Демидовъ. Послѣ полдня были у насъ графъ Мойсѣй Владиславичь и Өедоръ Коченевскій.—За ключикъ до часовъ дано 4 коп.

11. Были всѣ трое въ дворцѣ. Оберъ-комендантъ с. п. бурхскій, генералъ лейтнантъ Стефанъ Лукичь Игнатьевъ, въ сихъ числахъ, именно 7, скончавшійся, погребенъ.—Протопопъ борзенскій, отца духовника братъ, а при немъ я мѣщанинъ воронежскій Кадигробъ отъехали 13 числа до Малороссіи. Наши были на комедіи, а у мене сидѣлъ коллегіи іностранной переводчикъ Данилевскій.

12. Были всѣ трое въ дворцѣ и толко видѣли графа изъ поліованя возвратившогося.

13. Тако-жъ во дворцѣ изъ ранку были и тамъ видѣлись съ архіереемъ псковскимъ, а въ вечеру была комедія въ комедіалномъ домѣ.

14. Vacat. 15. Государиня изволила слушать обѣдни въ церквѣ казанской, а послѣ полудня отъехать до Царского Села.

16. По обѣдѣ и іхъ імператорскіе высочества, великій князь и великая княгиня, туда же отъехали. Надъ вечери были мы всѣ трое у графа Александра Ивановича Румянцова за дѣломъ о денгахъ, въ полки черпѣговскій и стародубовскій доводячихся за ставленный въ Кіевъ провіантъ.—Княгиня Черкаская, умершого канцлера жена, преставилась.

17. За 8 аршинъ полсукенка дано 2 р. 64 к., за 10 аршинъ крашенины 50 к., за баволну 33 к., на шолкъ 12 к., на протчее 8½ к.

Послѣ обѣда былъ у насъ Журманъ съ женою своею и требовалъ у мене, чтобъ отпустилъ я диплiомъ свой и печать, понеже де ему по именному указу имѣеть быть дана изъ сената грамота на пожалованные маетности.

18. Рано всѣ трое ездили до князя Алексiя Дмитрiевича Голицина, сенатора, за дѣлами о седмомъ полку и о денгахъ полку стародубовскому и чернѣговскому за провiантъ въ Кiевѣ ставленный доводячихся.—Далъ кафтанъ шить изъ черкески зеленой, за которой митье дано 5 коп.

19. Я былъ рано въ новомъ зимномъ дворцѣ, потомъ зъ Гудовичемъ у пѣвчого Головнѣ.

20. По поднѣ былъ зъ Гудовичемъ у генерала рекетмейстера Iвана Iвановича Дѣлова и о присланномъ дѣлѣ напастномъ отъ Соколовского просилъ.

21. Въ 11-мъ часу предъ полднемъ выносъ былъ умершей княгини Марiи Черкаской, зъ дому Трубецкой, князя Юрiя Юрiевича дочери, а князя Алексiя Михайловича Черкаского, канцлера бывшого, жены.—Послѣ полдня проезжались зъ Гудовичемъ до Калинкина мосту, а оттоль возвращаясь, были въ загородномъ надъ Фонтанкою домѣ гр. Лестока и тамъ преизрядно здѣланные пруды, каналы и ново заведенный садъ осматривали.—Iхъ iмператорскiе высочества возвратились изъ Царскаго Села.

22. Послѣ обѣда былъ у насъ полковникъ бывшiй пѣжинскiй Iоанъ Божичь, который прибылъ въ С. П. Бурхъ сего теченiя 19 числа, а рано явилъся у насъ Гречка, откупщикъ циганской, вчора прибывшый.

23. Сундучокъ дубовый купленъ за 55 коп.—Почью государыня изволила прибыть изъ Царскаго Села.

24. Весь день и до полуночи великая изъ моря была непогода, отъ чего и наводненiе не малое имѣлось.

25. Были рано въ дворцѣ всѣ трое, где при насъ и полковникъ Божичь графу А. К. Розумовскому кланялся впервые и подалъ нѣкоторое писмо. Вечеромъ были на комедiи въ комедiалномъ домѣ.—Освящена церковь пресв. Богородицы владимiрская деревяная.

26. Во оной же церкви на службѣ Божой, ради храма въ ней празднуемого, изволила быть государиня, а потомъ кушать въ домѣ загородномъ камеръ-юнкгера Сиверса.

27. Послѣ обѣда были у мене учители французского языка Сужи и Емѣхъ.

28. Около 12-го полуденного часа будучи у графа, когда тамъ государиня виходила, то между прочими и мы были у ручки, где тогда-жъ былъ и архіерей с. п. бурхскій ради слѣдующаго кавалерского Александра Невского праздника съ докладомъ.

29. За оковку дубового сундучка дано 45 коп., за оправу полской библіи 50 к.

30. Въ 11-мъ часу предъ полуднемъ государиня и кавалери св. Александра Невского ехали церемоніално, по прошествіи церковной процессіи, до монастира Невского, гдѣ по отправленномъ набоженствѣ обратно также ехали до летного дворца и тутъ кушали кавалери съ государинею и при столѣ два раза палено изъ пушекъ.

Сего-жъ числа Іванъ Васильевъ Мировичъ зъ Самойловичемъ отъехали до Малой Россіи, чрезъ которыхъ и Емѣховы писма до Скоропадского и до Кондзеровского отпущены, и оному-жъ Мировичу зъ общыхъ денегъ на дорогу даны 5 рублей.

31. На службѣ Божой были въ церкви мученика Пантелеймона, потомъ въ дворцѣ у графа и представляли ему не токмо о давныхъ, но и о новыхъ нуждахъ общыхъ.—Вечеромъ былъ у насъ Ѳедоръ Коченевскій.

Септеврій.

1. Рано ездили всѣ трое до сенатора графа Шувалова за дѣлами о денгахъ, полку чернѣговского и стародубовского обывателемъ за провіантъ въ кіевскіе и другіе магазины 1736 году ставленой надлежащыхъ, да о ново-розставленныхъ коло Малой Россіи таможняхъ.

Вчера были у насъ въ квартерѣ генералъ-лейтнантъ и бывшый сталь-мейстеръ Радіонъ Михайловичъ Кошелевъ съ синомъ, да генералъ-провіантъ-мейстеръ лейтнантъ Горчаковъ и брегадиръ Аксаковъ.—За пошиге зъ черкески зеленои кафтана дано кравцю 60 коп.

2. Рано ходилъ Гудовичъ къ графу Розумовскому съ челобитною, сочиненною о дѣлахъ малороссійскихъ, въ докладъ госуда-

ринѣ отъ сената изнесенныхъ, и имѣлъ съ нимъ розговоры.—За книжку «Басни Езоповы» дано 12 коп.

Далъ шить кунтушикъ короткій подъ футро; кравцю и ему-жъ на шолкъ и нитки дано 20 коп.

3. Въ Невскомъ монастирѣ былъ на службѣ, потомъ у префекта тамошнего семинаріумъ и отдалъ ему 2-й томъ Maximae Bibliothecae.—Сочинили писмо къ графу просителное о исходатайствованіи по дѣламъ нашимъ общимъ резолюціи милостивой и нашего отпуску. Секретарь Вынклеръ безъ мене пріездилъ на мою квартеру и привезъ ко мнѣ писмо отъ сина зъ Киля.—Надъ вечери ездили въ дворецъ и поздравляли графа завтрешнымъ тезоименитствомъ ея імператорского величества.

5. Рано были съ тимъ-же поздравленіемъ у графа Алексія Дмитріевича Голицина, у канцлера графа Бестужева, у князя Никиты Юрьевича Трубецкого и у оберъ-маршала Шепелева; потомъ въ дворцѣ по службѣ были у государини и у великого князя и великой княгинѣ въ ручки. Обѣдали въ квартерѣ, а въ вечерѣ знову были въ дворцѣ въ салѣ, где и на иллюминацію смотрѣли.—Сего-жъ числа нѣсколко персонъ перемѣнено чинами и жаловано кавалеріею ордина св. Александра Невского.

6. Ѣдучей въ вечеру государини на комедію подали въ дворцѣ лѣтномъ челобитную о дѣлахъ нашихъ общыхъ, а самы уже на комедіи не были, понеже ложа наша замкнута была.

7. Весь день графъ былъ на охотѣ, и мы дважды ездили въ дворецъ, но его не получили.

8. Рано подали графу писмо, отъ насъ написанное о тихъ-же общыхъ малороссійскихъ дѣлахъ, о коихъ и государинѣ челобитная подана.—Ея імператорское величество изволила быть на обѣднѣ въ церкви казанской ради праздника Рождества пресв. Богородицы. Вечеромъ былъ въ дворцѣ маскарадъ.

9. Послѣ полдни ездилъ Лизогубъ къ Новоторжцову и взялъ мапну, о полкахъ малороссійскихъ сочиненную.

10. Въ вечеру была комедія въ оперномъ домѣ, где и государиня и ихъ высочества быть изволили.

11. Послѣ полдня государиня отъехала въ Гостилицю, а вечеромъ былъ у насъ Ѳедоръ Івановичъ Коченевскій.—Писалъ до сина въ Киль, подъ № 15, на его писмо.

12. Званные къ генералу лейтнанту и кавалеру, президенту статсъ-конторъ коллегія, Петру Михайловичу Шипову, обѣдали у него въ домѣ, на Василіевскомъ Острову, въ четвертой лѣніи, а отъ него заездили къ секретарю Новоторжцову и до генерала провіантмейстера лейтнанта, Івана Алексіевича Горчакова.

13. На Петербургскомъ Острову, на Карповцѣ, въ лѣтнемъ домѣ архіерея новгородского, архіепископа Стефана Каліновского обѣдни слухали въ домовой церкви и у его-жъ обѣдали съ архіереями Яновскимъ с. п. бургскимъ, и вятскимъ, да съ учителями невскими и протчими, и весь день пробавили; потомъ въ квартеру нашу привезены его-жъ архіерейскою шлюпкою.

14. Изъ квартери никуда не бывали.

15. Денги кормовые за мѣсяцы прошедшіе, юль и августъ, 200 рублей, изъ Рентереи привезенные, я къ мое завѣдываніе принялъ.

16. Рано былъ и обѣдалъ у насъ Журманъ, и при немъ-же привезъ канцеляристъ Михайло Домбровскій писма ко мнѣ зъ парою рубашокъ, а Гудовичу съ декоторою присилкою зъ домовъ.

16. Куплены для Скоропадского десять, а для дому моего десять штукъ бумажныхъ обоевъ для будинку, всякая штука по 90 к., и того за всѣ дано 19 рублей, да за вахляръ или веееръ дано 1 р.

Вечеромъ былъ г. Лизогубъ у віце-адмирала Головина обѣдкаться одинъ.

18. Чрезъ отъехавшого сотника, лохвицкого бывшого, Івана Івановича посланы бумажныхъ шпалеръ девять штукъ до Скоропадского въ Глуховъ, за 9 р. 60 к. купленные, при писмѣ подъ завтрешнымъ числомъ писаннимъ, где и о Еміху приложена цедула, которій у насъ обѣдалъ.

19. Былъ я воспріемникомъ, съ женою секретаря штатсъ-конторы Якова Василіевича Пушкина, Сарою Макаровною, новорожденному сыну Никитѣ канцеляриста сенатского, Якова Тимофіевича, которого жена именуется Акилина Николаевна; по окрещеніи оного младенца въ церквѣ Воведенія пресв. Богородицы на Петербургскомъ Острову тамъ-же у нихъ съ г. обозным Лизогубомъ обѣдали. Кума мене дарила платкомъ шолковымъ, а я оную веером, до якого за ленту дано 20 коп., да при крещеніи розышлось 70 к.; бабѣ даны 50 коп.

20. Послѣ обѣда были у насъ племінники графскіе, Михайло Власиевичь и Василь Евфимовичь [229]), и синъ Якубовичовъ, Александръ, съ учителемъ своимъ Носкомъ. Г. обозный для ловлѣ рибы ездилъ на Смолный дворецъ и тамъ у Журмана вечерялъ.—Родѣлѣ кумѣ отослалъ водки и закусокъ своихъ украинскихъ, а крестному сину крестикъ іерусолимскій.

21. Куплено холста 11 аршинъ на ночную рубашку за 44 коп.

22. Писаны писма въ Глуховъ до Скоропадского и до Іосифа племенника, да въ домъ до жены и до сина Івана уставомъ, и приложено къ женѣ писмо отъ Гудовича, до его-жъ сожительници надлежащое въ Івантенки и отосланы оние писма на почту сенатскую.—Обѣдали у насъ кіхеншрадберъ дворцовый Өедоръ Стефановичь Головатой и канцеляристъ войсковый Свѣрскій, которій приписовалъ государини прошлого году въ день тезоименитства картину съ рифмами и поздравленіемъ.

---

[229]) Перваго фамилія—Будлянскій, а втораго—Дараганъ, оба сыновья сестеръ Разумовскихъ. Михаилъ Васильевичъ Будлянскій былъ женатъ на единственной дочери генеральнаго есаула Петра Валькевича и въ 1783 г. за нимъ числилось собственныхъ крестьянъ, кромѣ жениныхъ, 6612 д. мужчинъ и женщинъ. У него было два сына, Алексѣй и Петръ, которые оба умерли безпотомными. Старшій, Алексѣй, отличался ужасною толстотой (см. о немъ Зап. Черн. губ. стат. ком., т. II, стр. 146) и умеръ 27 декабря 1818 г. въ Кіевѣ, сойдя кровью отъ лопнувшей вены на животѣ. „Сказуютъ, что отъ жиру и пресыщенія случилось это", читаемъ въ одномъ частномъ письмѣ того времени; „хорошо его хоронили, самъ митрополитъ былъ и разрѣшительную молитву читалъ; поминовенія дѣлали, бѣдныхъ награждали, вездѣ посылали заключеннымъ и больнымъ... Сыскали 46 тыс. при немъ". Василій Ефимовичъ Дараганъ былъ старшій сынъ Ефима Ф. Дарагана, кіевскаго полковника, умершаго въ 1762 г. и оставившаго трехъ сыновей: Василія, Ивана и Григорія. Старшій, Василій, въ 1757 г. былъ маіоромъ „Ораніенбаумскаго гарнизона", находившагося въ непосредственномъ подчиненіи у великаго князя, наслѣдника престола, который имѣлъ право личною властью производить въ чины офицеровъ этого гарнизона", при чемъ патенты выдавались имъ на нѣмецкомъ языкѣ. Въ 1762 г. Василій Дараганъ былъ камергеромъ, а въ 1774 г. генералъ-поручикомъ. Младшіе его братья, Иванъ и Григорій, будучи въ 1762 г. секундъ-ротмистрами гвардейскаго коннаго полка, въ то же время находились „въ наукахъ въ иностранныхъ государствахъ". Этимъ тремъ братьямъ принадлежали: м. Борисполь, села: Семиновка, Рудня, Рудьковка, Мостища, Глубокое, деревни: Святое, Опанасовъ, Перегудовка, Сухинька и Дашевка и хутора Вѣтровка и Михайловщина. Послѣдній хуторъ былъ названъ по имени Михаила Матвѣевича Хераскова, автора Россіады, у отца котораго Ефимъ Дараганъ купилъ Семиновку, Мостища, Рудню и друг. Всѣ сыновья Ефима Дарагана умерли безпотомными.

Съ сего числа явилась на правой ногѣ болѣзнь, называемая рожа, для которой лежалъ всѣ дни слѣдуючіе и употреблялъ всякіе той болѣзни способствующіе вещи.

За картину малороссійскую, у норимберцовъ купленную, дано 20 коп., а за феерверкъ, бывшый въ Гостилицѣ сего сентября 17-го, дано 20 к.

25. Государиня изволила прибыть въ С. П. Бурхъ ночью.

Протчіе всѣ сего мѣсяца числа въ помнутой болѣзни пролежалъ.

Октоврій.

1. Рано явилъся ко мнѣ прибывшый зъ Голстиніи, изъ Киля, Алексій Долінскій и доносилъ мнѣ о сыну моемъ и о его поведеніи.—Послѣ полдня, въ присутствіи ея імператорского величества и ихъ імператорскихъ высочествъ, былъ спускъ корабля о 99 пушкахъ, названного Захарія и Елисаветъ.

2. Оный-же Долінскій принеслъ мнѣ сиръ Голстинскій и у насъ обѣдалъ.

3. Писалъ до сина въ Киль подъ № 16, строфуючи его, для чего онъ ни чрезъ іеромонаха Невского, ни чрезъ Долінского ко мнѣ не писалъ и на прежніи мои писма точно не отвѣтовалъ. Да до секретаря Броуза по латинѣ писалъ-же, и писмо отъ отца Никанора, до отца Іова писанное, приложено въ пакетѣ до того-жъ секретаря и отосланы къ секретарю Вышлеру для отправленія по почтѣ до Киля. За футлярика оправу до карманныхъ часовъ—40 к.

4, 5 и 6 числа продолжалась моя болѣзнь и ножная, и зубная.

7. Рано г. Лизогубъ и Гудовичъ ездили до князя Никиты Юріевича Трубецкого за дѣлами о деньгахъ за ставленный въ Кіевѣ провіантъ, о селахъ артиллерійскихъ и о собственномъ г. Лизогуба дѣлѣ, взглядомъ награжденія маетностями. Япушкевича челобитная о арестѣ добръ его докладована въ сенатѣ.

8. Вечеромъ ездили г. Лизогубъ и Гудовичъ къ отцу Дубянскому духовнику, но съ нимъ не видались.

9. Пославъ Грицко до кума Якова Тимофіевича съ поздравленіемъ тезоименитства и съ обсилкою хлѣбомъ и водкою, а къ кумамъ съ яблоками. Георгій Белецкій-Носенко, швагеръ Василія

Гудовича, отъехалъ во свояси изъ С.П.Бурха[230]). Розышлось на дробязки 12 к.

10. Въ 12-мъ полуденномъ часу изволила ся імператорское величество и ихъ імператорскіе высочества со всѣмъ придворнымъ штатомъ переехать изъ лѣтного дворца въ зимный болшый дворецъ при пушечной изъ крѣпости и зъ Адмиралитейства палбѣ. Обѣдали у насъ протопопъ роменскій и капитанъ поруччикъ Василій Маркович.

11. Рано ездили г. Лизогубъ и Гудовичъ первой разъ въ зимный дворецъ. Сего числа весь день изъ моря была жестокая погода, а съ полдня даже до 10-го часа ночи превеликое продолжалось наводненіе.

12. Послѣ полдня былъ у насъ пѣвчій Богушъ съ обявленіемъ, что вчера родились ему синъ Дмитрій и дочь Параскевія, двойни, и звалъ до себе откушать въ день крестинъ. Сего-жъ числа випалъ снегъ немалый.

13. Былъ рано у мене Іванъ Федоровъ Ярошевичъ и простился, отеждяжаючи въ Украину, которому данъ указъ зъ Габінету о опредѣленіи его къ какому мѣсту по разсмотрѣнію генералной канцеляріи, и ему-жъ дано жалованя 300 р.; чрезъ него-жъ писалъ писма въ Глуховъ до Скоропадскаго, а въ домъ до жены, ознаймуючи о себѣ и о сину, по полученному изъ Киля чрезъ Алексія Долінского извѣстію.

14. Послѣ полдня посѣщали насъ г. Горчаковъ и Ѳедоръ Івановичъ Кочепевскій. Писма получили сего числа чрезъ парочного курієра Калугина изъ Глухова, которій присланъ съ представленіемъ въ сенатъ о мужикахъ фоевскихъ, возмутившихъся на Петра Чорнолуского.

---

[230]) Прилуцкій полковникъ Иванъ Носъ былъ женатъ на вдовѣ какого-то Ивана Бѣлецкаго, у которой отъ брака съ послѣднимъ былъ сынъ Иванъ; сынъ послѣдняго Петръ, прилуцкій хоружій, сталъ писаться Бѣлецкимъ-Носенкомъ, на томъ основаніи, что единственный сынъ Ивана Носа дѣтей мужескаго пола не оставилъ. Георгій Бѣлецкій-Носенко былъ сынъ Петра; сестра его Анна въ первый разъ была въ замужествѣ за господаремъ Скоропадскаго Иваномъ Даровскимъ, а второй разъ за Василіемъ Андреевичемъ Гудовичемъ, отцемъ извѣстнаго фельдмаршала.

15. Отосланъ пакетъ къ оберъ-постъ-директору Ашу отъ Скоропадского, съ включенными въ немъ письмами къ дѣтямъ его, до Вроцлавя надлежними, и до тихъ-же дѣтей Скоропадского я и отъ себе писалъ и послалъ на почту къ отправѣ до Вроцлавя Сего-жъ числа писалъ о томъ въ отвѣтъ и до Глухова къ Скоропадскому, и до племѣнника Іосифа на ихъ вчорашные писма, и отослалъ до помянутого Ярошевича.

16. Былъ Гудовичъ въ военной коллегіи стороны седмого полка и волоского и тамъ надлежащіе справки чинены.

17. По імператрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ была панахида, понеже она сего числа въ 1740 году преставилась.

18. Послѣ болѣзни первый разъ віехалъ зъ квартири и былъ въ зимномъ дворцѣ въ палатахъ, такожъ и у графа, а по обѣдѣ г. Лизогубъ съ Гудовичемъ ездили до князя Н. Юр. Трубецкого.

19. Сенатъ сталъ засѣдать на сей сторонѣ въ домѣ каменномъ дворянина Григорія Михайловича Любисткова надъ Мойкою. Въ сихъ числахъ, а именно 16-го, преставшемуся статскому совѣтнику, Петру Василіевичу Курбатову, въ іностранной коллегіи засѣдавшему, былъ сего числа викосъ къ погребенію. Государыня изволила отъехать въ Царское село. Обѣдалъ у насъ полковникъ Божичъ.

20. Рано была у меня вдова поруччиця, челобитствуючая на Семенова, засѣдаючого въ судѣ генералномъ, которій у нея отнялъ деревню. Да по службѣ были г. Лизогубъ и Гудовичъ у канцлера, графа Бестужева-Рюмина, а по полудни всѣ трое мы ездили на Смолный дворецъ и тамъ первей были на рибной ловлѣ, а потомъ и ужинали.

21. Оная-жъ поруччиця, умершого поруччика Андрея Мартинса жена, Евфимія Прокофіева, дочь Чаплигиныхъ, позичила у мене денегъ 1 р. Отданъ сундучокъ дубовый на Смолный дворъ для обмаліованя. Въ вечеру былъ у насъ главнаго коммиссаріата и провіантской канцеляріи прокуроръ Петръ Михайловичъ Николевъ и въ ночь до 9-го часа сидѣлъ.

22. Ради завтрешнихъ именинъ своихъ обозный генералный Яковъ Лизогубъ справлялъ за общіе деньги обѣдъ знатный, на которомъ постороннихъ болѣе никого не было, кромѣ Іліи Жур-

мана [231]), попа Андрея Барановскаго и дякона церкви Семіоновской, и полковника Василія Танского. Митрополитъ кіевскій Рафаилъ Заборовскій преставился въ Кіевѣ.

23. Послѣ обѣдни былъ у насъ секретарь сенатскій Новоторжцовъ и поздравлялъ г. Лизогуба (которому отъ рожденія, по его сказкамъ, начался отъ роду 73-й годъ) тезоименитствомъ его.

24. Випалъ ночью небольшій, а днемъ великій снѣгъ, и стала зима. Иноземцю одному, который очень изрядно по латинѣ говоритъ и мѣста себѣ къ наставленію дѣтей ищетъ, милостини далъ 1 р. зъ общихъ денегъ.

25. Рано отосланы секретарю Вінклеру 3 помаранци, а по обѣдни были въ дворцѣ, понеже государыня пріехать ночью изволила.

26. Ездилъ рано Гудовичъ до князя Н. Юр. Трубецкого и въ сенатъ за дѣломъ о заплатѣ денегъ обывателямъ полковъ чернѣговского и стародубовскаго, въ томъ числѣ и Брянченину Чамову, якое дѣло въ сенатѣ и слушано. Обѣдалъ у насъ отпущенный изъ конной гвардіи рейтаръ, малоросіянинъ, глуховскій житель Юркевичъ и показовалъ данный себѣ изъ полковой канцелляріи абшитъ. За два фейверки въ Гостилицѣ, прошлого году въ мартѣ, а сего въ сентябрѣ бывшіе, дано 40 к. На другие росходы пошло 50 к.

27. Обѣдали у насъ сенатскіе оберъ-секретаръ Павелъ Василіевичъ Севергинъ и секретарь Новоторжцевъ; потомъ у насъ-же былъ Горчаковъ и до позна въ ночь сидѣлъ.

28. Рано и съ Гудовичемъ въ дворцѣ былъ. По обѣдѣ былъ у насъ Іванъ Стефановичъ Барановскій съ объявленіемъ, чтобъ мы побували сегодня или завтра у графа, почему вечеромъ и ездили въ дворецъ, но, не получа времени, заехали къ полковнику Божичу, а потомъ къ секретарю Вінклеру, где я пастора, швагра его, застали, назиаемаго Трефорта.

---

[231]) Илья Васильевичъ Журманъ, въ это время бунчуковый товарищъ, въ 1756 г. назначенъ былъ, по именному указу, генеральнымъ судьею. На этомъ мѣстѣ онъ оставался до конца гетманства Разумовскаго, а при Румянцевѣ, сохраняя тотъ же чинъ, завѣдывалъ генеральнымъ судомъ до его закрытія. При открытіи въ Малороссіи намѣстничествъ, Журманъ былъ назначенъ новгородсѣверскимъ губернаторомъ. Умеръ онъ въ 1783 г. бездѣтнымъ. Имѣнія его перешли, по уступочному акту наслѣдниковъ Журмана, къ Гудовичамъ.

29. Одинъ Гудовичъ рано ездилъ до графа и, бывъ у него, докладивалъ о дѣлахъ и нуждахъ нашихъ, да съ нимъ-же былъ я у Носка, потомъ въ военной коллегіи и до сенату ездили; заходили къ иноземкѣ Катеринѣ Івановнѣ, которая желаетъ ехать до насъ въ Украину для обученія дѣтей по нѣмецку и въ женскихъ рукодѣлахъ.

30. Писаны писма въ Глуховъ до Скоропадского о іноземцу, родомъ изъ Риги, Якову Бееру, желающему быть надъ деревнями его економомъ, о отвѣтѣ на Еміхово писмо и о челобитныхъ моихъ на Кишинского поданныхъ, до жены въ домъ о іноземкѣ, къ дѣтямъ нанятись намѣренной, да въ Москву до управителя дому Толстыхъ, Красінского, о присилки трохъ барилецъ водки моей и простого вина 11 вѣдеръ и сала, и отправлены оные писма чрезъ солдата глуховского гварнизона Калугина. На Смолный дворъ для обмаліованя сосланъ круглій столикъ. Въ вечеру были у насъ генералъ-лейтнантъ и кавалеръ Петръ Михайловичъ Шиповъ, полковники інгермоландского пѣхотного полку Дмитрій Івановичъ Кочотъ, да Мордвиновъ и морскіе офицери два, въ томъ числѣ одинъ князь Волконскій.

31. Дано сундучокъ дубовый новый до окованя и кузнецу дано въ задатокъ 15 к. Іванъ Ярошевичъ откланювалъся при отъездѣ, а съ нимъ и Ялоцкій отъехалъ. Полковникъ кіевскій Михайло Танскій умре.

Ноеврій.

1. Рано были всѣ трое въ дворцѣ, а послѣ обѣда я зъ Гудовичемъ перво были у переводчика коллегіи іностранной Івана Андріевича Данилевского, потомъ у Герасима Кириловича Лібратовского, что съ караваномъ государевымъ изъ Китаю пріехалъ, где были и духовникъ государыни и Ілія Журманъ, и уже въ 10-мъ часу пріехали въ квартеру.

2. Секретарь Вінклеръ былъ у мене рано и привезъ двѣ писмѣ, 1-е отъ сина, другое отъ отца Іова зъ Киля. Обѣдали у мене канцеляристъ Яковъ Тимофіевъ Воронецкой и Деружкинъ.

3. Писалъ писма—въ домъ до жены, ознаймуючи о сину Василю, что отъ него получилъ вчора писмо, другое до сина въ Киль,

подъ № 17-мъ, на его письмо въ отвѣтъ, зъ многими увѣщаніами, и отослано для отправы до секретаря Вінклера. Нева стала ночью изъ 2-го числа. Въ вечерѣ былъ я съ Гудовичемъ у преосвященного псковского Симона Тодорского и въ дѣлахъ своихъ помощи просили.

4. Рано были въ дворцѣ у графа, потомъ у Григорія Любисткова, а послѣ полдня я съ Гудовичемъ ездилъ на Смолный дворъ и тамъ у Журмана вечеряли, а безъ насъ у г. Лизогуба былъ войтъ нѣжинскій. Сего-жъ числа свадба была въ дворцѣ камеръ-юнкера Михаила Ивановича Софонова.

5. Изъ дворця заходили рано къ Ѳедору Івановичу Кочепевскому. Банкетъ былъ въ дворцѣ для той-же Софонова свадбы.

6. Вечеромъ былъ у насъ ассесоръ китайского каравана Лібратовскій съ однимъ офицеромъ, который въ Пекинѣ былъ 17 лѣтъ и учился тамошныхъ языковъ и писменъ, а посланъ онъ былъ изъ московской школы, что называется Сухарева Башня. Лібратовскій сказовалъ, что полконикъ кіевскій умре.

7. Писаны писма въ домъ до жены съ посилкою 10 штукъ бумажныхъ обоевъ и о томъ-же до Іосифа въ Глуховъ, да до шваѓра Івана Гамаліи чрезъ племенника его Івана Іванова сина Гамалію.

8. Послѣ службы, въ церквѣ придворной слушанной, званы отъ іменинника Михайла Василіевича Стогоровича къ нему на обѣдъ и у него купно съ другими, а именно: полковникомъ Божичемъ, Параскевичемъ, войтомъ нѣжинскимъ Тарнавіотомъ, обѣдали и до ночи проседѣли.

9. За «Новый Завѣтъ» французскій и за лекція Еміху даны 1 р. 10 к. За роботу шубки короткой портному дано 60 к., кромѣ прежныхъ 20 к. Перепліотчику даны 10 к. Писаны писма: 1-е за Еміхомъ въ Кронштатъ отъ флота до капитана Андрея Івановича Полянского, 2-е до управителя господъ Толстыхъ, Іосифа Івановича Красінского, въ Москву, о присилки оттоль водки моей 3-хъ бочонковъ, простого вина 11 ведеръ и сала, да о томъ и меморіалъ написанъ, чтобъ то все отдано было въ домъ Василія Алексіевича Вагнера для пересилки сюда.

10. По полдни въ оперномъ домѣ была комедія, послѣ которой государыня изволила быть у Ѳедора Івановича Коченевского въ новопостроенномъ его домѣ за триумфалнымк Аничковыми воротами и у него-жъ ужинать. За мѣсяци септеврій и октоврій виданные

изъ Рентереи денги 200 р. взялъ къ себѣ обозный генералный г. Лизогубъ.

11. Писалъ въ Глуховъ до Скоропадского на его двѣ писмы въ отвѣтъ и о посилаемыхъ двохъ штукахъ бумажныхъ обоевъ, за которые дано 1 р. 90 к. Вечеромъ была свадба графа Лестока, который женился на фрелінѣ Мейденъ. Меморіалъ, написанный подъ 9-мъ числомъ, и писмо до Красінского въ Москву вручены Вагнеру.

12. Были съ Гудовичемъ въ дворцѣ у графа и тамъ видѣлись и розговарювали съ вице-губернаторомъ с.п.бурскимъ, дѣйствителнымъ штатскимъ совѣтникомъ, г. Милгуновымъ. Въ вечеру были съ Гудовичемъ на Василевскомъ острову, перво у г. Горчакова, потомъ у прокурора Николева.

13. Послѣ полдня въ 8-мъ часу было вѣнчаніе въ болшой церквѣ, въ зимномъ дворцѣ, сина генерала графа Румянцова, Петра Александровича графа Румянцова-жъ съ полковника пѣхотного полку, съ княжною покойного генерала фелдмаршала, князя Михайла Михайловича Голицина, дочерью, а послѣ вѣнчанія изъ дворца ехали новобрачные церемоніално въ домъ генерала Румянцова, передъ которымъ и іллюмінація зажжена была. Камеръ-лакей Милорадовичъ отъехалъ по почтѣ въ Малую Россію, чрезъ которого и писмо мое до Скоропадского, подъ 11-мъ числомъ писанное, и двѣ штуки бумажныхъ обоевъ отпущены. Чрезъ Чамова послалъ переводы катехисмы и писма Малярдового до прокурора Николева.

14. Послѣ полдня былъ у насъ г. Горчаковъ и привезъ книгу картинъ, въ пергаментъ оправную, называемую Атласъ, да книжку Краткая Географія.

15 По службѣ были въ дворцѣ, перво у графа, потомъ у духовника. Купленъ сосудецъ зъ бѣлымъ, приливаннымъ въ цукрѣ имбіромъ за 90 к.

16. Еміхъ приходилъ прощатся, при отъездѣ въ Кронштадъ, для ученія тамъ учениковъ лѣкарскихъ, и ему-жъ данъ 1 р., да лексиконъ французско-нѣмецко-латинскій. Вчора камеръ-юнкеръ Софоновъ въ дворцѣ взятъ подъ арестъ.

17. За обмаліоване круглого столика дано 50 к. Писалъ писма въ Киль: 1-е до сина, подъ № 18-мъ, съ увѣщаніемъ, чтобъ частѣй къ намъ отписовалъся, 2-е до отца Іова въ отвѣтъ на его

писмо, съ сообщеніемъ къ нему-жъ писма отъ отца Василія Барановича.

18. Рано былъ у мене офіцеръ морского флоту Іванъ Михайловичъ Силивановъ и принесъ пакетъ отъ сина моего Василя изъ Киля, съ включенными въ ономъ нѣсколко печатними екземплярами о дѣлахъ, которые по ученіамъ въ академіи килской производятся; а оный Силивановъ былъ тамъ въ Килѣ на фрегатѣ россійскомъ, данномъ подъ принца Августа и его свиту, при капитану отъ флота Конону Никитичу Прончищеву. Сего-жъ числа рано нарочно призыванъ былъ отъ секретаря Новоторжцова въ сенатъ Гудовичъ для висмотрѣнія екстракта, сочиненного изъ начала подданства Малой Россіи, за Богдана Хмелницкого учинившогося, и даже до гетмана Апостола.

19. Писалъ писма въ домъ: 1-е до жены о сину Василю, ознаймуючи, якое получилъ чрезъ офіцера Силиванова извѣстіе; 2-е до швагровъ п. п. Корецкихъ для посылки оныхъ чрезъ Өедора Яскевича, но онъ, и писемъ не взявъ, отъехалъ до Малой Россіи. По почтѣ изъ сената отпущена въ войсковую генералную канцелярію промеморія изъ военной коллегіи о седмомъ драгунскомъ и гусарскомъ волоскомъ полкахъ.

20. Получилъ писма отъ молодыхъ Скоропадскихъ изъ Силезіи, зъ Вроцлавя, въ пакетѣ до постъ-оберъ-директора Аша включенные, тако-жъ писмо до отца Варлаама Лащевского, бывшого префекта кіевского, отъ нѣкоторого купца вроцлавского, Іогана Якова Корна.

21. По благости Божіей причащалъся на литургіи въ монастирѣ Невскомъ по исповѣди у отца Софронія намѣстника. Писалъ въ Глуховъ до Скоропадского съ посилкою писма отъ дѣтей его до швагра Івана Гамаліи, сторони брегадира Вѣтковича, да до племѣнника Іосифа, чтобъ спросилъ Скоропадского о писмѣ съ присилкою отъ Яскевича, ему врученномъ въ Москвѣ, и въ одинъ ковертъ и писма подъ 19-мъ числомъ писанные включивъ, отпущены въ Глуховъ чрезъ служителя полковника чернѣговского Измайлова Адама Андріева, который отъехалъ. Розышлось 20 к.

22. По службѣ Божой званныи отъ Федора Івановича Коченевского обѣдали у него въ новомъ его-жъ дворѣ и весь день пробавили.

23. Рано были въ дворцѣ у графа и просили его о своихъ дѣлахъ общыхъ, а Гудовичъ былъ у Любисткова и у духовника и у его-жъ обѣдалъ. Въ дворцѣ одинъ іноземецъ передъ службою Божіею миропомазиванъ и названъ Александръ. Вечеромъ былъ я у оберъ-постъ-директора Аша, а всѣ трое у вице-адмирала Александра Івановича Головина и его-жъ сожителнипу весма болную посѣщали.

24. Рано были мы всѣ трое у князя Н. Ю. Трубецкого, у А. Д. Голицина и у графа Алексія Петровича Бестужева-Рюмина, великого канцлера, съ поздравленіемъ тезоименитствомъ великія княгини, а послѣдного и на новоселлѣ въ новомъ каменномъ домѣ. Потомъ въ дворцѣ были допущены къ ручкамъ великихъ князя и княгини, а вечеромъ сидѣлъ у насъ долговременно полковникъ Божичъ.

25. По утру ездили съ подравленіемъ до віце-канцлера графа Воронцова, до графа П. І Шувалова, а по обѣдни были у графа Р(озумовского); потомъ званы обѣдать до графа Румянцова, где до вечера пробавили, а послѣ знову были въ дворцѣ при церемоніи лейбкомпанской, гдѣ пробавили потоль, поки государиня изволила пойти до стола кушать купно съ лейбкомпанцами. Отъехали до Малой Россіи канцеляристъ Висоцкій и Юркевичъ, который уволился отъ конной гвардіи.

26. Послѣ полдня ездили съ Гудовичемъ на Василевскій островъ и тамъ были у префекта академіи кіевской, отца Варлаама Лащевского, который подарилъ мнѣ книжку «Граматику греко-латинскую» и имѣлъ писать до Вроцлавя къ тамошнему обывателю Іогану-Якову Корну. За книжку новонапечатанную Гілмара Кураса—60 к.

27. Передъ обѣдомъ былъ я съ г. Лизогубомъ у графа Румянцова и у него-жъ отъобѣдавъ, потомъ были отъ крещенія воспріемниками младенцу Николаю, портного мастера Івана Бѣларовского сину—г. Лизогубъ съ старшою Параскевіею, а я съ меншою Даріею, дочерми графа Александра Івановича Румянцова, а князь Николай Івановичъ Вяземской съ племѣнницею того-жъ графа Румянцова, а родного брата Никиты Івановича дочерью, Анною Никитиною. Наши кумы дарили насъ табакерками.

Писалъ писма: 1-е въ Киль къ сину, подъ № 19-мъ, съ сообщеніемъ писма подлинного отъ молодыхъ Скоропадскихъ, ко мнѣ писанного, тако-жъ и о томъ, что чрезъ офіцера морского Силиванова получилъ присланные печатные екземпляры; 2-е до тихъ-же Скоропадскихъ и до Іонганса въ отвѣтъ на ихъ писма, съ сообщеніемъ къ Іонгансу-жъ писемъ до Корна отъ отца префекта кіевского Варлаама Лащевского и отъ Носка до дяди его.

28. Оные писма въ Киль чрезъ руки секретаря Выклера, а въ Бреславъ чрезъ отправу по почтѣ отъ оберъ-постъ-директора Аша отпущены.

29. Рано отослан(*пропускъ*) кумѣ Даріи Александровнѣ графинѣ Румянцовой, куплена за 10 р., а обѣдали у кума Івана Бѣлоровского, которого женѣ Анастасіи данъ 1 р., бабѣ 30 к. Въ вечеру туда-жъ пришолъ Ѳедоръ Івановичъ Коченевскій и гвардіи преображенского полку капитанъ Андріанъ Івановичъ Лопухинъ, въ его-же домѣ Бѣлоровскій нанимаетъ себѣ квартеру и звалъ въ свои покои, где виделась со мною жена его Евдокія Юрьевна Фаминцина, я тутъ-же были разные офіцери и дами.

30. Въ дворцѣ къ обѣдни и изъ обѣдни шли церемоніално, въ плащахъ зеленихъ бархатныхъ и другомъ платьѣ церемоніалномъ, кавалери святого Андрея Первозваннаго апостола, числомъ сѣмъ, въ томъ числѣ и поселъ цесаря римского, да сверхъ того великій князь и въ заключеніи сама всемилостивѣйшая государиня. Послѣ обѣдни тѣ-же кавалери кушали у одного съ государинею стола и при пушечной палбѣ. Въ вечеру былъ балъ. Мы съ Гудовичемъ были у преосвященного псковского за тѣмъ, что онъ имѣлъ розговоръ о дѣлахъ нашихъ съ канцлеромъ Бестужевымъ сего мѣсяца 28-го числа.—За окование сундучка еще заплачено 30 к.

Декабрь.

1. Писано писмо подъ вчорашнымъ числомъ въ Москву до управителя дому господъ Толстыхъ, Іосифа Красінского, о присилки водки моей, вина простого и сала. Вечеромъ были у Горчакова.

2. Въ 12 часу по полночи были всѣ трое у канцлера графа Бестужева и просили въ дѣлахъ своихъ о ходатайство. Вечеромъ прислалъ ко мнѣ Яковъ Дмитріевичъ Рожевскій сундучокъ мой об-

маліованый безъ платы. Полковникъ Божичъ долго у насъ въ ночь просидѣлъ.

3. Обѣдалъ я съ Гудовичемъ у преосвященного псковского Симона Тодорского, а отъ него зашли до Носка и тутъ у него кадетъ одинъ Александръ Стефановичъ Ісаковъ училъ дѣтей мунштру кадецкого ружемъ. Съ г. Лизогубомъ у насъ обѣдалъ Михайло Стогоровичъ. Куплены двѣ вѣдри водки на Смолномъ дворцѣ за 5 р. 40 к.

4 и 5. Въ 4-го на 5-е число въ пятомъ часу на Василевскомъ острову здѣлалъся въ полатахъ, въ коихъ была кунстъ и раритетъ-камора, и библіотека, и глобусы, пожаръ, и какъ усилился огонь, то не токмо многіе вещи, въ томъ числѣ болшой глобусъ, но и вежа обсерваторія и многіе-жъ въ двохъ вышшихъ ярусахъ апартаменты совсѣмъ згорѣли кой пожаръ въ тѣхъ полатахъ и весь день и слѣдующую ночь, хотя оный многіе команды гасили, продолжалъся.

6. Въ сей день моего тезоименитства, по службѣ Божой, были у мене гостѣ, въ томъ числѣ оберъ-секретарь сенатскій Павелъ Василіевичъ Севергинъ, полковникъ Божичъ, Стогоровичъ, да Марковичъ, гвардіи капитанъ поруччикъ и до позна забавились послѣ обѣда, ночью-же съ женою заеждалъ секретарь Новоторжцовъ.

7. Обѣдали у насъ полковникъ Божичъ, Стогоровичъ, кумъ Яковъ Тимофіевъ и Алексій Доліневскій съ протчими нашими домовными. Розышлось 35 к.

8. Писалъ писмо въ Глуховъ до Скоропадского въ отвѣтъ на его писмо, вчора полученное, о отобранью 100 р. денегъ у отца духовника, тако-жъ и по требованію графа Румянцова. Въ вечеру былъ у насъ Горчаковъ и далъ ему сосудецъ мелиссы.

9. Писалъ въ домъ къ женѣ, чтобъ если востребуетъ Скоропадскій денегъ 600 р., отдала ему и облѣгъ давный отобрала-бъ, да увѣдомила-бъ мене, заплачены-ль долги судіи Горленку, Мандзенку, Пуховичу, Савѣ Олишевскому и Роману Янєнку за вино, такожъ потребна-ли іноземка къ дѣтямъ; другое съ инстанціею до Скоропадского и Валкевича за канцеляристою Михайломъ Домбровскимъ, чрезъ которого и оные писма, тако-жъ вчора писанные до Скоропадского, отпущены. Вечеромъ посѣщали болного Василія Танского полковника, который еще 5-го числа захоровалъ на фебру.

10. Ездили съ Гудовичемъ на Василевской островъ и тамъ

онъ былъ въ сенатѣ за указомъ о сводѣ изъ форпостовъ на малороссійской границѣ стоячихъ таможенныхъ откупщиковъ, а оба мы были у іеромонаха въ кадецкомъ корпусѣ Никодима Рудзинского. Вечеромъ былъ у насъ для прощанія передъ отъездомъ своимъ осъселя брегадиръ Вітковичъ, а потомъ секретарь Новоторжцовъ, который долго въ ночь у насъ просидѣлъ.

11. Вечеромъ ездилъ съ Гудовичемъ въ Невскій монастырь до отца намѣстника, чтобъ надъ болнымъ полковникомъ Танскимъ завтра маслосвятіе отправили, потомъ исповѣды и причастія святыхъ таинъ его-жъ-бы удостоено, а отголь заездили и къ нему Танскому. Передъ симъ далъ я Григорію Дмитріеву на его нужды 2 р., да онъ-же взялъ на нужды Рудого и хлопця 4 р., послѣ знову 2 р.

12. Рано отправлено надъ болнымъ Танскимъ маслосвятые, и онъ-же послѣ исповѣди причастилься святымъ тайнамъ. Обѣдали у насъ Журманъ и Николай Сорокинъ и просидѣли въ ночь до позна.

13. Писалъ писмо къ женѣ чрезъ брегадира Вітковича, чтобъ у него отобрала книжку Телемака полскую. Послѣ обѣда былъ у мене секретарь Вынклеръ и привезъ двѣ писмѣ отъ сина Василя, изъ Киля писанные.

14. Писалъ еще до жены чрезъ Вітковича-жъ, съ посилкою отъ сина карти къ ней и рисунку двоихъ птичокъ, да до Скоропадского на его писмо.

15. Отправлены по почтѣ писма: одно въ Вроцлавъ до молодыхъ Скоропадскихъ, съ пакетомъ отъ отца ихъ, 13-го числа полученымъ, другое до сина Василя въ Киль на его писма двѣ въ отвѣтъ, подъ № 20-мъ, чрезъ руки секретаря Вынклера. Были у болного Танского и спрашивали его о сочиненіи духовной, которую и сочинить просилъ писаря полкового Івана Янушкевича. Монастыря Кутейнского дѣвичого монахинѣ Марфѣ дано 30 к.

16. Духовную оный Танскій сочиненную подписалъ, тако-жъ и духовникъ его отецъ Софроній Кришталовскій, намѣстникъ монастыря Александро-Невского, на оной подписался-жъ.

17. Рано ѣздилъ я до купца Кремпена (которій зъ Ростока зъ Меклембургіи), чтобъ перевесть въ Киль 40 червоныхъ денегъ чрезъ кореспондента ихъ Віка, но онъ отказалься въ томъ до двохъ недель. Обѣдалъ у насъ Божичъ, потомъ онъ и графъ Мойсей Владиславичъ, да поручикъ гвардіи Вішневскій были въ квартерѣ Танского и на духовной его подписались.

18. Праздновано при дворѣ рожденія день ея імператорского величества (которому кончился 38-й годъ) и по службѣ Божой производилась трекратная изъ пушекъ и изъ мѣлкого, отъ полковъ гвардіи и отъ прочихъ на Невѣ въ баталіонъ декаре устроенныхъ, ружья палба; потомъ и при столѣ обѣдномъ палено-жъ нѣсколко разъ изъ пушекъ. А ввечеру перво былъ въ салъ-галереи балъ, потомъ въ болшой салѣ ужинъ для персонъ пяти клясcовъ, где и мы съ Гудовичемъ у стола были и сидѣли съ брегадирами, въ присутствіи ихъ імператорскихъ высочествъ. Обѣдалъ у насъ протопопъ роменскій.

19. Vacat. 20-го были въ дворцѣ я и Гудовичъ по службѣ, а вечеромъ былъ у насъ стряпчій графскій Антинъ Івановъ и приносилъ купчую отъ Григорія Любистка, написанную Раковичцѣ и дѣтямъ ей на футоръ Шнаковскій на галицкомъ степу, проданный отъ него за 1,500 р., на которой мы трое и полковникъ Божичъ въ свѣдителство подписались.

21. Рано былъ Гудовичъ въ сенатѣ, и подписанъ тамъ приговоръ о отдачи за провіантъ, ставленный въ Кіевъ, 34 р. съ лишкомъ до рукъ купца брянского Чамова. Потомъ были мы оба въ дворцѣ и заходили до бандуристы слѣпого Матвѣя Өедорова. Послѣ обѣда до князя Н. Я. Трубецкого званный Гудовичъ ездилъ. Потомъ въ вечеру съ Гудовичемъ были мы у Інната Кириловича Полтавцова съ поздравленіемъ вчорашнихъ его именинъ, где были и брегадиръ графъ Григорій Григоріевичъ Чернишевъ, и придворный лікарь Андрей Івановичъ Верре, и семеновского полку унтеръ-офіцеръ Василій Петровичъ Лачиновъ.

22. Графскій камординъ Іванъ Стефановичъ Барановскій передъ обѣдомъ приходилъ до насъ, чтобъ мнѣ съ Гудовичемъ явится у графа послѣ полудня въ 5-мъ часу, почему мы и были въ дворцѣ, токмо времени удобного не получили.

23. Сего числа въ 7-мъ часу по полудни были у графа и имѣли розговоръ стороны генерала маіора Лукина, который въ Гадячу нѣкоторые обиди показалъ, да и о дѣлахъ нашихъ малороссійскихъ.

24. Пріехали въ С. П. Бурхъ бунчуковый товарищъ Демянъ и судія полковый стародубскій Рубцы, которые у насъ и вечеряли и ночовали. Отъ сина получилъ писма и отъ жены.

25. На службѣ Божой были въ дворцѣ, въ болшой придворной церквѣ, где ея імператорское величество изволила сообщаться святымъ тайнамъ публічно съ протчими, мужеска и женска полу, нѣсколько придворними. По службѣ были у ручки ихъ імператорскихъ высочествъ, послѣ у графа Розумовского съ поздравленіемъ. Также званы отъ князей волоскихъ Матвѣя и Сергія Дмитріевичевъ Кантеміровъ обѣдать и у нихъ купно съ князсмъ Сергіемъ Борисовичемъ Голицинымъ, да подпоруччикомъ артилеріи Свѣчинымъ обѣдали. А у насъ обѣдали безъ насъ пріежжіе гости Рубци. Вечеромъ былъ у насъ совѣтникъ Постелниковъ и Өедоръ Івановичъ Коченевскій.

26. Рано ездили съ поздравленіемъ до господъ: князя Алексія Дмитріевича Голицина, графа Петра Івановича Шувалова, князя Н. Ю. Трубецкого, графа Александра Івановича Румянцова, а по службѣ Божой, въ дворцовой церкви слушанной, заходили къ духовнику, токмо его не получили. Вечеромъ были у насъ пѣвчіе Шереметевы; потомъ ездилъ я до барона Пеклина и до секретаря Винклера, но, не получа ихъ, заездилъ до Танского болного. Зъ сего числа на

27 по полуночи, въ 5-мъ часу, гвардіи ізмайловского полку поруччикъ, Өедоръ Петровичъ Тарнавіотъ, преставилъся, на дворѣ князя Куракина стоявшій квартерою купно съ отцемъ своимъ, войтомъ нѣжинскимъ. Рано были мы у канцлера графа Бестужева-Рюмина и у его-жъ дворцовой церкви слушали обѣдни. Послѣ обѣда были у насъ графскіе камордины Іванъ Тимофіевичъ Золотой и Іванъ Стефановичъ Барановскій. Потомъ доволно въ ночь сидѣли у насъ-же Рубци, по которыхъ отшествіи molta mihi exprobravit Hudovitz. Сотникъ менскій Григорій Козмѣнскій къ отъезду своему простилъся.

28. Рано ездили поздравлять господъ князя Івана Василіевича Одоевского, генерала Александра Борисовича Бахметева, оберсекретаря сенатского Павла Василіевича Северина и секретаря Новоторжцова. Послѣ обѣда былъ у насъ Өедоръ Івановичъ Коченевскій съ извѣстіемъ, что вскорѣ отправится въ Малую Россію графъ Іванъ Симоновичъ Гендриковъ, лейбъ-компаніи подпоруччикъ и св. Анны кавалеръ.

29. Рано ездили мы всѣ трое до оного графа Гендрикова, у которого трактованы кофемъ и водкою; потомъ были и у старшого брата его графа Андрея Симоновича Гендрикова-жъ. Отъ нихъ поехавъ, были въ дворцѣ и у духовника, а по обѣдѣ были у насъ перво лѣкарь придворный Андрей Івановичъ Верре и Ѳедоръ Івановичъ Коченевскій, потомъ приехалъ графъ Іванъ Симоновичъ Гендриковъ, да лейбъ-компаніи гренадеръ Сичевскій и переводчикъ коллегіи іностранной Данилевскій и Рубцы. Послѣ поехали къ Коченевскому въ новый его домъ и тамъ купно съ тѣмъ-же графомъ Гендриковымъ до 10-го часа пробавили.

30. Были по утру съ поздравленіемъ у гофъ-маршала его імператорского высочества, графа Андрея Михайловича Евфимовского, а братъ его старшый, графъ Іванъ Михайловичъ Евфимовскій, маіоръ гвардіи семеновского полку, былъ боленъ; потомъ были у князя Александра Борисовича Куракина, а потомъ, заехавъ въ дворецъ, были у слѣпого Любисткова. Послѣ обѣда пріездилъ до насъ Журманъ съ женою и тутъ видѣлься съ Демяномъ Рубцемъ.

31. Писано отъ всѣхъ обще до старшины генералной писмо въ той надеждѣ, что въ скоромъ времени отправится министръ для елекціи нового гетмана и чтобъ оного, а найпаче если кто изъ графовъ Гендриковыхъ или Евфимовскихъ будетъ, принято со всякимъ благопріятствомъ; и тое писмо вручено Ѳедору Івановичу Кочевскому для пересилки въ Глуховъ чрезъ человѣка изъ печерского монастыря отъ архимандрита Тимофея, назначенного въ кіевскіе митрополиты, присиланного. Вечеромъ были у графа, токмо ничего отъ него не слышали.

И такъ, слава Богу, годъ 1747 окончалъся.

1748-й ГОДЪ СЪ БОГОМЪ НАЧАТЫЙ.

Мѣсяцъ Генварь.

1. Ездили рано до нѣкоторыхъ господъ съ поздравленіемъ нового году, токмо не застали оныхъ, кромѣ оберъ-гофъ-маршала Дмитрія Андріевича Шепелева, которого поздравивши, поехали до дворця и тутъ службы Божіей слушали, а по литургіи говорилъ архимандритъ казанскій, отецъ Веніаминъ Григоровичъ, преизряд-

ную проповѣдь. Потомъ всѣ пошли въ салъ-галерею и тамъ допущены были многіе къ руки ея імператорского величества, и многіе-жъ жалованы генералитетскими, штатскими и другими чинами. Послѣ изволила ея імператорское величество и ихъ імператорскіе высочества церемоніално шествовать въ болшую салу и тамъ подъ балдахиномъ на тронѣ обѣдъ кушать, где и всѣ знатные мужеска и женска полу персоны у стола, въ томъ числѣ и мы между брегадирами, сидѣли и обѣдали, а при томъ італіанская вокалная и инструменталная играла музика и окончался обѣдъ въ 3-мъ часу по полдни. А по полдни-жъ въ 8-мъ часу начался въ салъ-галерія балъ, на которомъ и ея імператорское величество перво нѣкоторыхъ чинами жаловала, потомъ сговоръ графу Андрею Михайловичу Ефимовскому, государя великого князя гофъ-маршалу, съ дочерью умершого Павла Ягужинского, бывшого генерала прокурора, размѣною перстеней учинить, а послѣ съ его імператорскимъ высочествомъ и съ послами цесарскимъ и аглинскимъ по францусну танцовать изволила. Потомъ въ началѣ 11-го часа въ болшую салу пойшли и зажженъ былъ феерверкъ, который преизрядно горѣлъ и окончаться въ томъ-же 11-мъ часу, а въ 12-мъ пріехали въ квартеру, где и Рубцовъ застали.

2. Писалъ до сина въ Киль, подъ № 1, на его писмо, 24-го декабря полученное, въ отвѣтъ и чтобъ у Шлидендорфа или у кого другого отъ 10 до 15 червоныхъ на свои нужды позичилъ, пока сыщу оказію переслать ему 40 червоныхъ; и тое писмо рекомендовалъ секретарю Вынклеру для отсилки по почтѣ. Вечеромъ былъ у насъ г. Горчаковъ, которому позачилъ я для переписки казанъ двѣ: 1-е изъ французского переведенное, 2-е въ день Рожества Христова съ правоученіемъ о совѣсти, 3-е отвѣтъ епископовъ россійскихъ на писмо богослововъ сорбонскихъ, 4-е переводъ о исповѣди и розговоры Марнолфа и Федра о смерти Корнилія Монгія. Перехристъ, изъ Глухова пріехавшый, былъ у насъ, прозваніемъ Познанцовъ, именемъ (*пропускъ*), которого крестили генералъ Бибиковъ да жена брегадира Ільина.

3. По службѣ Божой были въ дворцѣ у графа и розговоровали о генералѣ-маіорѣ Лукинѣ, о грузинахъ и о прочемъ, а прежде насъ былъ у графа-жъ Журманъ. Зъ дворца возвращаючись, заездили до Івана Антоновича барона Черкасова и у него трактованы водкою.

Служитель обытели кіево-печерской отъехалъ съ указомъ до архимандрита тамошнего о прибытіи его въ С. П. Бурхъ для посвященія его-жъ здесь митрополитомъ кіевскимъ: чрезъ того служителя и наше писмо, до старшины генералной подъ 31-мъ числомъ прошлого декабря писанное, отпущено. Въ вечеру были у генерала лейтнанта и кавалера Петра Михайловича Шипова, который отъехалъ въ дворецъ на машкарадъ, а мы до Горчакова, где и полковника Божича застали.

4. Въ 9-мъ часу по полночи отъехали въ квартеру войта нѣжинского Тарнавіота для присутствія на погребеніи умершого сина его Ѳеодора, гвардіи измайловского полку поручика, которого тѣло проводили до монастыря невского архіерей с. п. бурскій и вся братія тамошняя; а въ монастырѣ по литургіи святої, которую целебровалъ архіерей вятскій и велико-пермскій, епископъ Варлаамъ Скамніцкій, погребенъ подъ церковью малою святого Лазаря. При погребеніи-же команда отъ измайловского полку салдатъ три залпы зъ дробного ружья выпалила. Потомъ были у архіерея. Надъ вечери приходили до насъ гусліегъ и бондуристъ графа Івана Симоновича Гендрикова, а въ вечерѣ ездили посѣщать болного Танского, а тамъ-же и у Рубцовъ были. Купецъ брянскій Чамовъ принесъ два сосуды закусокъ.

5. На службѣ и водосвятіи вечернемъ были въ церквѣ Пресвятыя Богородицы Володимерскія.

6. По службѣ Божой, у св. Симеона слушанной, ездили въ дворецъ и тамъ застали на процессію, изъ церкви придворной идучую для посвященія воды на рѣку, где поставлены были полки гвардіи и наполные (полевые) и гварнізонные въ строю квадратно, отъ пристани троецкой даже до корпуса кадецкого. А противъ нового зимного дворця здѣланъ былъ Іорданъ съ особливымъ мѣстомъ для государини, токмо на рѣкѣ при водосвятіи быть не изволила; а какъ воду освятили, то была пушечная палба изъ крѣпости, изъ адмиралитейства и изъ мѣлкого ружья трекратно полки палили. Вечеромъ были мы съ Гудовичемъ у переводчика іностранной коллегіи Даниловского.

7. Вчора полученные писма изъ Глухова отъ Скоропадского до дѣтей его въ Вроцлавъ, а зъ Вроцлави отъ Іонгганса по почтѣ и самъ сегодня получилъ, вечеромъ отвезъ къ постъ-директору Ашу,

который сего-жъ дня ямѣлъ отправити. Надъ вечери былъ у насъ лакей дворцовый, называемый Петровскій, который отпущенъ въ Малую Россію для росправы въ заводѣ своемъ съ поруччикомъ Ланскимъ. Былъ у насъ съ Антипомъ въ вечерѣ слѣпій Любистокъ и по прошенію его на купчей, отъ него данной Раковичу на хуторъ Шпаковскій и на дворы въ Монастерищѣ проданные за 1,700 р., всѣ мы трое подписались. Хлопецъ Евфимъ утѣкъ.

8. Рано едучи въ дворецъ, заходили къ Федору Івановичу Коченевскому, вчора въ вечеру простились съ Афанасіемъ Григоріевичемъ Постелниковымъ, который сего числа отъехалъ на воеводство въ Вятку. Надъ вечери были у Игната Кириловича Полтавцова, которому и писмо отъ полковника лубенского Апостола вручено.

9. Писалъ писма въ Глуховъ до Скоропадского въ отвѣтъ на его три писми и включилъ на сей годъ календарь здешный, да до Іосифа и въ домъ до жены, тако-жъ въ Козелецъ до Подвысоцкого, обозного полкового кіевского, съ включеніемъ писмеца и до отца брата, которое туда для пересилки вручилъ Івану Стефановичу Барановскому, камордину графскому. Рано былъ съ Гудовичемъ у преосвященного псковского, и съ духовникомъ видѣлись, а надъ вечери ездилъ до Івана Петровича Толстого и далъ ему записку о трохъ бочонкахъ водки, вина простого 11 вѣдрахъ и салѣ.

10. По службѣ были всѣ трое въ дворцѣ. Государиня по обѣдѣ отъехала въ Петергофъ. Обѣдалъ у насъ Яковъ Тимофіевичъ, канцеляристъ сенатскій. По обѣдѣ ездилъ Гудовичъ до князя Трубецкого и до Шувалова etc. Хлопецъ Евфимъ приведенъ отъ Политики. За два календари дано 32 к. Князю грузинскому Луарсару Асихмованову, по писму Скоропадского, далъ 30 р. денегъ за его роспискою.

11. Рано ездилъ я до секретаря Вынклера, но его не засталъ, а потомъ былъ у Носка. По обѣдѣ былъ у насъ перво ассессоръ Гарасимъ Кириловичъ Либартовскій и звалъ на завтра къ себѣ обѣдать, ради имениніъ дочери своей Татіаны, потомъ секретарь Вынклеръ для розговору о пересилкѣ къ сину моему въ Киль денегъ. Купецъ Чамовъ принеслъ приговору сенатского о отдачи обивателемъ малороссійскимъ, въ томъ числѣ и ему, за провіантъ въ магазейны ставленный, 32,828 р. $18^{3}/_{4}$ к., тако-жъ и росписки,

у него въ сенатѣ взятися имѣючой, копіи, точію не засталъ Гудовича, который ездилъ до князя Трубецкого и въ другіе мѣста.

12. Писано писмо отъ всѣхъ общее до генералной старшины, въ канцеляріи генералной присутствующыхъ, что-бъ о имѣющей прибыть персонѣ еще удержано до далшого времени въ секретѣ, да отъ мене писано къ Скоропадскому, что князю грузинскому Луварсару отданы 30 р. и отъ него о томъ-же писмо къ полковнику Челищеву сообщено. Хлопецъ Евфимъ до Григорія Політики отосланъ, а Лукянъ принятъ. Оные писма отпущены въ Глуховъ чрезъ кирасира, изъ Бикова пріездившаго. Писалъ къ сину въ Киль подъ № 2, обявляя, что здесь вручены секретарю Вынклеру 20 червоныхъ, которые онъ тамъ долженъ приняти отъ ассесора Шмидендорфа, а до него о томъ-же и отъ Вынклера писано. Включено до сина и писмо отъ отца Никанора, до отца Іова писанное. Обѣдали, при присутствіи многихъ гостей, у директора каравана китайского Гарасима Кириловича Либратовского, ради имениіъ дочери его Татіаны, и тамъ же до позна пробавили.

13. За два слоики мелиссы заплачено 50 к., за лѣкарства въ аптецѣ 20 к., за аршинъ выбойки 38 к., за аршинъ ленти 18 к. Обѣдалъ у насъ маіоръ Тихановъ, которій женатъ въ Прилуцѣ на старой Тарнавской.

14. По обѣдня заездили къ Петру Івановичу Розумовскому, а Гудовичъ ездилъ въ сенатъ за указомъ, о учрежденныхъ по великороссійской границѣ таможняхъ для взиманія отъ купцовъ портовой пошлины, передъ симъ посланнымъ. По полдни были у вице-адмірала Александра Івановича Головина, которій (сказовали) весма занемогъ, и для того сожителница токмо его къ намъ виходила, а вечеромъ были у Новоторжцова.

15. Купецъ брянскій Тихонъ Григоріевъ синъ Чамовъ взялъ у купцовъ для потребы дому моего ценовой посуды: полумисковъ 12 болшыхъ, среднихъ и меншыхъ по 4, сосудовъ круглыхъ съ криниками два, талѣрокъ четиря тузінь, два глубокихъ, два мелкихъ; въ нихъ и въ полумискахъ вѣсу 2 пуды, фунтовъ 23. Цена фунту по 23 к. Въ двохъ круглыхъ сосудахъ вѣсу 13 фунтовъ, цена фунту по 30 к., въ двохъ довгихъ сосудахъ зъ криниками вѣсу фунтовъ 17; двѣ ложки болшые цѣнованые въ фунтъ. Передъ обѣдомъ ездили съ Гудовичемъ—онъ до Рубцовъ, а я до Василія

Танского, а по обѣдѣ были у Горчакова, до которого и книги у него позвчанные отвезли. потомъ у сенатского канцеляриста Якова Тимофѣева, которого женѣ, а моей кумѣ, данъ ящикъ закусокъ

16. Вечеромъ были съ Гудовичемъ у преосвященного псковского, потомъ у графа Мойсѣя Івановича Владиславича и у него купно съ княземъ Сергіемъ Дмитріевичемъ Кантеміромъ и другими вечеряли. Зеркало взято чрезъ Чамова за 2 р. 50 к. у агличанъ.

17. Обѣдали съ Гудовичемъ у кума моего Якова Тимофѣева, канцеляриста сенатского, гдѣ крестнику 50 к., да нянѣ и дочери малой его даны 20 к. Оттоль заездили къ преосвященному тферскому, гдѣ застали 2-хъ архіереевъ, псковского и переславского, и посѣщали болного Козляницю. Потомъ были у архимандрита спаского казанского, отца Веніамина Григоровича.

18. Послѣ полудня были у насъ секретарь іностранной коллегіи Александръ Михайловичъ Бялошицкій и кофишенкъ Савлуковъ, который при государинѣ вчерашнего числа изъ Царского Села возвратилься.

19. Принеслъ ко мнѣ протопопъ мглинскій отъ сотника таможнего Лисаневича писмо. Были мы, мимоездомъ изъ дворца, у нуримберцовъ, и куплены у нихъ двѣ картины за 40 к. Потомъ были у полковника Божича на водкѣ.

20. Писалъ писма до сотника мглинского Лисаневича, въ отвѣтъ на его вчорашнее писмо, и до жены моей, ознаймуючи о своемъ здоровѣ, и тѣ писма обѣ отосланы къ протопопу мглинскому для отправы въ Мглинъ. Вечеромъ заездилъ изъ дворця до насъ Журманъ и взялъ для прочитанія статьѣ Юрія Хмелницкого.

21. Писано писмо до племѣнника моего Іосифа, чтобъ далъ онъ знать, отданы-ли ему при писмѣ моемъ бумажныхъ шпалеръ десять штукъ, посланные отселя прошлого году въ ноябрѣ мѣсяцѣ чрезъ Івана Іванового сина (что въ Пѣсочкахъ) Гамалію.

22. Вечеромъ былъ у мене вакансовый сотникъ Яковъ Дмитровскій и сказовалъ, что Іванъ Андріевъ синъ Раковичъ[232]) засва-

---

232) Раковичи происходятъ отъ прилуцкаго полковаго писаря Семена Раковича, который, женившись на дочери Лазаря Горленка, получилъ въ приданое разоренное татарами сотенное мѣстечко Галицу (нѣжинскаго уѣзда). Къ Галицѣ принадлежало огромное пространство пустыхъ земель, которыя засе-

талъ племѣнницю жены кофишенка Александра Юліановича Савлукова, рожденную изъ сестри его Савлуковой, за поддячимъ Бринцовымъ въ замужствѣ бывшей, а оной невѣстѣ имя Θедосія Григоріевна.

23. Былъ у мене секретарь Винклеръ и взялъ двадцать червоныхъ для пересилки къ сину моему въ Киль, до которого о томъ и писалъ я сего-жъ числа, подъ № 3-мъ, чтобъ онъ и прежные 20 и нынѣшные 20-же червоныхъ отобралъ у ассесора Шмидендорфа и о росходѣ какъ прежныхъ, такъ и сихъ ста червоныхъ прислалъ вѣдомость, да и отъ профессоровъ о своихъ наукахъ засвѣдителствованіе, якое писмо до сина къ отправѣ по почтѣ отослано къ тому-жъ секретарю Винклеру.

24. Писаны писма отъ насъ вьобщѣ до старшины генералной о отсилки Головина, да до старшины генералной, въ канцеляріи войсковой присуствующыхъ, о дѣлѣ Тихона Григоріева сина Чамова, купця бранского, взглядомъ денегъ, по указу сенатскому отобранныхъ. Вечеромъ посѣщали болного Якова Дмитріевича Рожевского, которого вчера масломъ соборовали, а отъ него были у Θедора Івановича Коченевского. За сундукъ деревяній на цѣны (цинковую посуду), да за бѣбулу и веровку—35 к.

25. Званы отъ господина секретаря Новоторжцова для тезоименитства дочери его Маріи, крестници обозного генералного Лизогуба, на завтрее обѣдать.

26. Рано были въ дворцѣ, где застали у графа всѣхъ синодалныхъ членовъ и канцлера и Апраксина. Потомъ отъехали до Новоторжцова и у него купно съ Василіемъ Івановичемъ Демидовымъ, оберъ-секретаремъ Павломъ Василіевичемъ Севергинымъ и другими обѣдали. Іменинницѣ куплена стіонжка за 50 к. Туда жъ пріездилъ Іванъ Раковичъ звать къ себѣ на зговоръ обозного генералного вмѣсто старости, потомъ и на квартеру нашу онъ-же

лила Агафья Лазаревна Раковичъ, оставшись вдовою. Пользуясь вліятельною помощью брата своего Дмитрія Горленка, въ то время прилуцкаго полковника, Агафья Раковичъ, на окружавшей Галицу степи, поселила теперешнія села—Сальное, Ровчакъ, Татаровку и другія. Единственный сынъ Агафьи, бунчуковый товарищъ Павелъ Раковичъ, былъ уже виднымъ богачемъ въ прилуцкомъ полку. Иванъ Андреевичъ Раковичъ, хоружій генеральной артиллеріи, былъ внукъ Павла.

съ Федоровичемъ пріездилъ, но на тихъ зговорахъ мы не были. Преосвященный тверскій, отъежджая, заездилъ въ нашу квартеру.

27. Полученъ пакетъ отъ молодыхъ Скоропадскихъ до отца ихъ изъ Вроцлавя и оный включенъ въ писмо, отъ мене до него жъ въ Глуховъ писанное, съ посилкою фарфорового, для его купленого, кредексу. Постиліону, принесшему тотъ пакетъ, дано 3 к. Слугѣ секретаря Новоторжцова Івану, сегоднешнему имениннику, дано 50 к. изъ общыхъ денегъ. Данъ Носку парусного полотна кусокъ.

28. Были рано съ Гудовичемъ у графа въ дворцѣ, потомъ къ Өедору Івановичу заходили. Взялъ у Чамова 20 червоныхъ, всякій червоный по 2 р. 25 к., и того за 45 р.

29. Писалъ писмо къ женѣ объ отдачи Чамову за помянутые червоные денегъ сорока пяти рублей и что ему-жъ данъ реестръ о справленью нѣкоторыхъ покупокъ въ Москвѣ, которые если привезетъ въ домъ нашъ, то и за оные надлежащые денги заплатила-бы. А въ томъ реестрѣ написано: мѣховъ лисихъ хрибтовыхъ 2, красній 1, бѣлый 1, черевій 1, черевій песковій бѣлый 1, волчій черевій хорошій 1, бѣлокъ сибирскихъ два мѣхи, одинъ черныхъ, другой сѣрыхъ, заячихъ хорошихъ мѣховъ 4, два тюма китаю: одинъ голубого, другій кропивного цвѣту, кожъ юфтовыхъ 10, пасовъ (поясовъ) сморжовыхъ 2 пары.

30. Рано ездили до канцлера съ прошеніемъ доложить объ отпускѣ нашемъ. Отъ него при возвратѣ, противъ квартеря нашой, встрѣтили едущую государиню съ придворними. Обѣдали у насъ секретарь Бутурлиновъ Ілля Кузмичъ и брянскій купецъ Чамовъ, которому и писма, отъ мене писанные до Скоропадского, съ включенным и отъ дѣтей его пакетомъ, до жены о взятихъ у его, Чамова, 20 червоныхъ и до Іосифа о бумажныхъ шпалерахъ, чрезъ Івана Гамалію посланныхъ, тако-жъ реестръ о предпомянутыхъ въ Москвѣ покупкахъ, вручены, и онъ-же отъехалъ во свояси. Сего-жъ числа по обѣдѣ явились у насъ б. т. Николай Троцкій [233], да сотникъ отставленный полковый прилуцкій Стефанъ Лукомскій, прі-

---

233) Бунчуковый товарищъ Троцкій былъ женатъ на Марьѣ Степановнѣ Носъ, единственной дочери Степана Носа—сына прилуцкаго полковника, поэтому всѣ недвижимыя имѣнія послѣдняго перешли къ Троцкимъ.

ехавшіе въ С. П. Бурхъ сего генваря. Писалъ до сина въ Киль подъ № 4, обявляючи, что секретарю Винклеру отданы уже 40 червоныхъ, которые онъ долженъ тамъ отобрать у ассессора Шмидендорфа, и оное писмо отослано до постъ-директора Аша для отправленія по почтѣ въ Киль. Вечеромъ былъ у насъ графъ Іванъ Симоновичъ Гендриковъ, и между тѣмъ присиланъ служитель отъ Савлукова звать одного обозного генералного, господина Лизогуба на завтре къ свадбѣ Раковича.

31. Рано приходилъ и самъ Раковичъ его-же г. Лизогуба звать одного, а по обѣдѣ и всѣхъ насъ звалъ. По службѣ Божой были у ручки государини многіе, въ томъ числѣ и мы; потомъ у графа Розумовского, который сказалъ, что и самъ-бы онъ радъ насъ отсели збуть. По полудни въ 6-мъ часу съехались перво въ домъ Ѳедора Івановича, потомъ въ дворецъ до слѣпого Григорія Михайловича Любистка и, тамъ проседѣвъ до 9-го часа, пошли съ женихомъ въ придворную болшую церковь, куда послѣ приведена и невѣста, где и государыня пришедъ, спросила о женихѣ и оного къ ручкѣ пожаловала, потомъ отошла. Таже началось и окончилось вѣнчаніе, а послѣ вѣнчанія отъехали изъ дворца прямо въ домъ кофишенка Александра Юліановича Савлукова, который съ женою своею, Агафіею Яковлевною Доробешковскою, встрѣтилъ молодыхъ на крилцѣ; потомъ, вшедъ въ избы, сѣли за столы, уже приготовленные; отъ стороны жениховой былъ отцемъ посаженымъ обозный генералный г. Лизогубъ, матерью жена Якова Івановича Дивова генерала рекетмейстера, съ невѣстиной—камеръ-геръ и кавалеръ Накита Андріяновичъ Вожжинской. Повечерявши у Савлукова и чрезъ часъ-другой танцовавши, отъехали вся веселая компанія съ женихомъ и невѣстою въ домъ Ѳедора Івановича Коченевского и тамъ немного позабавившись, молодыхъ оставя, розъехались уже въ 4-мъ часу по полуночи. Въ день были у насъ секретарь Новоторжцовъ и кумъ мой Яковъ Тимофіевъ съ своею женою.

Февраль.

1. По полдни въ 1-мъ часу звалъ Раковичъ всѣхъ насъ на кушанье до своей уже квартери, где, по собраніи вчорашныхъ веселыхъ гостей и Савлукова съ женою, обѣдали до позна, потомъ танцами даже до полуночи забавлялись. Государиня отъехала въ Царское Село.

2. Обѣдали у себе, а по обѣдѣ принесль ко мнѣ отъ отца духовника служитель его сто рублей денегъ, о которыхъ пріемѣ и росписка ему отъ мене дана. Послѣ полудня звалъ насъ Стефанъ Евфимовичъ Карновичъ камеръ-лакей (который 31-го генваря женился на іноземкѣ, бывшей у князя Константина Кантеміра) [234]) къ себѣ на вечеру, где мы и были у него, въ старомъ лѣтнемъ дворцѣ, и ужинали съ бывшими тамъ-же обоего пола гостми, въ томъ числѣ былъ и камеръ фуріеръ полковникъ Сергій Михайловичъ Нестеревъ, и пробавили до 2-го часа по полуночи.—За пару чашокъ чайнихъ фарфоровыхъ 25 к., да ізвожчику 8 к.

3. Праздновано при дворѣ у его імператорского высочества, государя великого князя воспоминаніе ордена кавалеріи святыя Анны, онымъ-же орденомъ жаловалъ 9-ть персонъ кавалерами, въ томъ числѣ и царевича грузинского, генерала маіора Георгія, контръ-адмирала Воина Яковлевича Корсакова и пр. Послѣ полдня ездили къ штатскому совѣтнику Василію Івановичу Демидову и у него съ протчими, тамъ бывшими, ради именинъ дочери его Анны, гостми, довольно трактованы.

4. Рано былъ у насъ б. т. Іванъ Андріевъ синъ Раковичъ съ новобрачною женою своею Ѳедосіею Григоровною. Куплено еще двѣ пари чашокъ чайныхъ и полоскателную одну за 75 к.; за чолки бѣлые дано 30 к. Принесенъ пакетъ изъ почти отъ постъ-директора Аша, полученный отъ дѣтей г. Скоропадского. Постиліону дано 8 к.

5. Передъ обѣдомъ пріехалъ къ намъ секретарь Новоторжцовъ съ женою своею Анною Василіевною, у насъ-же и обѣдали и прощались за позавчерашнюю у господина Демидова бывшую компанѣю. Вчера вечеромъ былъ у меня переводчикъ іностранной коллегіи Данилевскій и принесъ книжку латинскую Lucubrationes, а рано вчера-жъ прислалъ къ намъ два томы новонапечатанного Телемака для вычетанія синодалный оберъ-секретарь Яковъ Герасимовичъ Левандовъ, и я къ нему послалъ своего переводу Катехисмъ, Апологію и Маларда отвѣты, какъ приступилъ къ нашей

---

234) Карповичъ былъ камеръ-лакеемъ у великаго князя наслѣдника, который, вслѣдъ за вступленіемъ своимъ на престолъ, назначилъ Каровича стародубскимъ полковникомъ.

церквѣ. Гудовичъ купилъ у англичанъ часы стѣнные, столикъ круглый и габінетецъ съ зеркаломъ, которому вручено отъ мене до жены моей писанное генваря 31-го писмо о посилки чрезъ Брянскъ оловяной моей посуды, здесь купленной, и въ двохъ сосудахъ закусокъ. Государиня изволила возвратится изъ Царского Села.

6. Писано писмо до Скоропадского съ посилкою пакетця, отъ дѣтей его полученного зъ Вроцлавя, тамъ-же включено подъ числомъ 31-мъ генваря до племѣнника Іосифа о отправленной въ домъ чрезъ Брянскъ цѣновой посудѣ и въ двохъ сосудцахъ закусокъ. Вечеромъ ездили съ Гудовичемъ до прокурора провіантмейстерской канцеляріи Петра Михайловича Николева.

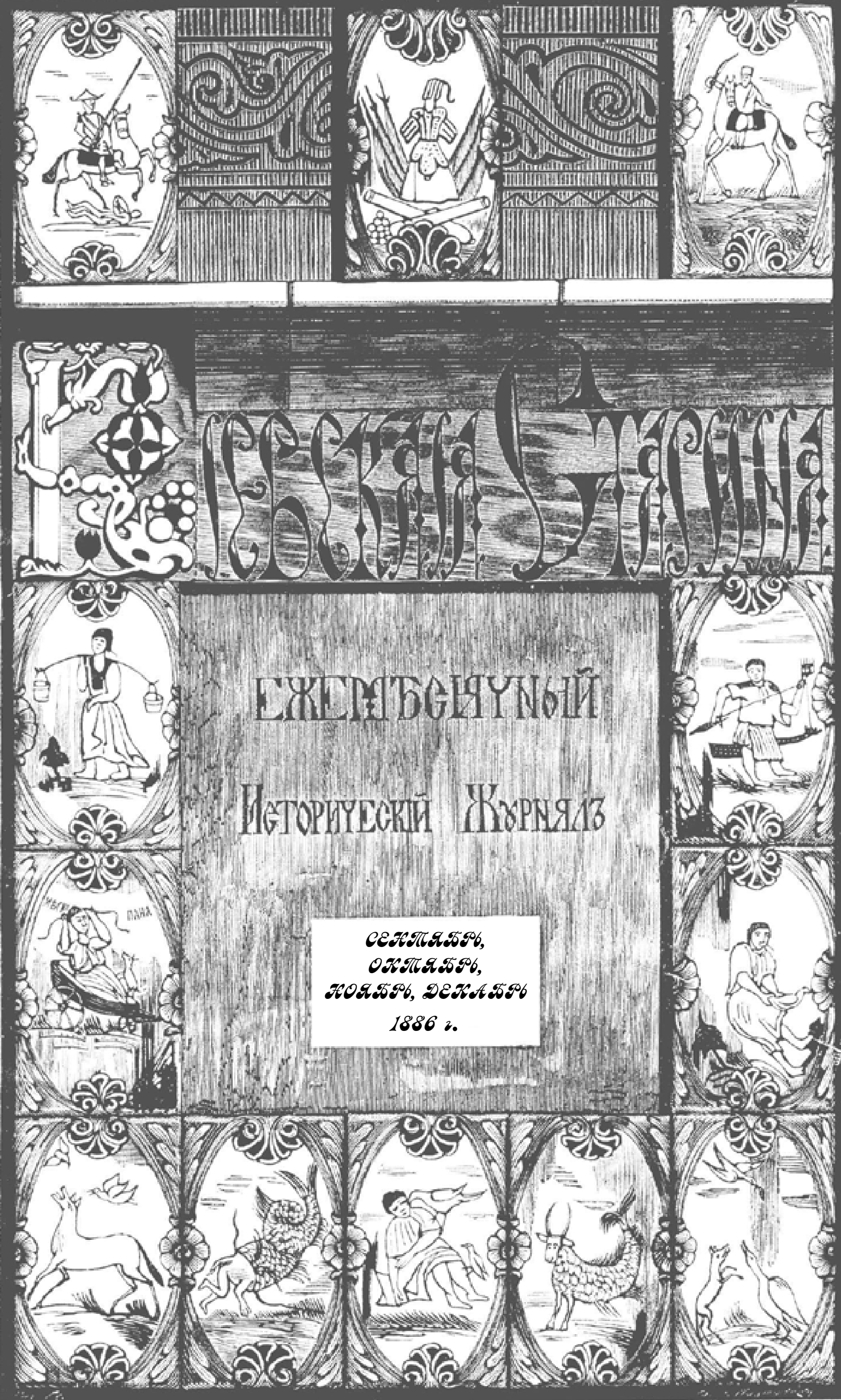
7. Рано были въ дворцѣ у графа Р(озумовского) и видѣлись съ генераломъ лейтнантомъ Михайломъ Семеновичемъ Хрущевымъ, а по обѣдѣ ездилъ Гудовичъ до князя Н. Ю. Трубецкого, будто по его приказу и требованію.

8. Рано ездили съ Гудовичемъ въ дворецъ для поздравленія тезоименитствомъ отца Ѳеодора Дубянского, духовника, а оттуда заехали поздравить тезоименитствомъ-же Ѳедора Івановича Коченевского и у него съ многими обоего пола гостми обѣдали; а у насъ съ г. Лизогубомъ обѣдалъ отецъ Лука, намѣстникъ свинскій, въ нашей-же квартерѣ. По обѣдѣ былъ лейбъ-компанецъ Романъ Лукяновъ синъ Струтинскій [135]). Въ вечеру присланный служитель отъ Горчакова звалъ на завтра откупать для крестинъ недавно родившейся ему дочери.

9. Писалъ до г. Горленка, судіи енералного, на его писмо стороны денегъ его, мною у Якова Дмитріевича Красінского 150 р. взятыхъ, и о удостоеніи его-жъ за службы маетностми, которое включилъ въ одинъ пакетъ до Скоропадского и до жены, что-бъ отдала и ему 600 р. давныхъ, да за 17 черноныхъ 38 р. 50 к., такожъ Горленку судіи 150 р. и Мандзенку за матеріи заплачены-ль надлежащые денги; и впечаталъ въ конвертъ на имя членовъ войсковой генералной канцел-

---

[135]) Когда въ 1712 г. Галаганъ получилъ отъ Скоропадскаго м. Еремѣевку, то поставилъ надъ тамошними крестьянами старостою Лукьяна Струтинскаго. Сынъ этого старосты Романъ былъ взятъ къ императрицѣ въ гайдуки и отсюда попалъ въ лейбъ-компанцы; въ 1757 г. Романъ Струтинскій былъ капитанъ-поручикомъ и лейбъ-компаніи вице-капраломъ, а черезъ десять лѣтъ полковникомъ.

Кіевъ Въ тіпографіи Г.Т. Корчакъ-Новицкаго.